

Б ⁶²⁻⁶⁴
412

Н.К.КРУПСКАЯ

О ВОСПИТАНИИ
В СЕМЬЕ

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Б 62-64
412

Н. К. КРУПСКАЯ

О ВОСПИТАНИИ В СЕМЬЕ

Избранные статьи и речи

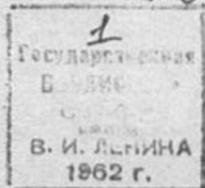
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1962

~~1962 $\frac{23}{987}$~~

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии педагогических наук РСФСР

Составитель
Н. И. СТРИЕВСКАЯ

62-83906

~~459110~~

201122040

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В педагогическом наследстве Н. К. Крупской значительное место занимают работы, посвященные вопросам воспитания детей в семье. Надежда Константиновна рассматривает советскую семью как дружный коллектив, в котором воспитываются новые люди — строители коммунистического общества. Правильные взаимоотношения между мужем и женой, между родителями и детьми, господствующие в семье интересы имеют большое значение для формирования личности ребенка.

Если семья живет большими общественными интересами, пишет Н. К. Крупская, если члены семьи — люди отзывчивые, чуткие, если труд соединяет их в дружный союз, воспитание детей получает правильную, здоровую нравственную основу. Если же семья ведет праздную жизнь, занята только устройством личного благополучия, если ей чужды высокие общественные идеалы, если в ней царят черствость и эгоизм — все это налагает свою печать на нравственный облик растущего человека. Поэтому, как указывала Н. К. Крупская, «семейное воспитание для родителей... прежде всего самовоспитание». Мы должны вырастить таких ребят, которые были бы людьми, способными двигать жизнь вперед, строить коммунистическое общество.

Надежда Константиновна показывает, как практически сказывается на детях пример взрослых, их отношение к обществу, к жизни. Хорошие поступки членов семьи, борющейся за новую жизнь, радуют детей, наполняют их гордостью и желанием подражать родителям. Высокое общественное сознание родителей способствует формированию соответствующего сознания детей.

В статьях «Мое детство» и «Ранние годы и юность Ильича» Н. К. Крупская на примерах своего детства и детства В. И. Ленина показывает, какое влияние имела семья на формирование личности того и другого, как складывалось их мировоззрение, как выковывались у них качества революционеров-борцов.

В семейном воспитании большую роль Надежда Константиновна отводит матери. Мать — «естественная воспитательница» детей. По мере того как укрепляется социализм в нашей стране, облегчается труд, естественное материнское чувство получает полный простор.

Надежда Константиновна призвала родителей беречь детство детей и в то же время видеть в ребенке будущего человека. У Владимира Ильича, писала она в статье «Ленин и дети», не было и тени пренебрежительного отношения к детям, того невнимания к ним, которое часто бывает у взрослых. Он терпеть не мог превращения детей в игрушку, терпеть не мог бессмысленного баловства. Он уважал права детей, в детях видел будущее.

Ребятам нужны не постоянные нравоучения, одергивания, не рассказы о добродетельных мальчиках и девочках, о «примерных» пионерах. Это только раздражает ребят. Важно другое, важно умение взрослых в семье помочь ребятам наладить дружную игру и работу, важно внимание к переживаниям детей, важно уважение к их труду и учению, к их убеждениям, важен пример. Плохой воспитатель тот, который учит ребят сдерживаться, а сам не сдерживается, учит ребят товариществу, а сам держится с ними не как товарищ. Ребята чрезвычайно чутки ко всякой фальши, ко всякому лицемерию. Они прямолинейны, не терпят расхождения слова с делом.

Надежда Константиновна выступает убежденным сторонником воспитания детей в духе коллективизма. «Задача важная, — говорит она, — развить в детях привычку жить и работать коллективно. Чувство товарищества — сила, помогающая в труде, беде и великих достижениях».

Чем раньше начнет ребенок жить коллективной жизнью, тем больше шансов вырастить из него настоящего коммуниста. Большую роль отводит Н. К. Крупская пионерской организации. Пионерская организация воспитывает в своих членах коллективистические чувства, привычку не отделять своих интересов от интересов коллектива, помогает осознать себя членами рабочего класса, борющегося за счастье человечества, членами великой армии международного пролетариата. Родители должны серьезно относиться к участию ребят в пионерской организации.

сом взрослого человека; мы должны исходить из того, что нравится ребенку и что ему нужно.

Неоднократно повторяет Надежда Константиновна, что надо сделать жизнь ребенка красивой, богатой и содержательной, надо решительно отказаться от шаблона и штампов в подходе к интересам детей.

Н. К. Крупская восставала против собственнических взглядов на семью, на детей как на живую собственность родителей, которые что хотят, то и делают с детьми. Недостаточно только любить ребят, ходить за ними по пятам. Часто бывает, что в очень любящих семьях ребенок изнемогает от ежечасного «негласного» надзора.

В воспитании необходима теснейшая связь между школой и семьей. Нужно, чтобы, по выражению Н. К. Крупской, был перекинут мост между общественным и семейным воспитанием. Для школы важно, что видит и делает ребенок дома.

Еще в 1936 году Н. К. Крупская писала о том, что с победой социализма создаются материальные предпосылки перестройки всего бытового уклада. Поэтому с каждым днем все больше укрепляются новые формы семьи, основанные на глубоком чувстве любви и идейной близости.

Воспитывать всесторонне развитых, коммунистически нравственных людей — эти требования Н. К. Крупской к родителям с особой силой звучат сегодня, когда XXII съезд принял новую Программу КПСС — программу построения коммунизма в нашей стране.

Помещенные в настоящем сборнике статьи написаны Н. К. Крупской в разные годы, но они не потеряли своей актуальности и помогут родителям найти ответы на многие волнующие их сегодня вопросы.

Статьи печатаются по тексту Педагогических сочинений Н. К. Крупской (Изд-во Академии педагогических наук РСФСР).

МОЯ ЖИЗНЬ

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Я родилась в 1869 г. Родители хотя и были дворяне по происхождению, но не было у них ни кола, ни двора, и когда они поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды.

Мать воспитывалась на казенный счет в институте, была круглой сиротой и прямо со школьной скамьи пошла в гувернантки.

МОЙ ОТЕЦ

У отца родители умерли рано, и он воспитывался в корпусе и военном училище, откуда вышел офицером. В те времена среди офицерства было много недовольных. Отец всегда очень много читал, не верил в бога, был знаком с социалистическим движением Запада. В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы); насколько сам отец принимал участие в революционном движении, я судить не могу. Он умер, когда мне было 14 лет, а условия тогдашней ре-

волюционной деятельности требовали строгой конспирации; революционеры о своей работе говорили поэтому мало. Когда шел разговор о революционной работе, меня обычно усылали что-нибудь купить в лавочке или давали какое-нибудь поручение. Все же разговоров революционных я наслушалась достаточно, и, конечно, сочувствие мое было на стороне революционеров.

Отец был очень горячий человек и, если видел какую-нибудь несправедливость, всегда вмешивался в дело. Когда он был еще совсем молодым офицером, ему пришлось участвовать в подавлении польского восстания, но усмиритель он был плохой, выпускал пленных поляков, помогал им бежать и вообще старался, чтобы побед царской армии над восставшими против невыносимого гнета русского царизма было меньше. По окончании военной кампании отец поступил в Военно-юридическую академию и, окончив ее, взял службу в Польше — место уездного начальника. Он считал, что в Польшу должны ехать служить честные люди. Когда он приехал в назначенный ему уезд, там делались всякие безобразия — евреев вытаскивали на площадь и под барабаны стригли им пейсы, полякам запрещали огораживать свое кладбище и гоняли туда свиней, которые разрывали могилы. Отец прекратил все эти безобразия. Он завел больницу, поставил ее образцово, преследовал взяточничество, чем заслужил ненависть жандармерии и русского чиновничества и любовь населения, особенно поляков и еврейской бедноты.

Вскоре на отца посыпались всякие анонимные доносы. Он был признан неблагонадежным, уволен без объяснения причин и предан суду (на него возвели 22 преступления: говорит по-польски, танцует мазурку, не зажжена была в царский день в канцелярии иллюминация, не

Н. К. Крупская в детские годы

ходит в церковь и т. д.) без права поступления на государственную службу. Дело тянулось десять лет, дошло до Сената, где отец уже накануне своей смерти был, наконец, оправдан.

ТАК Я УЧИЛАСЬ НЕНАВИДЕТЬ САМОДЕРЖАВИЕ

Я рано выучилась ненавидеть национальный гнет, рано поняла, что евреи, поляки и другие народности ничуть не хуже русских, и потому я от всего сердца присоединилась, когда стала взрослой, к программе партии РКП, где говорилось о праве наций жить, управляться, как они хотят; признание права наций на самоопределение казалось мне очень правильным.

Я рано поняла, что такое самовластие царских чиновников, что такое произвол. Когда я выросла, я стала революционеркой, борющейся против царского самодержавия.

Потеряв службу, отец брался за ту работу, которая попадалась: был страховым агентом, ревизором фабрики, вел судебные дела и т. п. Мы переезжали вечно из города в город, и мне пришлось видеть очень много людей всякого рода, наблюдать, как живут разные слои населения.

Мама часто рассказывала о том, как она жила в гувернантках у помещицы и вдоволь насмотрелась, как обращались помещики с крестьянами, какое это было зверье. И когда однажды мы поехали на лето (пока отец искал место) гостить к той помещице, у которой мама учила когда-то сыновою, я, несмотря на то что мне было пять лет, скандалила, не хотела ни здороваться, ни прощаться, ни благодарить за обед, так что мама была рада-радешенька, когда за нами приехал отец и мы уехали из Русанова (так называлось имение помещицы). А ко-

гда мы ехали из Русанова в кибитке (дело было зимой), нас чуть не убили дорогой крестьяне, приняв за помещиков, избили ямщика и сулились спустить в прорубь.

Отец не винил крестьян, а потом в разговоре с матерью говорил о вековой ненависти крестьян к помещикам, о том, что помещики эту ненависть заслужили.

В Русанове я успела подружиться с деревенскими ребятами и бабами, меня ласкавшими. Я была на стороне крестьян. Слова отца запомнила на всю жизнь, и понятно, почему потом, будучи взрослой, я стояла за конфискацию помещичьих земель и передачу земли крестьянству.

Так же рано (мне было тогда шесть лет) я научилась ненавидеть фабрикантов. Отец служил ревизором в Угличе на фабрике Говарда и часто говорил о всех тех безобразиях, которые там делались, об эксплуатации рабочих и т. п. Я слушала.

А потом я играла с ребятами рабочих, и мы ладили из-за угла швырнуть комом снега в проходившего мимо управляющего.

Когда мне было 8 лет, мы жили в Киеве, — началась турецкая война. Я нагладелась на патриотический угар, наслушалась о зверстве турок, но я видела израненных пленных, играла с пленным турчонком и находила, что война — самое вредное дело.

Потом отец повел меня на выставку картин Верещагина, где было изображено, как штабные во главе с каким-то великим князем, в белых кителях, из безопасного местечка рассматривали в бинокль, как умирали солдаты в схватке с врагом. И хотя тогда я не умела еще осознать, но потом, будучи уже взрослой, я была всем сердцем с армией, отказавшейся вести дальше империалистическую войну.

«ТИМОФЕЙКА»

Когда мне было лет 11, меня отправили весной в деревню. Отец вел дела помещиц Косяковских, имевших небольшую писчебумажную фабрику в Псковской губернии. Дела были очень запутаны, отец приводил все в порядок. Был он человеком для Косяковских нужным в то время, и потому Косяковские к нему были очень любезны.

Я сильно хворала весной, и Косяковские предложили меня взять к себе в имение, расположенное в 40 верстах от станции Белой. Имение называлось «Студенец». Родные согласились. Я немножко стеснялась чужих людей, но ехать на лошадях было чудесно. Ехали лесом и полями; на пригорках уже цвели иммортели, пахло землей, зеленью.

Первую ночь меня уложили спать на какую-то шикарную постель в барской шикарной комнате. Было душно и жарко. Я подошла к окну, распахнула его. В комнату хлынул запах сирени; заливаясь, щелкал соловей. Долго я стояла у окна. На другое утро я встала раненько и вышла в сад, спускавшийся к реке. В саду встретила я молоденькую девушку лет восемнадцати, в простеньком ситцевом платье, с низким лбом и темными вьющимися волосами. Она заговорила со мной. Это была, как оказалось, местная учительница Александра Тимофеевна, или, как ее звали, «Тимофейка». Минут через десять я уже чувствовала себя с «Тимофейкой» совсем просто, точно с подругой, и болтала с ней о всех своих впечатлениях.

Школа, которую содержали помещицы, еще работала. Училось старшее отделение — 5 человек, которые должны были держать экзамен: Илюша, Сеня, Митька, Ваня и Павел. Я стала частенько забегать в школу, ре-

шать с ребятами наперегонки задачи, вместе читать вслух; было весело.

У «Тимофейки» в комнате на печурке было много детских книг, я помогала «Тимофейке» их подклеивать и брошюровать. По воскресеньям к ней приходило много подростков и молодежи. Читали вместе Некрасова. «Тимофейка» много нам рассказывала.

Из ее слов я поняла, что помещики — это что-то очень плохое, что они не помогают, а вредят крестьянам и что крестьянам надо помогать. Мне не нравились Косяковские. Были они очень напыщенные какие-то. Косяковская-мать ходила всегда в белом платье, говорила сквозь зубы, ворчала на прислугу; она казалась мне чужой.

ПОМЕЩИЦА НАЗИМОВА И ЕЕ СОБАКИ

Еще больше стала я не любить помещиков после нашей поездки в соседнее имение. Туда поехали Косяковские, «Тимофейка» и пятеро старших учеников. Они должны были там держать экзамен. Взяли и меня.

Имение, куда мы поехали, принадлежало богатой помещице Назимовой. Все перед ней прислуживались. Когда она ходила к обедне, то, поцеловав руку попу, всовывала в нее 25 рублей. Поп поэтому не служил обедни, пока не придет помещица.

Экзамен происходил в школе. Ребят спрашивал местный поп и какой-то инспектор. Ребята очень испугались, особенно Илюша.

Когда им стали делать диктовку, Илюша написал с испугу: «кислые счы» вместо «кислые щи». Я не вытерпела и пошла сказать ему, чтобы он поправил ошибку. «Тимофейка» сказала мне, чтобы я сидела смирно и не совалась; она сама волновалась. Все же ребята выдержали. Илюша долго не мог успокоиться, был бледен и

дрожал. Нас позвали обедать к Назимовой. Что меня поразило — это куча комнатных собак: болонок, левреток, еще каких-то; они прыгали по стульям, суетились. Когда сели обедать, появились две босоногие девочки. Назимова наливала прежде суп на собачьи тарелки. Девочки разносили собакам еду. Потом наливала суп гостям. Всюду была роскошь. Особенно был наряден сад: вокруг пруда росли чудесные розы. Но мне было скучно, и я была рада, когда стали собираться домой. «Да, конечно, — думала я, — «Тимофейка» права, когда говорит, что не надо помещиков». Я слышала то же еще раньше от отца.

«Тимофейка» брала меня с собой, когда ходила по соседним деревням. Она носила крестьянам книжки и долго толковала с ними, но я не все понимала, что она говорила.

Потом «Тимофейка» куда-то уезжала на месяц.

С ФАБРИЧНЫМ ЛЮДОМ

Тем временем приехали отец с матерью и поселились верстах в двух от имения Косяковских, около фабрики; я стала жить с ними. Подружилась с ребятами, которые работали на фабрике. Оказалось, и Илюша там работает. Я тоже стала ходить на фабрику и иногда часами сидела и складывала в дести и стопы листы оберточной бумаги. Завела также дружбу со стариком, который возил дрова на фабрику. Он давал мне становиться на телегу и стоя править; это мне очень нравилось. Мы ездили в лес, там я ему помогала накладывать на телегу дрова, потом мы шли около телеги и, подъехав к фабрике, сбрасывали дрова в кочегарку. Отец и мать посмеивались над моим усердием и над моими ободранными руками.

Около фабрики под навесом целыми днями сидели бабы и с песнями разбирали, сортировали грязную тряпку, из которой приготавлилась бумага на фабрике. Тряпку особые скупщики скупали по деревням у крестьян, — тут были драные синие рубахи, портки, разная рвань. Я подсосеживалась к бабам, подтягивала песни и сортировала тряпку.

Под лестницей у меня жил зайчонок, его мне принесла одна из баб. Был еще у меня друг-приятель пес Карсон, рыжая дворняжка. После обеда я сливала суп, простоквашу в тарелку, бросала туда кости, остатки хлеба и кричала: «Карсон, Карсон!» Карсон мчался со всех ног на мой зов и с наслаждением проглатывал припасенный ему обед.

Наконец, надо было уезжать. Жалко было оставлять «Тимофейку», которая уже вернулась, жалко расставаться с ребятами, с дедом, с теткой Марьей, с Карсоном. Когда подали коляску уезжать и мы в нее сели, Карсон влез в коляску. Его пришлось вытащить силой.

Зимой мне рассказали, что Карсона съели волки. Было очень жалко.

Я не раз спрашивала про «Тимофейку». Отец рассказывал как-то, что нагрянула полиция, сделала у «Тимофейки» обыск, нашла литературу и портрет царя, на котором было написано решение какой-то задачи. Позднее я узнала, что «Тимофейку» два года продержали в псковской тюрьме, в комнате без окна. После я ее никогда не видела. Фамилия ее была Яворская. Зимой, сидя в классе, я все рисовала домики с вывеской «Школа» и думала о том, как я буду сельской учительницей.

С тех пор у меня на всю жизнь сохранился интерес к сельской школе и сельскому учительству.

Могла ли я тогда не сочувствовать революционерам!

Я живо помню вечер 1 марта 1881 г., когда народовольцы убили бомбой царя Александра II. Сначала пришли к нам наши родственники, страшно перепуганные, но не сказали ничего. Потом впопыхах влетел старый товарищ отца по корпусу, военный, и стал рассказывать подробности убийства, как взорвало карету и пр. «Я вот и креп на рукав купил», — сказал он, показывая купленный креп. Помню, как я удивилась тому, что он хочет носить траур по царю, которого всегда ругал. Этот товарищ отца был очень скупой человек, и поэтому я подумала: «Ну если он разорился, креп купил, значит, правду рассказывает». Я всю ночь не спала. Думала, что теперь, когда царя убили, все пойдет по-другому, народ получит волю.

Однако так не вышло. Все осталось по-старому, еще хуже стало. Народовольцев перехватала полиция, а убивших царя казнили. На казнь их везли мимо гимназии, где я училась. Потом в этот день, к вечеру, дядя рассказывал, как Михайлов сорвался с петли, когда его вешали.

Перехватили и наших знакомых революционеров. Заглохла всякая общественная жизнь...

УЧИТЬСЯ!

Сначала я училась дома. Мать меня учила. Рано научилась я читать. Книги были моей радостью. Я глотала книжку за книжкой, они открывали передо мной целый мир.

Я очень хотела скорее поступить в гимназию. Поступила, когда мне было 10 лет. Но в гимназии мне было

плохо. Класс был большой, человек 50. Я была очень застенчива и как-то затерялась в нем. Никто не обращал на меня никакого внимания. Учителя задавали уроки, вызывали к доске, спрашивали уроки, ставили отметки. Спрашивать ни о чем не полагалось. Классная дама у нас была придира и крикса, ухаживала за богатыми девочками, приезжавшими на своих лошадях, и бранила девочек, плохо одетых. А главное, между девочками не было дружбы, было очень скучно и одиноко. Я очень усердно учила уроки и была развитее других, но отвечала плохо, так как думала совсем не о том, о чем меня спрашивали.

Отец, видя, что я чувствую себя в гимназии плохо, перевел в другую — в частную гимназию Оболенской.

Тут было совсем другое.

Никто на нас не кричал, дети держали себя свободно, были дружны между собой, и я со многими подружилась. Учиться было очень интересно. Я до сих пор вспоминаю эту гимназию с добрым чувством: она дала мне много знаний, умение работать, сделала меня ответственным человеком.

ПРИШЛОСЬ ДУМАТЬ О ЗАРАБОТКЕ

Отец, с которым я дружила и говорила обо всем, умер, когда мне было 14 лет. Мы остались вдвоем с мамой. Она была очень хорошим, живым человеком, но смотрела на меня как на ребенка. Я упорно отстаивала свою самостоятельность. Только позже, когда у нас установились уже отношения равенства, мы стали жить дружно. Она очень меня любила, и мы прожили всю жизнь вместе. Она сочувствовала тому, что я стала революционеркой, и помогала. Все товарищи по партии, бывавшие у нас, знали и любили ее. Она уж никого, бы-

вало, не отпустит голодным, о каждом позаботится. Когда отец умер, пришлось думать о заработке. Я достала урок. Мы с мамой брали также переписку. Кроме того, наняли большую квартиру и стали сдавать комнаты. Тут пришлось повидать всякого народа, насмотреться, как живет студенчество и разная городская мелкая интеллигенция — телефонистки, швейки, фельдшерницы и пр. Так как я была первой ученицей, то получила урок через гимназию. Это занятие было не из сладких. Родители побогаче смотрели на учительницу свысока, вмешивались в занятия. Я мечтала о том, чтобы стать по окончании гимназии учительницей в школе, но никак не могла найти места.

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

Тем временем я усердно читала сочинения Льва Толстого. Он очень резко критиковал роскошь и праздность богачей, критиковал государственные порядки, показывал, как все делается для устройства сытой и приятной жизни помещиков и богачей и как пропадают, гибнут от чрезмерного труда рабочие, как надрываются над работой крестьяне. Л. Толстой умел очень ярко изображать вещи. Я продумала все то, что сама видела вокруг себя, и увидела: Л. Толстой прав. По-другому я посмотрела на борьбу революционеров, лучше я поняла, за что они борются. Но что делать? Террором, убийством отдельных, особенно вредных чиновников и царей делу не поможешь. Л. Толстой указал такой выход — физический труд и личное самоусовершенствование. Я все стала делать сама по дому, а летом исполняла тяжелую крестьянскую работу. Изгнала всякую роскошь из жизни, стала внимательной к людям, терпеливее. Но скоро я поняла, что от этого ничего не меняется и несправедли-

вые порядки будут продолжать по-прежнему существовать, сколько бы я ни надрывалась над работой. Правда, я ближе узнала крестьянскую жизнь, научилась попросту разговаривать с крестьянами и рабочими, но какой же это был выход! Я думала, что если поступлю в вуз, то узнаю, что надо делать, чтобы изменить жизнь, уничтожить эксплуатацию.

В то время женщин не принимали ни в университет, ни в какие другие высшие учебные заведения. По распоряжению царицы, которая считала, что женщине не надо учиться, а надо сидеть дома и ухаживать за мужем и детьми, женские медицинские курсы и высшие женские курсы были закрыты. Я училась самоучкой, как умела. Наконец, были открыты в Питере Высшие женские курсы, и я туда поступила. Через пару месяцев я сильно разочаровалась в них. Увидела, что того, что мне надо, курсы мне не дадут, что там учат весьма ученым вещам, но очень далеким от жизни.

КАК Я СТАЛА МАРКСИСТКОЙ

Времена тогда были совсем другие, чем теперь. Книг по общественным вопросам хороших не было, собраний не было, рабочие были совсем не организованы, рабочей партии тоже не было. Мне было 20 лет, и я даже не слыхала, что был какой-то Маркс, ничего не слыхала о рабочем движении — о коммунизме.

Однажды я попала в студенческий кружок, — тогда начиналось студенческое движение, и у меня открылись глаза. Я бросила курсы и стала учиться в кружках, стала читать Маркса и другие необходимые книжки. Я поняла, что изменить жизнь может только рабочее революционное движение, что для того, чтобы быть полезной, нужной, надо отдавать все свои силы рабочему делу.

Весной я попросила достать мне первый том «Капитала» Маркса и еще книг, которые мне будут полезны. Маркса тогда не выдавали даже в Публичной библиотеке, и его очень трудно было достать. Кроме «Капитала», раздобыла я еще Зибера «Очерки первобытной культуры», «Развитие капитализма в России» В. В. (Воронцова)¹, Ефименко «Исследование Севера»².

Ранней весной мы с матерью наняли избу в деревне, и я забрала с собой книжки. Все лето я усердно работала с хозяевами, местными крестьянами, у которых не хватало рабочих рук. Обмывала ребят, работала на огороде, гребла сено, жала. Деревенские интересы захватили меня. Проснешься, бывало, ночью и думаешь сквозь сон: «Не ушли бы кони в овес». А в промежутках я столь же усердно читала «Капитал». Первые две главы были очень трудны, но начиная с третьей главы дело пошло на лад. Я точно живую воду пила. Не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение — вот где выход.

Начинает вечереть, сижу с книгой на ступеньках крыльца, читаю: «Бьет смертный час капитализма: экспроприаторов экспроприруют». Сердце колотится так, что слышно. Смотрю перед собою и никак не пойму, что лопочет примостившаяся тут же на крыльце нянька-подросток с хозяйским ребенком на руках: «По-нашему щи, по-вашему суп, по-нашему челн, по-вашему лодка... по-нашему весло, не знаю уж, как по-вашему», — старается она растолковать мне, не понимая моего молчания. Думала ли я тогда, что доживу до момента «экспро-

---

¹ Указанная книга В. В. (псевдоним В. П. Воронцова) вышла в свет в 1882 г. под названием «Судьбы капитализма в России». — *Ред.*

² Полное название работы А. Я. Ефименко — «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере». — *Ред.*

приации экспроприаторов»? Тогда этот вопрос не интересовал меня. Меня интересовало одно: ясна цель, ясен путь. И потом каждый раз, как взметывалось пламя рабочего движения: в 1896 г., во время стачки петербургских текстильщиков, 9 января, в 1903—1905 гг., в 1912 г. во время Ленских событий, в 1917 г., — я каждый раз думала о смертном часе капитализма, о том, что на шаг эта цель стала ближе. Думала об этом смертном часе капитализма и на II съезде Советов, когда земля и все орудия производства объявлялись собственностью народа. Сколько еще шагов бсталось до цели? Увижу ли последний шаг? Как знать! Но это не важно. Все равно, теперь «мечта возможной и близкой стала». Она стала осязаемой. Неизбежность, неотвратимость ее осуществления очевидна для всякого. Агония капитализма уже началась.

ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ

В кружки я ходила три года, очень многому в них научилась, совсем по-другому стала смотреть на жизнь. Но мне хотелось не только знать, но и работать, быть полезной. У студентов с рабочими связи были слабы: тогда студентов преследовали всячески, если они ходили к рабочим; царское правительство старалось отгородить студенчество от рабочих каменной стеной, и, чтобы пойти поговорить с рабочими, надо было переодеваться, чтобы не походить на студента, и идти тайком. Все связи у студенчества были наперечет. Я решила тогда поступить учительницей в воскресно-вечернюю школу в селе Смоленском, что за Невской заставой (теперь этот район называется районом Володарского).

Школа была большая, на 600 человек, туда ходили рабочие с фабрики Максвелля, Паля, Семяникова, с

Александровского завода и других. Почти каждый день ездила я туда.

В этой школе я завязала очень большие связи, близко узнала рабочую жизнь, рабочих. Тогда были еще такие нравы, что приехавший инспектор закрывал повторительную группу за то, что там проходили дробы, когда по программе полагалось лишь четыре правила арифметики, что рабочего высылали по этапу на родину за употребление в разговоре с управляющим выражения «интенсивность труда» и т. д. И тем не менее в школе можно было работать. Можно было говорить, что угодно, не употребляя там страшных слов: «царизм», «стачка», «революция». И мы (на следующий год в школу поступило еще несколько марксистов) старались, не помяная имени Маркса, разъяснить ученикам марксизм. Меня удивляло, как легко было, стоя на почве марксизма, объяснять рабочим самые трудные вещи. Вся жизненная обстановка подводила их к восприятию марксизма. Смотришь, приедет из деревни осенью паренек. Сначала во время уроков по «географии» и «русскому языку» затыкает уши и читает Ветхий или Новый заветы Рудакова, а смотришь, к весне уже бежит после занятий в школе в кружок, о чем намекает с многозначительной улыбкой. Скажет какой-нибудь рабочий на уроке «географии»: «Кустарные промыслы не могут выдержать конкуренции с крупным производством» или спросит: «Какая разница между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим?», и уже знаешь, что этот рабочий входит в марксистский кружок и он знает, что это он своей фразой сказал, и устанавливается тогда между нами особая связь, точно он пароль какой сказал. Потом уже приходит и каждый раз поклонится по-особенному: «Ты, мол, наша». Но и не ходившие в кружки, не умевшие еще формулировать «разницы меж-

Н. К. Крупская (90-е гг. XIX в.)

ду архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим», относились к нам как-то особенно заботливо и любовно.

— Вы книжек сегодня не раздавайте, — предупреждает какой-нибудь ученик (хотя раздаваемые книжки обычно библиотечные), — тут новый пришел, кто его знает: в монахах ходил. Мы про него разузнаем...

— При этом черном ничего не говорите: он в охранку шляется, — предупреждает пожилой рабочий.

Уходит ученик в солдаты и перед отъездом приводит своего приятеля с Путиловского завода.

— Далеко ходить, по вечерам ходить не сможет, а по воскресеньям пусть на «географию» ходит.

Я проучительствовала в этой школе пять лет, до тех пор, пока не попала в тюрьму. Эти пять лет, проведенные в школе, влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом.

Тем временем у нас стала складываться хотя и очень слабая, но все же организация. Организация активных марксистов, по примеру немецкой рабочей партии, стала называть себя социал-демократической.

В 1894 г.¹ приехал в Питер Владимир Ильич, и тогда дело пошло гораздо лучше, организация быстро укреплялась. Мы с Владимиром Ильичом работали в одном районе и скоро очень подружились. Наша организация перешла уже к широкой агитации листовками. Стала выпускать нелегальные брошюры, потом задумали выпускать нелегальный журнал, популярный. Когда он был почти совсем готов, Владимира Ильича и еще ряд товарищей арестовали. Это был большой удар для организации, но кое-как собрались с силами и продолжали выпускать листовки. В августе 1896 г. всяче-

---

¹ В. И. Ленин приехал в Петербург в конце 1893 г. — *Ред.*

ски разжигали забастовку ткачей, помогли ей пройти организованно. После забастовки начались аресты, была арестована и я. В ссылке я вышла замуж за Владимира Ильича. С тех пор моя жизнь шла следом за его жизнью, я помогала ему в работе чем и как могла. Рассказывать об этом — значило бы рассказывать историю жизни и работы Владимира Ильича. Моя работа заключалась в годы эмиграции преимущественно в сношениях с Россией. В 1905—1907 гг. я была секретарем ЦК, а начиная с 1917 г. работаю по делу народного образования. Дело это я очень люблю и считаю важным. Чтобы довести дело Октября до конца, рабочим надо овладеть знанием, надо овладеть им и крестьянству. Без этого оно не сможет сознательно пойти следом за рабочим классом, без этого медленнее будет объединять свои хозяйства. Моя работа по народному образованию тесно связана с пропагандистской и агитационной работой партии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне выпало на долю большое счастье — видеть, как росла сила и мощь рабочего класса, как росла его партия, пришлось быть свидетельницей величайшей в мире революции, видеть уже ростки нового, социалистического строя, видеть, как жизнь начинает перестраиваться в своих основах.

Я всегда очень жалела, что у меня не было ребят. Теперь не жалею. Теперь их у меня много — комсомольцы и юные пионеры. Все они — ленинцы, хотя бы ленинцами.

По заказу юных пионеров написана эта автобиография.

Им, моим милым, родным ребятам, я ее и посвящаю.

ЛЕЛЯ И Я

— Мама, можно будет остаться ночевать у Лели?

— Ты знаешь, я не люблю, когда ты там остаешься ночевать, вы ужасно шалите, за вами никто не смотрит. Леля постоянно простужается, эту зиму уже три раза была больна.

— Ну, мамочка, пожалуйста, один разочек!

— Посмотрим там. Одевайся!

Мы едем к родным. Там моя двоюродная сестра Леля. Мне шесть с половиной лет, Леля на год меня старше, я ее очень люблю. У них всегда очень весело, хотя мы с Лелей часто ссоримся и даже деремся.

На улице мороз. На меня надевают ненавистные красные фланелевые штанишки, теплые калоши, закутывают в большой теплый платок, даже рот завязывают.

Совершенно невозможно почти двигаться, трудно дышать. При одевании я всегда сопротивляюсь укутыванию, ворчу, даже плачу. Но сегодня я терпелива, хотя противный шерстяной платок лезет в рот. Ничего, мы едем к Леле!

Мы берем извозчика, хотя ехать недалеко, всего две улицы, и через четверть часа мы уже у Бронских.

Первый, кто нас встречает,— это Мидошка, большой

сеттер, белый с коричневыми пятнами. Увидев меня, он заливается радостным лаем, лижет мне руки, лицо. Я обнимаю его: «Мидошка, милый!»

— Оставь, Надя, Мидошку! Посмотри, у него шерсть лезет, он тебя всю обслонявил! На тебе новенькое платье!

Все это правда: мое новое шерстяное коричневое платье все в белой шерсти, и Мидошка ужасно слюнявый, — говорят, все сеттеры такие, — но это неважно. Мы так рады друг другу!

На Мидошкин лай выбегает Леля: «Надя!» Черные стриженные волосы торчат вихрами, пальцы в чернилах (Леля училась), белый передник порван и украшен чернильным пятном. Она вся сияет от радости.

Еле поздоровавшись со взрослыми, я вместе с Лелей и Мидошкой убегаю в детскую.

Сначала мы играем в цирк. Скачем по клеенчатому дивану, учим Мидошку прыгать через веревочку.

Потом смотрим картинки в новой книжке, которую недавно подарили Леле. Картинки очень красивые. Это — сказки. Тут и «Красная Шапочка», и «Спящая Царевна» и много других. Особенно нравится мне фея. Она в белом платье, с светлыми распущенными волосами, в золотой короне. Я не могу на нее налюбоваться.

— Я никогда еще не видала фей, — говорю я Леле. — Мама недавно мне читала про старого шарманщика. У него была маленькая внучка. Она заболела, а у них есть нечего было. Шарманщик ходил и играл. Был мороз трескучий, и руки у него совсем замерзли. И одна девочка — Эллен — ему все свои деньги отдала. В книге сказано: шарманщик благословлял маленькую фею. Я думала, какие феи бывают. Они вон какие.

В книжке была еще колдунья и избушка из пряников.

Вдруг со двора донесся звук шарманки. «Шарман-

щик!» — вскричала Леля. Мы подбежали к окну. Играл старик. «Может, ему тоже есть нечего!» — и Леля бросилась к комоду, пододвинула стул. На комодe стояла ее копилка. Правда, в Лелиной копилке никогда ничего не «копилось», потому что она открывалась. Скоренько вытряхнула Леля себе на ладонь все, что было в копилке: пятак, две копейки и копейку — и, как была, в одном платье, побежала через черный ход во двор, положила деньги на шарманку и убежала назад. Я с восторгом смотрела на Лелю. У нас, когда давали деньги нищим или музыкантам, заворачивали их в бумажку и бросали через форточку. Но отнести самой гораздо лучше, конечно. Я никогда бы не придумала этого и не посмела бы сделать, побоялась бы, что будут бранить. Пока теплые штанишки надевать, шубку застегивать, всякий шарманщик ушел бы. Леля все смеет. Она, конечно, медведя не побоялась бы!

Потом мы смотрели ее «Робинзона» с картинками. Картинки были неважные, очень пестро покрашены и фигуры какие-то большие, точно им тесно на картинке, но под картинками были крупные надписи, которые можно было читать. Мне уже читали «большого» Робинзона, и я по картинкам рассказывала Леле о необитаемом острове, Пятнице, индейцах.

Вечером, когда нас уложили спать и ушли, наказав не разговаривать и засыпать, мы все же решили поиграть еще немножко в Робинзона. Взяли стулья на кровать и из одеял и стульев устроили палатки. Мидошка лежал под дверью. Услышав, что мы возимся, он стал легонько повизгивать и скрестись в дверь. Леля побежала ему открывать. Вбежал Мидон.

— Индейцы! — закричала я. — Защищайся!

Мы схватили подушки и стали бросать в Мидошку подушками. Началась невероятная беготня, визг, лай.

Мы забыли, что на свете есть большие и что нам веле-
но спать.

Большие прибежали на шум.

— Вы с ума сошли! Бегают босиком в одних рубаш-
ках, бросаются подушками! Вы ведь в лампу могли по-
пасть!

— Надя, сейчас же одевайся, едем домой!

Но все же меня оставили ночевать у Бронских. Ми-
дошку прогнали, нас уложили в кровати, лампу зату-
шили, дверь оставили открытой. Пришлось спать.

Утром на другой день мы с Лелей сидели в столовой
около самовара и пили «баварку», молоко пополам с
кипятком. Мы еще не умывались и не причесывались.
У нас дома нельзя было пить чай, не умывшись, у Брон-
ских можно, и это казалось очень интересным. Мы смо-
трелись в самовар и строили рожи. Они отражались и
расплывались в самоваре, принимая неожиданно смеш-
ной вид. Вдруг Леле, высунувшей язык, пришла в го-
лову блестящая мысль.

— Надя, ты можешь лизнуть самовар?

— Ведь он горячий!

— Так что же? Я могу! Смотри! — И Леля делает
языком быстрое движение, будто лижет самовар.

Мне кажется, что она действительно лизнула его.

Надо попробовать. И я добросовестно прикладываю
язык к горячему самовару и вскрикиваю от боли; язык
моментально вспухает.

— Ты взаправду лизнула самовар? — удивляется
Леля. — Ведь он горячий!

— Но ведь ты лизнула тоже!

— Я не взаправду! Я нарочно! Какая ты глупая!

— Зачем же ты меня обманула? — И я горько, в го-
лос плачу уже не от боли, а от обиды, что я такая глуп-
ая и что Леля посмеялась надо мной.

В это время за мной приезжает мама. Она ужасно недовольна. Немытая, нечесаная, с распухшим от слез лицом, я представляю из себя довольно-таки плачевную картину. Я уже не прошу больше еще немного оставить меня у Лели, но потом, дома, страстно мечтаю о том, чтобы поскорее опять попасть в общество Лели и Ми-дошки, где хотя со мной и случаются иногда большие неприятности, но где так удивительно интересно и весело.

1917 г.

ДЕТСТВО И РАННЯЯ ЮНОСТЬ ИЛЬИЧА

Я буду писать о детстве Владимира Ильича главным образом то, что слышала от него самого за время нашей совместной жизни. Правда, поглощенный революционной деятельностью, он мало пускался в воспоминания, — так, при случае что-нибудь расскажет. Но мы были с ним люди одного поколения (я на год старше его), росли приблизительно в одной и той же среде, в среде так называемой «разночинной интеллигенции». Поэтому его воспоминания, хотя и отрывочные, мне говорили об очень многом.

Родился Владимир Ильич 22 апреля 1870 г. в приволжском городке Симбирске и прожил там до 17 лет. Это был губернский город, но, когда смотришь теперь на зарисовки улиц, домов, окрестностей Симбирска того времени, чувствуешь, какая тихая заводь это была тогда. Не было там ни фабрик, ни заводов, не было даже железной дороги; ни телефонов, ни радио, конечно, не было.

Настоящая фамилия Ильича была Ульянов. Только много позже, став революционером, он стал писать, по конспиративным соображениям, под вымышленной фамилией Ленин, — стали так его называть. Теперь Симбирск в память Ильича носит имя Ульяновск. Сейчас Ульяновск — главным образом учебный городок, много

там учащейся молодежи, есть там филиал Ленинского музея.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был простого звания, из астраханских мещан. Жил он в тяжелых условиях, принадлежал к так называемому податному сословию, которому загражден был путь к образованию. С 7 лет он остался сиротой, и только благодаря помощи старшего брата, отдававшего последние гроши на его образование, благодаря необычайной талантливости и упорному труду удалось Илье Николаевичу «выйти в люди», кончить гимназию и Казанский университет в 1854 г. Он стал педагогом, сначала преподавал физику и математику в старших классах Пензенского дворянского института, потом был преподавателем в мужской и женской гимназиях в Нижнем Новгороде, затем в Симбирске был инспектором, а потом директором народных училищ. Илья Николаевич кончил Казанский университет в разгар Крымской войны. Эта война вскрыла с особой силой всю гнилость крепостного права, ярко осветила всю дикость николаевского режима. Это было время, когда резко критиковались крепостническая эпоха, крепостнический уклад, но революционное движение еще не оформилось.

Чтобы понять до конца, кем был Илья Николаевич, надо почитать «Современник», выходящий под редакцией Некрасова и Панаева, где сотрудничали Белинский, Чернышевский, Добролюбов. И старшая сестра Владимира Ильича—Анна Ильинична — и сам Владимир Ильич вспоминали, как любил Илья Николаевич стихи Некрасова. Как педагог, Илья Николаевич особенно усердно читал Добролюбова. Педагогический фронт был в то время фронтом борьбы против крепостничества. Даль, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», еще в 1856 г. резко высказывался

против крестьянской грамотности. В школе царил самый бурсацкий режим; даже в гимназиях, куда принимались лишь дети дворян да служащих, практиковалась порка.

Известно, какую борьбу против крепостнической школы вел Добролюбов. Он умер в 1861 г. двадцатипятилетним юношей. В 1857 г. была напечатана его статья «О значении авторитета в воспитании», посвященная вопросу об авторитете учителя. Добролюбов сравнивал в этой статье авторитет при рабском, крепостническом укладе школы с авторитетом, который приобретает учитель, педагог, благодаря уважению со стороны учеников. Добролюбов, цитируя Пирогова, писал там о роли убеждений: «...убеждения даются нелегко: «Только тот может иметь их, кто *приучен с ранних лет проникательно смотреть в себя*, кто приучен с первых лет жизни *любить искренно правду, стоять за нее горю и быть непринужденно откровенным* — как с наставниками, так и со сверстниками»¹. И далее: «...дита нередко жертвует педагогическим расчетам. Вознесшись на своего нравственного конька, воспитатель считает воспитанника своей собственностью, вещью, с которой он может делать, что ему угодно», при этом «упускает из виду одно весьма важное обстоятельство—действительную жизнь и природу детей и вообще воспитываемых...»². Горячо, страстно восставал в этой статье Добролюбов против слепого, рабского, безусловного подчинения. «Нужно ли говорить о том губительном влиянии, какое производит привычка к *безусловному* повиновению на развитие воли?»³ — писал он.

В этой же статье, сказав о том, что при безусловном повиновении ребенка необходима и безусловная непо-

¹ Н. А. Добролюбов, Избр. пед. произв., М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 133.

² Там же, стр. 134.

³ Там же, стр. 142.

грешимость воспитателя, Добролюбов писал: «Но даже если мы допустим, что воспитатель всегда может стать выше личности воспитанника (что и бывает, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), — то во всяком случае он не может стать выше целого поколения. Ребенок готовится жить в новой сфере, обстановка его жизни будет уже не та, что была за 20—30 лет, когда получил образование его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидит, а даже просто не понимает потребностей нового времени и считает их нелепостью»¹.

В этой статье Добролюбов подчеркивал правильные мысли профессора-хирурга, педагога Пирогова, но, когда Пирогов пошел на поводу у реакции и выдвинул в целях «воспитания законности» систему наказаний, в том числе и порку и исключение из школы, со всей страстностью стал клеймить его Добролюбов.

Некрасов, которого так любил отец Ленина, Илья Николаевич, в стихах «Памяти Добролюбова» писал о нем:

... Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,
Но слишком рано твой ударил час
И вешнее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Добролюбов покори́л и честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ Симбирской губернии и как

¹ Н. А. Добролюбов, Избр. пед. произв., М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 136.

воспитателя своего сына — Ленина — и других своих детей, которые все стали революционерами.

До того времени, как в Симбирской губернии начал работать Илья Николаевич, крестьянство этой губернии было почти сплошь безграмотно. Усилиями Ильи Николаевича было открыто 450 сельских школ: громадную работу провел он с учительством. Открытие школ делалось не просто приказом: приходилось ездить на места, трястись на телеге, ночевать на постоянных дворах, препираться с урядниками, созывать крестьянские сходы. Жадно слушал рассказы отца о деревне Ильич. Много слышал он о деревне еще малышом от няни, которую он очень любил, от матери, которая тоже выросла в деревне.

Это заставляло Ильича с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни, это наложило печать на всю его деятельность как революционера, это дало ему возможность, изучив марксизм, понять, что социализм может победить и в нашей отсталой России с ее многочисленным разрозненным крестьянством, это дало ему возможность наметить правильный путь борьбы, приведший к победе нашу великую Родину.

Илья Николаевич рос в Астрахани, не отгороженный от жизни стеной, и он видел, как затоптаны были «иностранцы» — калмыки. В своей деятельности как директор народных училищ Илья Николаевич особое внимание обращал на то, чтобы вооружить знаниями многочисленных «иностранцев», как тогда их называли, населявших Симбирскую губернию.

В 1937 г. я получила письмо от чуваша учителя Полево-Сундырской неполной средней школы Батыревского района, Чувашской АССР, Ивана Яковлевича Зайцева. Ему 77 лет, 55 лет уже учительствует он в чувашских школах. Имеет звания Героя Труда, отличника-про-

священца. Активный общественник. Вел работу по ликвидации неграмотности и малограмотности, был председателем Союза работников просвещения, был членом сельсовета, месткома и пр. Работал по сельскохозяйственной статистике, был инструктором во всех народных переписях, вел работу на метеорологической станции и т. д.

Иван Яковлевич — сын батрака. С 8 до 13 лет пас гусей. Страстно хотелось ему учиться, и он бежал потихоньку от отца из дома, чтобы поступить в школу. Два дня пробирался до Симбирска и хотя опоздал к началу занятий, но все же поступил в школу благодаря Илье Николаевичу Ульянову, который пожалел мальчонку. Иван Яковлевич Зайцев рассказывает, как однажды, в первый год его пребывания в школе, на урок арифметики пришел Илья Николаевич Ульянов. Илья Николаевич вызвал его к доске; Зайцев хорошо решил и объяснил задачу. Илья Николаевич сказал: «Хорошо, иди на место!»

«После обеда, — рассказывает в своем письме Иван Яковлевич, — ученикам была дана самостоятельная письменная работа — сочинение. Учитель задал тему «Впечатление сегодняшнего дня». При этом он объявил, что мы можем писать о любом случае из своей школьной жизни, который сами считаем особенно важным. Одним словом, о чем угодно.

Все ученики на несколько минут призадумались, подыскивая подходящую тему. Некоторые вспомнили довольно смешные случаи из школьной жизни, а другие старались выдумывать из головы. Мне не пришлось долго искать тему, так как у меня не выходило из головы посещение урока математики директором Ильей Николаевичем и его объяснение плана решения задачи. Я и решил писать об этом.

Я написал: «Сегодня, в 9 часов утра, во время урока математики, пришел к нам г. директор, Илья Николаевич. Вызвали меня к классной доске и задали задачу, в которой несколько раз повторялось слово «гривенник». Я записал задачу, прочитал ее и стал планировать ход решения. Г. директор, Илья Николаевич, задал мне наводящие вопросы; и тут я заметил, что Илья Николаевич чуточку картавил и слово «гривенник» выговаривал «ггивенник». Это врезалось мне в голову и заставило думать: «Я ученик, и то умею правильно произносить звук «р», а он, директор, такой большой и ученый человек, не умеет произносить звук «р», а говорит «гг».

Далее я писал о кое-какой мелочи и на этом кончил сочинение. Дежурный собрал тетради и сдал учителю В. А. Калашникову.

Через два дня, после обеда, на уроке должно было быть изложение прочитанной статьи. Нам роздали наши тетради. Все бросились смотреть отметки. Одни радовались, другие так себе, не выказывали ни радости, ни горя.

Учитель Калашников умышленно оставил мою тетрадь у себя. Потом, швырнув мне тетрадь в лицо, с возмущением сказал: «Свинья!»

Я взял тетрадь, раскрыл ее и увидел, что мое сочинение перечеркнуто красным крестом, а в конце его стоит отметка «0» — ноль. Потом подлинь. Я чуть не заплакал. Слезы выступили из глаз. Я от природы был прост, наивен, впечатлителен и правдив. Таким я остался на всю жизнь.

Во время письменной работы в класс вошел Илья Николаевич. Поздоровались и продолжали работу. Илья Николаевич ходил между партами, кое-где останавливался, наблюдая за работой. Дошел и до меня. Увидел на моем прошлом сочинении красный крест и от-

метку «ноль», положил одну руку мне на плечо, другой взял мою тетрадь, стал читать. Читает и улыбается. Потом подозвал учителя, спросил: «За что Вы, Василий Андреевич, наградили этого мальчика орденом красного креста и огромнейшей картошкой? Сочинение написано грамматически правильно, последовательно, и нет здесь ничего выдуманного, искусственного. Главное — написано искренне и вполне соответствует данной Вами теме».

Учитель замаялся, сказал, что в моем сочинении есть места, не совсем удобные для начальствующих, что будто он... Директор И. Н. Ульянов, не дав ему договорить, перебил его и сказал: «Это сочинение—одно из лучших. Читайте заданную Вами тему: «Впечатление сегодняшнего дня». Ученик написал именно то, что произвело на него наибольшее впечатление во время прошлого урока. Сочинение отличное». Потом он взял мою ручку и в конце сочинения написал: «Отлично» — и подписал: «Ульянов».

Этот случай я никогда не забуду: его нельзя забыть. Илья Николаевич доказал, насколько он был добр, прост, справедлив».

Такое отношение Ильи Николаевича к нацменам не могло не повлиять на Ильича, который слушал, что говорил отец, что говорили другие. Владимир Ильич рассказывал мне как-то об отношении симбирских обывателей к нацменам: «Начнут говорить о татарине, скажут презрительно «князь», говорят об еврее — непременно скажут «жид», о поляке — «полячишко», об армянине — «армяшка».

Ильич шел по стопам отца: в старшем классе гимназии он целый год занимался с товарищем чувашом, отстававшим по русскому языку, чтобы подготовить его к поступлению в университет, и подготовил.

Но и на всю революционную деятельность Ильича повлияло это отношение Ильи Николаевича к нацменам; все знают, какую громадную работу проделал Ленин, закладывая основы дружбы народов СССР.

О крепкой воле писал Добролюбов. Методами Добролюбова воспитывал Ильича отец. Владимир Ильич поступил в гимназию 9¹/₂ лет, все время учился отлично, кончил с золотой медалью. Это не так легко ему давалось, как многие думают. Ильич был очень живым. Любил ходить, далеко гулять, любил Волгу, Свиягу, любил купаться, плавать, любил кататься на коньках. Ильич рассказывал мне как-то: «Любил я очень коньки, но увидел, что это мешает учиться, — бросил». Он страшно любил читать, книги захватывали его, увлекали, говорили о жизни, о людях, ширили горизонт, а учеба в гимназии была скучная, мертвая, приходилось брать себя в руки, чтобы заучивать всякий ненужный хлам, но у него был заведен такой порядок: сначала уроки выучит, потом за чтение возьмется. Держал себя в руках. Время экономил. Когда читал, очень сосредоточивался, и потому читал очень быстро. Делал для себя выписки из книг, старался тратить на запись поменьше времени. Кто видел почерк Ильича, знает, как он своеобразно сокращал слова. Благодаря этому он мог записывать то, что ему надо, очень быстро.

Сильную волю он в себе выработал. Что скажет — сделает. На его слово можно было положиться. Как-то мальчиком еще, он попробовал курить. Увидя его как-то курящим, его мать, Мария Александровна, очень огорчилась и стала просить его: «Володюшка, брось курить». Ильич обещал и с тех пор ни разу не дотронулся до папирос.

Илья Николаевич, обращая внимание на то, чтобы Владимир Ильич хорошо и упорно учился, все же ста-

рался воспитать в нем, как того требовал Добролюбов, сознательное отношение к тому, чему и как учили его в школе. Учительница Кашкодамова, с особенной любовью вспоминая об Илье Николаевиче, под руководством которого она работала, рассказывала о том, как Илья Николаевич любил поддразнивать Володю и шутя ругал гимназию, гимназическое преподавание, очень остро высмеивал преподавателей. Володя всегда удачно парировал отцовские удары и в свою очередь начинал говорить о недочетах низшей школы, иногда умея задеть отца за живое.

Из рассказа В. В. Кашкодамовой видно, как Илья Николаевич учил Ильича всматриваться в жизнь, но в то же время, когда Ильич позволял себе насмешки в классе над учителями, например над учителем французского языка Пором, Илья Николаевич сдерживал его, говорил о недопустимости грубого отношения к учителям, даже имеющим серьезные недостатки в преподавании. И Владимир Ильич сдерживал себя.

И еще одну черту воспитало в Ильиче добролюбовское отношение к детям — это умение и к себе, к своей деятельности подходить с точки зрения интересов дела. Это застраховало Ильича от мелочного самолюбия.

Кроме строгого отношения к себе, Илья Николаевич, как это видно из воспоминаний Зайцева, особо ценил в детях искренность, старался воспитывать ее в ребятах. О важности воспитания искренности писал Добролюбов. Одной из особенно характерных черт Ильича была искренность.

Когда Ильичу было 14—15 лет, он много и с увлечением читал Тургенева. Он мне рассказывал, что тогда ему очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви. Мне тоже в эти годы очень нравился «Андрей Колосов». Ко-

нечно, вопрос не так просто разрешается, как там описано, и не в одной искренности дело, нужна и забота о человеке и внимание к нему, но нам, подросткам, которым приходилось наблюдать в окружающем мещанском быту еще очень распространенные тогда браки по расчету, очень большую неискренность, нравился «Андрей Колосов». Потом нам страшно нравилось «Что делать?» Чернышевского. Ильич читал его впервые в гимназические времена. Помню, как меня удивило, когда мы в Сибири стали говорить на эти темы, в каких деталях знал этот роман Чернышевского Ильич. С этого романа началось его увлечение Чернышевским.

Илья Николаевич был крупным общественным деятелем, беззаветно борющимся с народной темнотой, с последствиями рабства, но он был сыном своей эпохи, и то, что так волновало его сыновей — Александра и Владимира, то, о чем говорил Чернышевский — характер реформы 1861 г., проведенной так, как того хотели помещики: выкупные платежи, отрезка у крестьян лучших земель, — меньше волновало его; для него Александр II оставался царем-освободителем. Ильич вспоминал, как волновался Илья Николаевич, когда пришла весть об убийстве Александра II, надел мундир и пошел в собор на панихиду. Ильичу было тогда только 11 лет, но такие события, как убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могло не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого внимательно вслушиваться во все политические разговоры.

Ильич читал все детские журналы и книги, которые присылали отцу, в том числе «Детское чтение». В детских журналах того времени еще много писалось об Америке (как известно, с 1861 по 1865 г. шла борьба Северных Штатов с Южными за уничтожение рабства негров

в Южных Штатах; борьба шла в целях расчистки почвы для более широкого развития капитализма, но велась под флагом борьбы за свободу), писалось много о войне с Турцией, о Балканах. Брал также Ильич книги у старшего брата. Одноклассник Ильича Кузнецов вспоминает, что Ильич всегда писал очень хорошо сочинения по литературе. Когда Ильич учился в гимназии, там директором был Ф. М. Керенский (отец А. Ф. Керенского—эсера, премьер-министра Временного правительства в 1917 г.), он же преподавал и литературу. За все сочинения Керенский ставил Ильичу всегда пятерки. Но однажды, возвращая сочинения, он сказал Ильичу недовольным тоном: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» Ученики заинтересовались, сколько же поставил Ульянову за сочинение Керенский. Оказалось, все же пятерка стоит.

Семья Ульяновых была большая — шесть человек детей. Все они росли парами: старшие — Анна и Александр, потом Владимир и Ольга и, наконец, младшие — Дмитрий и Мария. Ильич очень дружил с Ольгой, в детстве играл с ней, позднее вместе читали они Маркса. В 1890 г. она поехала на Высшие женские курсы в Петер и умерла там весной 1891 г. от тифа.

Александр рос революционером и имел очень сильное влияние на Ильича. Старшие увлекались поэтами «Искры» — так называли себя поэты-чернышевцы (братья Курочкины, Минаев, Жулев и другие), которые особо резко высмеивали пережитки эпохи крепостничества в быту, в нравах, старались показать «все недостойное, подлое, злое» — бюрократизм, подхалимство, фразерство. Особенно много стихов поэтов «Искры», легальных и нелегальных, знала Анна Ильинична, сама писавшая стихи. Она помнила их всю жизнь, и в последние месяцы ее жизни, когда она была уже разбита парали-

чом, придя со службы и садясь пить с ней чай, я обычно наводила разговор на поэтов «Искры», она всегда охотно говорила об этом, и меня всегда удивляла ее колоссальная память. Она помнила целый ряд любимых стихов тогдашней передовой интеллигенции. Меня удивило, когда мы были с Ильичем в ссылке в Сибири, какое количество стихов поэтов «Искры» он знал!

Обывательских сплетен, пустопорожней болтовни, которую так высмеивали поэты «Искры», не терпел Ильич, как и его старший брат — Александр. И когда к ним в комнату приходил кто-нибудь из многочисленных двоюродных братьев, у них была любимая фраза: «Осчастливьте нас своим отсутствием». Александр Ильич усиленно читал Писарева, который увлекал его своими статьями по естествознанию, в корне подрывавшими религиозные воззрения. Писарев тогда был запрещен. Читал Писарева усиленно и Владимир Ильич, когда ему было еще лет 14—15. Надо сказать, что даже Добролюбов в 1856 г. не порвал еще окончательно с религией, а Илья Николаевич так и остался верующим до конца жизни, несмотря на то что был преподавателем физики, метеорологом. Его волновало, что его сыновья перестают верить. Александр Ильич главным образом под влиянием Писарева перестал ходить в церковь. Анна Ильинична вспоминает, что одно время Илья Николаевич спрашивал за обедом Сашу: «Ты нынче ко всеношной пойдешь?», — тот отвечал кратко и твердо: «Нет». И вопросы эти перестали повторяться. А Ильич рассказывал, что, когда ему было лет 15, у отца раз сидел какой-то педагог, с которым Илья Николаевич говорил о том, что дети его плохо посещают церковь. Владимира Ильича, присутствовавшего при начале разговора, отец усла с каким-то поручением. И когда, выполнив его, Ильич проходил потом мимо, гость с улыбкой посмотрел

на Ильича и сказал: «Сечь, сечь надо». Возмущенный Ильич решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю.

Александр Ильич стал естественником, уехал в Питер, в университет, учиться. Втягиваясь в революционную работу, конспирируя даже от Анны Ильиничны, он в последнее лето, приехав домой, ничего не говорил о ней никому. А Ильичу ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него. В гимназии он не находил никого, с кем бы можно было поговорить об этом. Он рассказывал как-то: показалось ему, что один из его одноклассников революционно настроен, решил поговорить с ним, сговорились идти на Свяягу. Но разговор не состоялся. Гимназист начал говорить о выборе профессии, говорил о том, что надо выбрать ту профессию, которая поможет лучше устроиться, сделать карьеру. Ильич рассказывал: «Подумал я: карьерист какой-то, а не революционер» — и не стал с ним ни о чем говорить.

Брат уклонялся в последнее лето от разговоров с Володей, и он, видя, как Саша, готовясь к диссертации о кольчатых червях, встает на заре и с раннего утра возится с червями, наблюдает их, работает с микроскопом, делает опыты, думал: «Нет, не выйдет из брата революционера». Он скоро увидел, как он ошибся. Судьба брата оказала на него громадное влияние.

Не только глубоко было влияние на Ильича отца и брата, очень сильно было влияние на него и матери. Мать Марии Александровны была немка, а отец был родом с Украины, был крупным врачом-хирургом и, проработав 20 лет на медицинском поприще, купил домик в деревне в 40 верстах от Казани, в Кокушкине, лечил крестьян. Марию Александровну он не захотел отдавать

ни в какое учебное заведение, училась она дома, была прекрасной музыкантшей, много читала, знала жизнь. Отец приучил ее к большому порядку, она была хорошей хозяйкой, учила потом хозяйству и своих дочерей. Когда она вышла замуж, когда стала у них расти семья, на нее легло много забот. Жалованья Ильи Николаевича еле-еле хватало, надо было много работать, чтобы создать тот уют, тот порядок, который был в семье Ульяновых, который давал возможность всем детям спокойно, толково учиться, который позволял привить детям ряд культурных привычек.

На учебу ребят Мария Александровна, как и отец Ильича, обращала очень большое внимание, учила их немецкому языку, и Ильич, улыбаясь, рассказывал, как его хвалили в младших классах немецкий учитель. Ильич потом очень увлекался изучением языков, даже латыни. Мне кажется, что талант организатора, который был так присущ Ильичу, он в значительной мере унаследовал от матери.

Кроме того, мать примером своим показывала старшим, как надо заботиться о младших. Она организовала хоровое пение ребят, которое они ужасно любили, играла с ними. И Ильич с ранних лет заботился о младшем брате и сестре. В этом отношении замечательно много интересных воспоминаний сохранилось у Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. В игру он умел вносить известную организованность, и столько мягкости, внимания было у него во время игры к младшим.

Эта забота о младших наложила печать на все его отношение к детям и в дальнейшем. Он любил с ними поиграть, пошутить, но никогда я не видела, чтобы он над ними строжился, не любил, когда и другие строжились, никогда он их не поучал, как иной раз изображают это на картинах.

В детях он видел продолжателей того дела, которому отдал всю свою жизнь. Бывало, болтает с ребятами и, не требуя ответа, а просто выражая свои чувства, говорит: «Не правда ли, ты ведь вырастешь, станешь коммунистом?» Все знают, как велика была его забота о детях, как он заботился об их питании, об их учебе, о том, чтобы сделать для них жизнь светлой, счастливой, как заботился о том, чтобы они были вооружены знаниями, необходимыми им для победы, умением работать и головой и руками, как того требует современная техника.

Ильич всегда очень любил мать, но особенно ценил он ее в годы ее тяжелых переживаний. В 1886 г. умер Илья Николаевич, и Ильич рассказывал мне, как мужественно она переносила смерть мужа, которого так любила, так уважала. Но особенно стал Ильич вглядываться в мать, понимать ее после гибели брата. Александр Ильич, видя тяжелую долю крестьянства, все те безобразия, которые кругом творятся, решил, что нужна борьба с царской властью. Он, будучи на 4 года старше Ильича, уже по-другому переживал и 1 марта 1881 г. иное у него отношение было к событиям.

В Питере Александр Ильич примкнул к партии «Народная воля» и принял активное участие в подготовке покушения на Александра III. Покушение не удалось — 1 марта 1887 г. он вместе с другими товарищами был арестован. Весть об аресте Александра Ильича получила в Симбирске учительница Кашкодамова, которая передала ее Ильичу как старшему сыну (ему уже было 17 лет) в семье Ульяновых. Анна Ильинична тоже училась в это время в Питере, на Высших женских курсах, и тоже была арестована. Передавать эту ужасную весть матери пришлось Ильичу. Он видел ее изменившееся лицо. Она собралась в тот же день ехать в Питер. В то время железных дорог в Симбирске не было, надо было

до Сызрани ехать на лошадях, стоило это дорого, и обыкновенно ехавшие отыскивали себе попутчиков. Ильич побежал отыскивать матери попутчика, но весть об аресте Александра Ильича уже разнеслась по Симбирску, и никто не захотел ехать с матерью Ильича, которую перед этим все нахваливали как жену и вдову директора. От семьи Ульяновых отшатнулись все, кто раньше у них бывал, все либеральное «общество». Горе матери и испуг либеральной интеллигенции поразили семнадцатилетнего юношу. Уехала мать; с тревогой ждал Ильич вестей из Питера, особенно заботился о младших, взял себя в руки, занимался. Много он после того дум передумал. По-новому зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса; «Капитал» был у брата, но прежде трудно было Ильичу в нем разобраться, а после гибели брата по-иному взялся он за изучение его. Брата казнили 8 мая. Получив об этом известие, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». Перед тем матери, начавшей ходатайствовать за сына и дочь, дали свидание с сыном, и это свидание потрясло ее. Она стала было уговаривать сына подать прошение о помиловании, но когда сын сказал ей: «Мама, я не могу этого сделать, это было бы не искренне», — она не стала его больше уговаривать и, прощаясь с ним, сказала: «Мужайся!» Ходила на суд, слушала речь сына.

Анну Ильиничну выпустили под надзор полиции, выслали в деревню Кокушкино под Казанью. Изменилась Мария Александровна, стала близка ей революционная деятельность ее детей, и особо горячо стали любить ее дети.

В 1899 г., когда она приехала в Петербург хлопотать о том, чтобы Владимира Ильича из Енисейской губернии перевели за границу или хотя бы куда-нибудь ближе

к Питеру, директор департамента полиции Зволянский зло ей сказал: «Можете гордиться своими детками: одного повесили, а о другом также плачет веревка». Мария Александровна поднялась и, полная достоинства, сказала: «Да, я горжусь своими детьми» (об этом писал присутствовавший при этом разговоре М. Б. Смирнов в своих воспоминаниях в газете «Советский Юг»). Ильич не раз говорил о матери, о том, какая громадная была у нее сила воли, говорил как-то: «Хорошо, что отец умер до ареста брата, если бы был жив отец, просто не знаю, что и было бы». Потом мне уже самой пришлось наблюдать Марию Александровну, встречать ее во время болезни Ильича в 1895 г., в доме предварительного заключения, куда она приходила на свидание с Ильичем, и поняла я, почему так любил ее Ильич. В «Письмах к родным», собранных и изданных Марией Ильиничной, каждая строчка его писем к матери дышит любовью и близостью к ней.

Пример матери не мог не повлиять на Ильича, и, как ни тяжело ему было, он взял себя в руки и сдал экзамены отлично, кончил гимназию с золотой медалью.

С осени Ульяновы переехали в Казань, Ильич поступил в Казанский университет, в котором когда-то учился его отец.

ЛЕНИН И ДЕТИ

Это правда. Владимир Ильич любил ребят. В присутствии ребят у него светлело лицо, смеялись глаза, он любил слушать их болтовню, шутить с ними, возиться. Только жизнь у нас сложилась так, что ребят приходилось видеть лишь мельком. В семье у нас ребят не было.

В Сибири к нам ежедневно заявлялся Минька — шестилетний сынишка катанщика (валенщика). Еще все спят, а уж отворяется дверь, появляется Минька в отцовской шапке, матерниной кофте, закутанный в шарф, и оповещает: «А вот и я!» Толчется у нас по дому, за обедом докладывает все новости деревенские: «Сегодня овец стригли» или «Иван Степанов приехал, в волости был» и т. д.

Это был веселый, но болезненный мальчонка. Владимир Ильич снабжал его бумагой, давал рисовать красным карандашом, поддерживал все мои мероприятия по части доставления Миньке всяких удовольствий.

Приходили к нам ребята Проминского, польского рабоче-ссылного, у которого была очень большая семья. Ребята обычно приходили с родителями — с отцом. Проминский охотно и много пел польские революционные песни. Поет Проминский, вторит ему Владимир Ильич, подтягивают ребята. Владимир Ильич шу-

тил и возился [с ними]. Помню, как однажды он долго улыбаясь наблюдал шестилетнюю Зосю Проминскую, которой я вырезывала зверьков из бумаги и которая смеялась от радости, на них глядя.

После ссылки Владимир Ильич уехал в Псков, поближе к Питеру, а я осталась доживать ссылку в Уфе. В Пскове Владимир Ильич столовался у Радченко, там были две девчурки-малышки, с которыми он особенно охотно возился. Потом он, смеясь, рассказывал мне, какие это милые и забавные ребята.

Летом Владимир Ильич приезжал ко мне в Уфу. В это время я давала уроки дочке одного машиниста — десятилетней девчурке. Она приходила ко мне на дом. Раз я застала девчурку с котенком на руках, беседующую с Владимиром Ильичем. Она рассказывала ему, что когда мы занимаемся, котенок просится в комнаты, просовывает лапу в щелку под дверь. Ей тогда делается ужасно смешно, и она не может заниматься. Владимир Ильич смеялся, качал головой, гладил котенка и говорил: «Как нехорошо! Как нехорошо!» А потом, когда мы занимались, он на цыпочках проходил мимо двери, чтобы не мешать нам заниматься.

Владимир Ильич относился всерьез к занятиям ребят, к тому, что они говорят и делают. У него не было и тени того пренебрежительного отношения к детям, того невнимания к ним, которое так часто бывает у взрослых. И потому ребята очень любили его.

Он терпеть не мог манеру превращения детей в игрушку, заставлять их повторять слова, смысл которых им непонятен, терпеть не мог бессмысленного баловства. Он уважал права детей. В детях видел он будущее.

В статье «Рабочий класс и неомальтузианство» в 1913 г. он писал о том, что надо растить детей так, чтобы они «лучше, дружнее, сознательнее, решительнее

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и А. И. Ульянова в Горках

нашего *боролись* против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение»¹. «Мы боремся,—говорил он там же,—лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*»².

1931 г.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 206.

² Там же.

ЛЕНИН О ДЕТЯХ И О ВОСПИТАНИИ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

В Ленинские дни мы невольно вспоминаем заботу Ленина о детях, его высказывания по вопросам об их обслуживании, по вопросам об их воспитании.

Выборы в Советы показали, как на основе наших достижений широко стала разворачиваться культурно-бытовая работа. Советы не могут остаться в стороне от этого дела. Секции культуры должны будут вплотную взяться за него. Общественная забота о детях широко развернулась при Советской власти. Ясли, детские сады и площадки обслуживают миллионы малышей, введено всеобщее обучение, но нужно все больше и больше повышать качество работы, надо, чтобы ни один ребенок не оставался вне общественной заботы, чтобы жизнь детей становилась все более интересной, радостной, организованной.

Приведу пример, как заботился Ильич о материальном положении ребят.

В программе партии, над которой много работал Владимир Ильич и которая была принята на VIII съезде

партии в марте 1919 г., говорится, что необходимо «снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства»¹. И вот в самый разгар гражданской войны, когда положение было очень тяжелое, в стране свирепствовала разруха, фабрики стояли, царил голод, 17 мая 1919 г. Ильич издает декрет о бесплатном детском питании. В этом декрете говорилось о необходимости выдавать бесплатно всем детям до 14 лет безотносительно к классовой категории пайка их родителей, притом в первую очередь предметы детского питания. Декрет относился к крупным фабричным центрам 16 неземледельческих губерний. Гражданская война разгоралась. 12 июня Ильич подписывает постановление Совнаркома, расширяющее действие декрета от 17 мая, — увеличивается число местностей, где проводится бесплатное питание, возраст бесплатно обслуживаемых питанием детей повышается до 16 лет.

В июне 1919 г. Ильич написал свою замечательную статью «Великий почин», где он приветствовал всячески инициативу — «почин» рабочих в деле развертывания общественной работы по переустройству быта. Говоря о коммунистических субботниках, Ленин подчеркивал необходимость *массовой перестройки* мелкого, домашнего хозяйства в крупное, социалистическое хозяйство. «Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? — писал он. — Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к *росткам* коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые *на деле* способны *освободить женщину*, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»¹.

И 24 сентября 1919 г. в дополнение к декрету о детском питании Ленин подписывает декрет о расширении сети детских столовых и прочих детских питательных пунктов.

Конечно, забота государства о детях никоим образом *не снимает с родителей заботы о детях*, что ярко выражено в советском законодательстве в отношении алиментов, обязывающем родителей в случае развода выдавать деньги на содержание ребенка, заботиться о нем.

Мы имели немало неправильных толкований государственной заботы о детях. Государство не освобождает родителей от заботы о детях, оно только *регулирует эту заботу*, направляет ее в определенное русло и всячески помогает родителям осуществлять ее. Родители обязаны заботиться о здоровье ребят, об устройстве их, обязаны заботиться о том, чтобы ребята посещали школу, и т. д.

Государство должно заботиться о *всех* детях. Это ярко выражено в декрете о детском питании, это сказано в § 12 программы партии, об этом писал Ленин еще в 1897 г. в «Перлах народнического прожектерства», где он подчеркивал необходимость учить труду всех ребят.

В Международный день работниц, 8 марта 1921 г., Владимир Ильич говорил: «Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве,

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 396.

*неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью*¹ (подчеркнуто мной. — Н. К.).

Требую равенства в отношении к ребенку, Ленин меньше всего имел в виду какую-то уравниловку. Напротив, он требовал особого внимания к детям особенно угнетавшихся раньше царизмом национальностей, требовал особого внимания к детям бедноты, к детям беспризорным.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре 1917 г., в канун Октябрьской революции, он писал о том, что необходимо, чтобы последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидели, что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что «она заставляет богатых платить за молоко, но не дает им ни одной капли молока, пока не снабжены им в достаточных размерах дети всех бедных семей...»²

Школа — государственный орган воспитания всего подрастающего поколения. В программе партии сказано, что пролетарское государство должно превратить школу «в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества». Еще в 1913 г. Ильич писал: «Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его»³. Советская школа должна воспитать из всех ребят сознательных строителей бесклассового общества, сознательных строителей социализма.

Надо вооружить ребят необходимой суммой знаний, научить их разбираться в ряде важнейших вопросов, со-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 139.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 102.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 206.

знательно относиться к окружающей жизни, понимать, как надо эту жизнь улучшать общими усилиями. Надо научить их применять полученные знания к жизни, надо учить работать по общему плану, организованно, коллективно. Коллективный организованный труд на общую пользу воспитывает лучше всего сознательную дисциплину. Обо всем этом говорил Ильич в своей речи на III съезде комсомола, сказанной им в 1920 г.¹ Эта речь должна служить руководством к действию в деле воспитания нашего подрастающего поколения.

В этой своей речи Ильич говорил о воспитании в подрастающем поколении коммунистической морали. «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»². Далее он объясняет, что такое коммунистическая мораль: *это — подчинение своих личных интересов интересам классовой борьбы пролетариата.* «...Для коммуниста, — говорил Ленин, — нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров»³.

Мы не можем ни на минуту забывать, какие ложатся на нас задачи в деле воспитания всего подрастающего поколения, которое должно будет довести до конца дело строительства социализма. Мы должны с детских лет пропитывать его духом коммунистической морали так, как учил Ильич в речи на III съезде комсомола. Эту речь должен знать каждый участник строительства социализма и помогать проводить в жизнь установки Ильича.

1935 г.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 258—275.

² Там же, стр. 266.

³ Там же, стр. 269.

ВОСПИТАНИЕ

Под воспитанием понимают весьма различные вещи. В узком смысле слова под воспитанием понимается обычно то или иное преднамеренное и систематическое воздействие взрослых на поведение детей и подростков. Воспитателями обычно считаются родители или заменяющие их лица. Люди богатые нанимали вместо себя нянек, бонн, гувернанток, гувернеров. Воспитателями считаются учителя. Однако часть учителей занимается по преимуществу преподаванием, а для воспитания, для надзора за поведением создавались особые должности «надзирателей», «классных наставников», «классных наставниц», или, как их называли в просторечии, «классных дам».

Но воспитывают не только отдельные лица, воспитывает весь семейный, весь школьный уклад.

Воспитывает улица, воспитывают общественные учреждения, вся окружающая обстановка, весь общественный строй. Воспитывают события. Воспитывают не только детей, но и взрослых.

Поэтому слово «воспитание» употребляется часто и в другом, более широком смысле слова. Говорят: «жизнь воспитала из него человека с твердой волей» или: «он

воспитывался в крайне тяжелых условиях», говорят: «дети улицы», «дети подземелья», «сын своего века», «дочь революции» и т. д.

Тезисы Маркса о Фейербахе с примечаниями Энгельса показывают, что Маркс и Энгельс считали, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктами других обстоятельств и изменившегося воспитания. Но такое определение, которое давалось прежним материалистическим учением, казалось им недостаточным. Они добавляли к этому, что нельзя забывать, что «обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» и что «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»¹.

ВОСПИТАНИЕ В ПРОШЛОМ

На протяжении веков удельный вес роли воспитания в узком смысле слова менялся и продолжает меняться и по сию пору.

Возьмем родовой быт. Общественный уклад тогда был прост и элементарен. Влияние общественного строя, семьи и взрослых на детей и молодежь было единообразно, цельно, недифференцированно. Воспитывал, собственно говоря, только общественный уклад. Человеческая личность была элементарна и цельна. Гораздо большее влияние имела окружающая физическая среда, природа, форма борьбы рода за свое существование.

Религия в эпоху родового быта отражает не столько

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 3, стр. 2.

общественные отношения, сколько обоготворяет, персонифицирует стихийные явления природы.

Воспитание в узком смысле слова, т. е. в смысле систематического, планомерного воспитания взрослыми детей и молодежи, сводилось к физическому воспитанию, к обучению ориентировке в окружающей среде, к обучению приемам воздействия на эту физическую среду.

Как кошка учит своих котят ловить мышей, так взрослый человек учит детей способам добывания пищи, с той только разницей, что человек с течением веков учился все лучше и лучше вооружаться для борьбы с природой.

Конечно, такое изображение родового быта элементарно, грубо, схематично, но хотелось отметить лишь те его черты, которые определяли характер воспитания в то время.

С возникновением рабства возникает расслоение на господ и рабов, на два основных класса общества. Рабы были послушными и непослушными. На непослушных рабов господства воздействовали, воспитывали их к послушанию. Били, пороли плетью, истязали. Сначала били только рабов. Но в классовом обществе классы живут в известном взаимодействии, заражают друг друга. В статье «Русские и негры» Ленин показал, как низкий культурный уровень негров в Северо-Американских Соединенных Штатах, в тех штатах, где существовало рабство, заражал своей безграмотностью все классы и делал те штаты, где существовало рабство, много безграмотнее тех штатов, где рабства не было. Культурный уровень класса-раба заражает культурный уровень класса-господина. На это указывал Ленин.

И мы видим действительно, что на протяжении всей истории классового общества наблюдается такое «зара-

жение». Точно так же и воспитательные методы, применяемые к воспитанию класса-раба, заражали воспитание и подрастающего поколения господствующего класса. Безраздельное, недифференцированное влияние родового строя стало ослабевать, «отцы» из господствующего класса пытаются удержать это влияние, передать молодежи опыт предков, «отцы» начинают «наставлять», «поучать» своих «сыновей». Однако жизнь классового общества не укладывается в рамки родового строя, поучения мало действуют, и отцы начинают «сокрушать» ребра своим сыновьям. Чем грубее формы рабства, тем грубее и методы воздействия, приемы воспитания и в господствующем классе и тем грубее еще они у промежуточных классов.

Битье, порка становятся общепринятыми методами воспитания. «За битого двух небитых дают, да и то не берут» — это убеждение прочно внедряется в умы всего рабского общества, им пропитывается и семейное воспитание. «Домострой» — типичное семейное воспитание рабского общества.

Религия в период рабства изменяет уже свой характер, она не только обоготворяет силы природы, она уже отражает классовый характер рабского общества. Бог уже становится всемогущим господином, господом богом, а люди — его рабами. Религиозное воспитание становится закреплением идеологии господствующего класса рабского общества. «Ветхий завет» — типичный продукт этого периода. Методы воздействия бога на своих рабов — гнев, кары всех видов. Бог рабского периода беспощаден в своем гневе. Люди — жалкие рабы, могут только падать ниц и трепетать.

Феодальное общество — уже несколько смягченное рабство. Смягчение диктуется, с одной стороны, восстаниями рабов, с другой — необходимостью максимально-

го использования рабского труда. Господа не только уже истребляют рабов, бьют, истязают, сколько держат их под постоянной угрозой этого истребления, битья, истязания. Наказания крепостных принимают более «мягкий» и систематический характер, экономически более выгодный. Необходимость держать в повиновении большие массы вынуждает к мерам принуждения приобщения меры убеждения.

Религия феодального общества — религия смягченных форм рабства. Христианская религия уделяет уже мало места внешней физической среде — это религия, сосредоточивающая уже все свое внимание на взаимоотношениях между людьми. И она убеждает раба мириться с своей рабской участью, уверяет, что беда не в общественных отношениях, а в нем самом.

Церковь в средние века приобретает громадный удельный вес, срастается с государством, берет на себя роль воспитателя и взрослых и детей. Она наставляет, требует послушания, грозит адом, обещает райские блаженства, запирает в кельи, налагает посты, эпитимии, отлучает от церкви или отпускает грехи, она властвует над умами, она ставит искусство на службу церковных целей, ...она берет на себя призрение престарелых, регулирование семейных отношений — крестит, венчает, хоронит, она устраивает школы для малолетних.

Семейное воспитание и школьное принимают также религиозный характер и применяют те же меры воздействия: наряду с оставшимися грубо рабскими мерами наказания — битьем и поркой — практикуются угрозы и награды, лишение пищи, добавочный труд — это проклятие господне. Воспитанников запирают в отдельные комнаты, выгоняют из школы или из дома или прощают. Целая шкала наказаний: от выговора до самых свирепых кар.

Средневековые феодальные порядки видоизменялись в зависимости от стран, развивавшихся разными темпами, в различных исторических условиях, менялись на протяжении веков. Разные облики носило и влияние церкви, варьировались и воспитательные приемы.

Зарождающиеся новые общественные отношения, отношения капиталистического характера, подрывали роль церкви, усложняли вопросы воспитания.

В период, предшествовавший Великой французской революции, церковь, религия, весь старый уклад стали подвергаться беспощадной критике...

Классовая школа феодального периода сменилась классовой школой капиталистического периода.

Капиталисты всех стран понимают всю важность образования народных масс. Чем дальше, тем образованнее должны быть рабочие, этого требуют успехи техники, от этого зависят успехи промышленности. Но образованный рабочий опасен капиталисту. Поэтому капиталисты всех стран обращают особое внимание на то, чтобы воспитать рабочие массы в желательном для себя духе. Место религии, авторитет которой в некоторых странах подорван довольно основательно и который все более и более подрывается с каждым днем завоеваниями науки, заняло преподавание буржуазной морали, морали, проникнутой шовинистическим, собственническим духом. Впрочем, в целом ряде стран школа еще не отделена от церкви. Религиозное воспитание процветает еще по сию пору в народной школе. Методы же воспитания заимствованы целиком из времен рабской и феодальной эпохи.

Они процветают и в светской школе, и в школе с религиозным преподаванием. В народных школах Швейцарии, Германии, Франции ребят бьют, наказывают, запугивают и награждают.

В этих школах в детях убивают всякую самостоятельную мысль, усиленно работают над тем, чтобы овладеть чувствами ребенка, научить ребят на все смотреть сквозь буржуазные очки, преклоняться перед богатством, перед всяким начальством, учат слепо повиноваться, выполнять каждый приказ учителя.

Своих детей буржуазия воспитывает другими методами. Там царит «новое воспитание». Для своих детей буржуазия создает «новые сельские воспитательные учебные заведения»... Современная буржуазия воспитывает своих «будущих главарей промышленности» в парках и имениях, подалеже от бурной классовой борьбы больших городов...

Теперь таких школ немало во всех капиталистических странах. Организует буржуазия детей и вне школы. Типичной формой буржуазного внешкольного воспитания является бойскаутизм...¹ Это очень продуманная педагогическая система воспитания, покоящаяся на знании детской психологии, детских интересов, детской среды. Бойскаутская организация — добровольная организация. Она увлекает ребят, потому что организует их труд и отдых, вносит элементы игры. Через бойскаутизм буржуазия воспитывает верных слуг буржуазного строя. Прогулки, игры, вся деятельность бойскаутов направлена на воспитание в ребятах чувства преданности королю (или буржуазной республике), чувства религиозного фанатизма, шовинизма.

Современный бойскаутизм приобретает все более агрессивный характер, перерождается в фашизм, в чер-

---

¹ Бойскаутизм (от англ. boy — мальчик и scout — разведчик) — одна из буржуазных форм организации детей. После окончания второй мировой войны реакционные круги ряда капиталистических стран используют организации скаутов для борьбы против движения молодежи за мир, демократию, национальную независимость. — *Сост.*

носотенную организацию, проникнутую чувством ненависти ко всякому революционному движению.

Через школу фашизм стремится точно так же воздействовать на ребят. Воспитание в ребятах слепого ожесточения против революционного движения происходит там, где слабо рабочее движение, где рабочие не дают отпора фашизму, где рабочая семья не принимает участия в борьбе с фашизмом, где ребенок верит на слово учителю. Там, где рабочие дают отпор фашизму, ребенок уже становится не так беззащитен по отношению к фашистской пропаганде, становится менее восприимчивым к ней.

И на одном фашизме буржуазия выехать сейчас не может.

Война, Октябрьская революция в России, венгерская, германская революции заставили буржуазию обратить особое внимание на превращение школы в более острое орудие духовного порабощения подрастающего поколения.

Воспитывать по-старому нельзя. Надо по-новому. Буржуазия придает особое значение моральному воспитанию. Она собирает международные конгрессы по моральному воспитанию. Началось это еще до войны, но теперь этим конгрессам придается особое значение.

На этих конгрессах речь шла о выработке кодекса буржуазной морали, о развитии личности в желательном для буржуазии духе.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс прекрасно вскрыли подоплеку всех этих разговоров о вечной морали, о личности. Они показали, как воплями о разрушении морали, разрушении личности буржуазия старалась отвлечь внимание рабочего класса от сознания классовых противоречий, от классовой борьбы.

Энгельс уже в первых произведениях как нельзя лучше вскрыл, как в недрах капиталистического общества зарождается класс, класс наемных рабочих, у которого под влиянием условий труда и всей обстановки вырабатывается новая, высшая мораль, мораль коллективистическая, коммунистическая.

Пролетариат в капиталистических странах лишь в очень слабой мере может влиять на воспитание подрастающего поколения в своем пролетарском духе через школу. Школа — в руках господствующих классов, в руках буржуазии.

Но пролетариат имеет свою теорию воспитания. Основы ее заложены Марксом. Изучая фабричный труд детей в Англии, ознакомившись с тем, что думали и проводили в жизнь Беллерс и Роберт Оуэн, Маркс стал обосновывать и защищать необходимость соединения обучения с производительным трудом. «Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»¹, — писал К. Маркс в I томе «Капитала».

Какое громадное значение придавал Маркс такому типу обучения, видно из его «Критики Готской программы», где он пишет, что «раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества»².

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 530—531.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 286.

Маркс указал также и на характер этого преподавания. Исходя из анализа тенденций развития крупной промышленности, он указывает на необходимость всестороннего политехнического воспитания.

Развитие крупной промышленности толкает буржуазную школу на путь политехнического воспитания, но буржуазия понимает, что это воспитание положит конец ее господству. Поэтому буржуазия и вынуждена по-прежнему культивировать школу учебы. Лишь завоевание рабочими власти сделает возможным осуществление политехнического воспитания...

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ

Октябрьский переворот означал коренной переворот и в деле воспитания.

Весь советский строй стал воспитывать массы по-другому.

Он организует миллионные массы вокруг Советов в целях реорганизации всей жизни на новых началах.

Каждый член Совета превращается в общественного деятеля. Работа Советов с каждым годом все углубляется, охватывает все более широкие массы. На советской работе массы растут, учатся, организуются.

Все это происходит на глазах ребят.

Дело воспитателя — помочь ребятам как можно раньше примкнуть к работе Советов, в меру своих детских сил помогать этой работе.

На этой работе ребята лучше всего поймут, как много еще остатков старого в окружающей жизни, научатся отличать то, с чем надо бороться, от того, что надо заботливо охранять, растить.

На этой работе ребята лучше всего поймут основы нашего советского строя, научатся бороться в повседнев-

ной жизни за равноправие женщины, за равноправие всех национальностей, научатся настоящим товарищеским отношениям к женщине, научатся подлинному интернационализму. На этой работе научатся ребята товарищеской спайке, взаимопомощи в работе

Воспитательное значение такой работы громадно.

Но необходимо, чтобы Советы шли на помощь ребятам, научились использовать их силишки, их горячее желание помочь работе Советов.

Дело воспитания подрастающего поколения — не только дело родителей, не только дело учителей — это дело всех трудящихся, всего революционного народа.

И Советы не могут отказаться от участия в воспитании ребят.

Обязанность воспитателя — стать консультантом секций Советов, помогая им выделять работу, на которой можно лучше всего воспитать, организовать ребят, помогая организовать контроль над работой ребят, над их воспитанием.

Надо, чтобы Советы стали для ребят чем-то своим, близким, органически спаянным с их жизнью. Тогда воспитательное влияние Советов на подрастающее поколение станет громадным.

Советский строй помогает прежде всего организоваться наиболее сознательной части населения, наилучше понимающей, куда идет общественное развитие, что надо делать в каждый данный момент для того, чтобы обеспечить победу всей массы трудящихся, сорганизоваться той части населения, которая неразрывно связывает всю свою жизнь с делом трудящихся, которая внутренне наиболее дисциплинирована. Основным ядром этой части населения, организованной в партию — ВКП(б), является передовая часть рабочего класса — его авангард.

Воспитывающая роль партии громадна.

Дело воспитателя — на конкретных примерах работы коммунистов, на конкретных описаниях жизни отдельных коммунистов (Ленина, Фрунзе и других) показать, за что и как борются коммунисты, возбудить в ребятах желание и самим стать коммунистами.

Если воспитатель сумеет это сделать, он усилит воспитывающее влияние на подрастающее поколение партии.

Знакомя ребят с работой партии, воспитатель должен показать, чем руководятся коммунисты в своих действиях. Он должен познакомить ребят с основами коммунистической морали. Эта мораль не похожа на мораль буржуазную, но воспитывающее влияние ее громадно. Буржуазная мораль сводится к тому, что «каждый за себя, а бог за всех», коммунистическая мораль идет под лозунгом сплочения всех трудящихся, объединения их для борьбы — без помощи господ бога — за светлую для всех жизнь.

Воспитатель должен разъяснить на примерах то, что говорил Ленин в 1920 г. на съезде комсомола о коммунистической морали. «Надо, — говорил Ленин, — чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменить понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия... Они выводили ее из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»¹.

«Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов»².

Если воспитатель сумеет помочь учащимся понять эти слова Ленина, он поможет осуществлению воспитательного влияния коммунистической морали на подрастающее поколение.

На примерах работы делегатских собраний, на примере комсомола учащийся увидит, как учатся в организациях коммунистической морали, как учатся умению совместно действовать ради достижения общих, коммунистических целей.

Воспитатель должен помочь ребятам в меру своих

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 266.

² Там же, стр. 268.

сил примкнуть к этой работе делегатских собраний и комсомола. И как в Советах, так и в женорганизациях, в комсомоле он должен стать консультантом по организации детской помощи этим организациям.

У нас одиннадцать с лишним миллионов трудящихся входят в профсоюзы. Ленин говорил, что профсоюзы являются организацией воспитательной, организацией вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма.

И вот воспитатель должен вскрыть эту воспитательную роль профсоюзов и научить ребят, как они должны организовать свой труд так, чтобы поставить его наиболее целесообразно, чтобы воспитать в себе умение коллективно работать, беречь время, силы друг друга, помогать друг другу в работе, чтобы привлекать в свою организацию все больше и больше ребят. Тогда воспитательная роль труда увеличится во много раз.

Желательно было бы, чтобы профсоюзы выделяли своих представителей для помощи трудовым организациям ребят.

У нас стало быстро расти колхозное строительство, строительство коммун.

Уже сейчас приходится видеть, какое громадное воспитательное влияние оказывают коммуны на своих членов, как начинает зарождаться в коммунах новый быт. Но особенно влияет весь режим коммуны на ребят. Воспитательное влияние окружающего организованного, коллективного труда на ребят очень велико. Вот почему члены коммун всегда настаивают, чтобы в коммунах строились школы, куда ходили бы и ребята из окрестных деревень, а в больших коммунах строились бы и общежития для ребят более отдаленных сел. Уже сейчас коммунары окружают «детей коммун» особой заботой, вникают в то, как организовано обучение и вос-

питание детей в школе, как организован детский труд и отдых.

Воспитателям надо рассматривать коммуны как базы коллективистического воспитания и помогать коммунарам в их большой воспитательной работе.

Колхозам, кооперативам всех видов, комитетам крестьянской взаимопомощи должен помогать воспитатель в их воспитывающей ребят работе.

Важна организация детских отделений при добровольных обществах («Долой неграмотность», «Друг детей», «Технику — массам» и пр.).

Очередная воспитательная работа — помочь партийным, советским и общественным организациям проводить систематичнее свое воспитательное влияние на подрастающее поколение.

Необходима их смычка со школой.

Необходима лучшая организация школьных советов, обеспечение в них достаточного влияния партийных, советских, общественных организаций, необходимо совместное обсуждение вопросов общественного воспитания ребят и подростков. Тогда только станет осуществим § 12 программы ВКП(б), гласящий:

«В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»¹.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

Конечно, наряду с воспитательным влиянием партийных, советских и общественных организаций на учащихся в том же направлении должно идти и все содержание школьных программ, объясняющих, растолковывающих ребятам смысл происходящего вокруг них строительства, открывающих ребятам глаза на окружающее.

В том же направлении должна идти и вся организация школьной жизни. Рабские, крепостнические, буржуазные приемы воспитания (всякие «скалы наказаний», разделение учащихся на овец и козлищ, предоставление одним ребятам права наказывать других, разжигание детского самолюбия, детского карьеризма, культивирование индивидуализма) должны встречать дружный отпор как со стороны учащихся, так и со стороны учащихся, должны осуждаться инспектурой союзов работников просвещения, пионерскими организациями.

Партийные, советские и общественные организации нашей страны влияют воспитывающе и на воспитателя. Воспитатель не стоит над всей общественностью. Но он не может смотреть на эту все больше и больше развивающуюся общественность со стороны, он должен быть ее участником, участвовать в революционной (преобразующей жизнь) практике. Только тогда он испытает на себе ее воспитывающее влияние.

Вот почему надо всячески бороться со стремлением оторвать учителя от общественной работы и замкнуть его в стены школы. Воспитывающее влияние общественной деятельности важнее изучения сотен методических проработок, оторванных от жизни.

Воспитывающее влияние организованной общественности испытывают на себе и родители. И когда эта общественность ближе подойдет к вопросам воспита-

тельной работы, она повлияет и на родителей, заставит их на многие свои методы воспитания посмотреть новыми глазами.

Тогда весь общественный уклад, вся реорганизуемая жизнь, тогда школа и воспитатель, тогда семья — все будут воспитывать ребят и молодежь в духе ленинизма, в духе марксизма...

1928—1929 гг.

ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДУХЕ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА

Последнее время очень много говорят и пишут о воспитании. Это очень хорошо. Это *поднимает заботу о детях*, поднимает внимание к тому, как ребята живут, что они делают. Необходима забота о здоровье ребят, о создании благоприятных условий для их роста и развития. Необходима охрана ребят от разлагающего влияния хулиганствующих элементов. Печать, школа ставят во весь рост перед родителями вопрос о необходимости гораздо большей заботы о детях. Школьные секции горсоветов начинают организовывать общественный контроль в этом деле.

Забота о детях имеет громадное значение для воспитания, но это только часть вопроса. *Воспитание подрастающего поколения — серьезнейший вопрос социализма.*

Воспитание всегда носило классовый характер. Это с особой силой подчеркивал всегда Ленин. Воспитание воспитанию рознь. Капиталист старается воспитать из своих детей не только людей здоровых, но и умеющих

с наибольшей выгодой для себя эксплуатировать рабочие массы, держать их в узде. Он старается воспитать из своих детей людей влиятельных, способных занять крупные посты, хозяев, умеющих с выгодой для себя управлять промышленностью.

Мелкий собственник при воспитании своих детей тянется за капиталистом, но в то же время думает, как научить их получше сделать себе карьеру, «выйти в люди», устроиться. Он учит поэтому своих детей, в первую очередь, угождать, приспособляться, на первый план ставить благополучие свое и своей собственной семьи.

Сознательный рабочий старается воспитать из своих детей борцов за дело трудящихся, готовых отдать свой талант, свои силы на борьбу со всякой эксплуатацией, угнетением, на борьбу за светлое будущее, за социализм. Он учит детей вооружаться знаниями, потому что знания необходимы для победы.

Общественные классы не разгорожены какими-то перегородками, и не всегда удается родителям воспитать своих детей так, как им хочется. Маркс и Энгельс, например, вышли из среды капиталистов, а их учение стало руководством к действию для рабочих всего мира. Добролюбов, Чернышевский вышли из среды духовенства, а их произведения сыграли крупнейшую роль в истории нашего революционного движения.

Из детей лавочников, кулаков, попов вышло немало революционеров. Это исключения, конечно. Но мелкая буржуазия повседневно соприкасается с массой трудящихся, тут перегородки между классами особенно непрочны, и влияние трудящихся на детей мелкой буржуазии растет и крепнет с каждым годом. С другой стороны, мелкособственнические взгляды часто заражают

рабочих. Среди рабочих, особенно недавно приехавших из деревни, немало встречается таких, которые смотрят на воспитание своих детей мелкобуржуазными глазами. Теперь, когда стал господствующим колхозный уклад, колхозники начинают уже на многое смотреть глазами рабочих.

В моменты, когда революционное движение бывало на подъеме, мелкая буржуазия шла больше за рабочим классом. Сейчас, когда буржуазия стоит на краю гибели, мелкая буржуазия колеблется еще сильнее, ее взгляды на воспитание становятся все более и более неустойчивыми.

Во времена докапиталистические и в первое время существования капитализма преобладало воспитание домашнее. Помещики и капиталисты держали для своих детей гувернеров и гувернанток. У нас в России эти гувернеры и гувернантки были часто иностранцами. Наряду с этим помещики и капиталисты стали создавать для своих детей привилегированные учебные заведения, где классовое воспитание проводилось более систематически и умело. Это были в большинстве своем закрытые учебные заведения. В России это были институты благородных девиц, кадетские корпуса, лицей. Наряду с этим создавались ремесленные школы для мастеров разного типа и духовные училища. Духовенство было главным агентом в руках дворянства для одурманивания масс.

Попы учили трудящихся, рабочих и крестьян воспитывать из своих детей «рабов божиих», смиренно терпящих всякую эксплуатацию, за непокорность обреченных на «муки адовы», а за смирение награждаемых «царством божием» на небесах. Запугивание, битье, наказания — вот методы воспитания, которые проповедовало духовенство.

Встав у власти, буржуазия обратила особое внимание на воспитание подрастающего поколения. Она стала создавать школы не только для своих детей, но и для детей рабочих, трудящихся. Она старалась превратить школу в орудие воспитания масс в желательном для нее, буржуазии, духе.

Как воспитывала народная школа во Франции в довоенное время, мне пришлось наблюдать в годы эмиграции. Детей учили слепому послушанию. В школах царил отчаянная зубрежка, ребят усердно били по щекам. В выпускном классе женской начальной школы давали писать сочинение на тему «Что я должна делать, чтобы угодить хозяину» и т. д.

Во всех капиталистических государствах — в Англии, Германии, Франции, Швейцарии — созданы были так называемые «сельские воспитательные гимназии» с высокой оплатой, куда принимались только дети богатых, дети капиталистов. В стороне от классовой борьбы, на лоне природы, из них воспитывали «капитанов промышленности».

Советская власть видит в школе мощное орудие воспитания молодого поколения, которому предстоит завершить построение бесклассового, социалистического общества. Советская школа должна организовать воспитание всего подрастающего поколения в духе коммунизма, должна вооружить молодежь прочными знаниями, научить ставить эти знания на службу социалистическому строительству, связывать теорию с практикой. Советская школа должна воспитывать из ребят общественников, для которых на первом плане стоят всегда общие интересы, которые не отделяют своих интересов от интересов общества. В 12 пункте программы ВКП(б) говорится, что у нас должна быть школа единая (т. е. не должно быть школ привилегированных), трудовая

политехническая (т. е. обучающая не какой-нибудь одной узкой специальностью, а дающая умение браться за любую работу по-настоящему, дающая навыки, как обращаться с разным сырьем, машинами, как планировать работу, преодолевать трудности разного рода, как освещать труд светом знания, как работать наиболее производительно, организовано и т. д. и т. п.). В программе партии сказано, что наша советская школа должна быть школой совместного воспитания, что обучение должно быть всеобщее, обязательное.

Школа должна влиять и на внешкольное общественное воспитание и на воспитание домашнее. Школа у нас — ведущее звено в деле всего воспитания подрастающего поколения.

Вот почему партия и правительство уделяют школе такое большое внимание.

Построение советской школы — дело нелегкое.

У старой школы, как и у буржуазной науки, мы должны взять все, что в ней было хорошего, и отбросить, что было в ней плохого. Хорошему надо подражать, а с плохим, классово враждебным, надо бороться. Тут нужна большая классовая бдительность. Рабочие и работницы должны всячески помогать советской школе проводить правильную классовую линию. Работницам, рабочий-отец часто могут заметить то, чего не заметят другой раз педагоги. Родители, наблюдая жизнь и учебу ребят, могут внести ряд ценных предложений по изжитию недостатков, включиться в общественную воспитательную работу.

Сейчас в школе учатся все ребята. Поступают туда и дети, родители которых заражены мелкобуржуазными и мелкособственническими взглядами. Дети в школе повторяют то, что слышат от родителей. иногда неохотно работают, форсят, хулиганят, озоруют. Родите-

ли — рабочие и работницы — через своих ребят могут влиять и на других детей.

Помощь школе со стороны сознательных рабочих и работниц сейчас особенно нужна. Близость к школе поможет и педагогам глубже вдуматься в воспитание ребят, лучше воспитывать их в ленинском духе, так, как этого требует наша партия.

1935 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ
К КНИГЕ «КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
ВОСПИТАНИЕ СМЕНЫ»

Мы с Владимиром Ильичем принадлежали к тому поколению, которому пришлось в детстве видеть, наблюдать еще пережитки старого, крепостнического строя, часто в самых грубых его формах; нам пришлось слышать в детстве много горячих споров о том, что хорошо, что плохо в общественной жизни, пришлось много слышать о героической борьбе революционеров. У нас у обоих осталось в памяти много ярких впечатлений детства, к которым потом в течение последующей жизни мы не раз мысленно возвращались и обдумывали их. Мы оба знали, как рано пробуждается детская мысль, чего взрослые часто не замечают. Оба мы хорошо знали старую школу, с ранней молодости резко критиковали тогдашние методы воспитания. Владимир Ильич был сыном учителя, крупного педагога, и с раннего детства слышал дома немало разговоров на педагогические темы; у нас дома также немало было разговоров на педагогические темы. И само собой понятно, что за нашу совместную жизнь с Владимиром Ильичем мы немало говорили с ним о детях, об общественном воспитании ребят, о характере учебы, о школе, о детских организациях. Выска-

звания Владимира Ильича о молодежи и подростках собраны в сборниках «Ленин о молодежи», изданных «Молодой гвардией» и ИМЭЛ. Многие там относятся и к подросткам. Ильич придавал громадное значение трудовому политехническому воспитанию подростков, требовал раннего вовлечения ребят в общественную работу, причем общественной работой считал не помощь учителю в подчете у товарищей «неудов», во что стремятся превратить сейчас общественную работу подростков правые педагоги, а общественной работой считал работу, например, при секциях Советов, в помощь общественной работе рабочих и крестьян, считал очень важным, чтобы ребята с раннего возраста овладевали организационными навыками. Сурово крыл Ильич старую школу, старую учебу, зубрежку, старые методы воспитания, требовал, чтобы ребята не механически усваивали непонятные им лозунги, а вдумывались в изучаемые ими в школе факты; он придавал особое значение раннему воспитанию у подростков сознательной дисциплины и сознательного отношения к труду.

1934 г.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

(ДОКЛАД НА III СЪЕЗДЕ ПО ОХРАНЕ ДЕТСТВА)

Товарищи, тема моего доклада — «Коммунистическое воспитание детей и подростков». Сейчас вопрос о коммунистическом воспитании всей массы ребят имеет громаднейшее значение. В начале революции, после 1917 г., в первое время было обращено внимание на то, чтобы в отдельных опытно-показательных школах, опытно-показательных детских домах дать картину того, как нужно воспитывать по-новому, как нужно воспитывать не старыми приютскими способами, а новыми методами воспитания. Были созданы детские дома. Их пришлось создать в очень большом количестве, но только очень немногие детские дома действительно были домами показательными, где ребята могли кое-чему научиться. Если взять вопрос в целом, то нужно сказать, что дело это у нас хромало.

Особенно остро встал вопрос о воспитании широких детских масс в последнее время в связи с целым рядом изменений во всей нашей общественной жизни, во всем народном хозяйстве. И те изменения, которые происходят

В настоящее время в хозяйстве, — переход мелких крестьянских индивидуальных хозяйств на коллективное механизированное хозяйство — изменяют очень многое. Я не говорю уже о широком развитии индустриализации, которая открывает совершенно новые возможности для воспитания. Я считаю, что гвоздь коммунистического воспитания ребят в организации их труда. Мы знаем, как организация труда воспитывает взрослых.

Возьмем деревню. В деревне индивидуальное крестьянское хозяйство воспитывает и определенное мировоззрение, определенный характер, определенный подход у людей ко всем вопросам. Мы говорим: «мелкособственническая психология». Что это значит? Это значит, что человек не понимает общих основ явлений, не разбирается в основных вопросах, смотрит только недалеко вокруг себя, в свое хозяйство и все мерит меркой своего мелко хозяйства.

Мы знаем, как часто в деревне один хозяин враждует с другим, как женщины ссорятся из-за какого-нибудь выеденного яйца, как вообще их мысли не перелетают через околицу и как рассуждает мелкий крестьянин: «Каждый за себя, а бог за всех». Вот мировоззрение, которое вырабатывается в мелком хозяйстве. Наблюдается непонимание новых форм труда, новых организационных форм. Каждый живет за себя, и тут, конечно, начинает играть роль бог. Неурожай — «господь бог виноват, а мы сами по себе, наша хата с краю».

Попадает крестьянин на завод. Он видит большое механизированное производство, организацию труда, разделение труда, видит, как все это идет по определенному плану, четко, организовано, как работа одного закрепляется работой другого. Каждый начинает сознавать себя каким-то винтиком, колесиком общего механизма. И крестьянин, пришедший на завод, поваривший-

ся некоторое время, как говорится, в фабрично-заводском котле, начинает смотреть на все другими глазами. Он смотрит уже не с точки зрения своей колокольни, а с точки зрения общих интересов. Почему рабочий класс является ведущим классом? Потому, что самые условия крупного производства, работы на заводе воспитывают из него коллективиста. И в вопросах религии основные кадры рабочих, которые долго работали на заводе, в общем мало религиозны, ибо они ежечасно видят, какие результаты получаются от механической обработки сырья, железа, от машинной организации труда. У них легче вырабатывается мировоззрение материалистическое.

Мне пришлось лет пять, в начале своей работы, быть учительницей в вечерне-воскресной школе, и мне приходилось наблюдать, как придет в школу крестьянин и боится даже слушать то, что говорят в воскресной школе. Он приносит с собой Ветхий завет и старается его читать, а поработает год на заводе — и, смотришь, к весне Ветхий завет неизвестно куда делся, посты перестал соблюдать, в великий пост ест колбасу и насчет всяких богов у него стал другой подход. В особенности это наблюдается в таких отраслях производства, как механическое, металлообрабатывающее производство, где особенно видна мощь машин. Когда на глазах человека из куска железа вырабатывается тончайший инструмент, тончайшая машина, человек понимает силу техники, силу организации, силу коллектива.

Вот почему рабочий класс, закаленный на заводах, является именно классом, который понимает лучше и все общественные отношения, и из него вырастает и укрепляется ведущий класс.

Посмотрим, что происходит теперь. Индустриализация страны укрепляет мощь рабочего класса. А к чему приводит та коллективизация, к которой мы вплотную

подошли начиная с XV партсъезда? Она приводит к тому, что старые мелкие хозяйства, привычные формы труда, унаследованные от отцов и дедов, распадаются и новое крупное коллективное хозяйство начинает перестраивать все мировоззрение крестьян по-новому. Сейчас создались чрезвычайно благоприятные условия для коммунистического воспитания подрастающего поколения. Чем дальше, тем эти условия будут благоприятнее. Но, чтобы разобраться в том, как мы должны строить коммунистическое воспитание детей, мы должны посмотреть на отдельные звенья этого воспитания.

В прежнее время, когда царили ремесло, кустарное производство и мелкое крестьянское хозяйство, огромную роль играла семья. Какой-нибудь мальчик в крестьянской семье с малых лет видел труд своего отца и матери и всей своей семьи. Его учили показом, но он не знал, как объяснить то или другое явление природы. Навыки он приобретал с детства, т. е. ребенком в восемь лет имел уже известные трудовые навыки. Возьмем кустарное производство или ремесленное производство. Тут сын смотрел, как работает отец, и учился таким образом. Раньше семья давала трудовое воспитание. А сейчас? А сейчас труд рабочего и труд колхозника, особенно в высших формах колхозного движения (коммуны), происходит вне дома; мы видим, что семья перестает быть хозяйственной единицей. Труд рабочего происходит на заводе, и ребенок не видит, как идет работа. Дома он находится под влиянием какой-нибудь старухи-бабушки, которая часто рассказывает ему небылицы, или под влиянием матери, которая также не работает на заводе, а если мать работает, то часто он всецело находится под влиянием улицы.

Таким образом, воспитывающее влияние завода, которое сказывается на взрослом рабочем, на ребенке не

сказывается. Мы видим, что те же процессы начинают происходить и в крестьянской семье. Когда крестьяне идут в крупный машинизированный колхоз или в крупный зерновой совхоз, то семья перестает уже играть ту роль, которую она играла раньше в смысле трудового воспитания. Если же мы возьмем семью служащего, т. е. городскую нерабочую семью, то в такой семье трудовое воспитание если и есть, то оно строится только вокруг домашнего хозяйства: подмести пол, помочь встряпне обеда, сбегать на рынок или в лавочку и т. д. Таким образом, это воспитание, трудовое воспитание, ограничивается как бы самообслуживанием. Теперь же, когда мы подходим к фабрикам-кухням, к столовым и т. д., то и это трудовое воспитание начинает отпадать.

Сейчас не только у нас, но и в капиталистических странах, например в Германии, говорят о том, что под влиянием развития индустрии, женского труда влияние семьи стало гораздо слабее, потому что семья не является той трудовой единицей, которой она была раньше. Это не значит, что семья изживается, но она перестает быть трудовой единицей того типа, какого она была раньше, и воспитательное влияние ее потому слабеет.

Что мы сейчас наблюдаем в отношении детского труда? Изучая детский труд в деревне, мы наблюдаем, что та борьба, которую мы ведем с кулачеством, то ограничение наемного труда в индивидуальном хозяйстве, которое сейчас проводится, ведет к тому, что середняк, который ведет еще свое хозяйство, боится прибегать к наемному труду, машин у него нет, и все приходится делать самому при самом примитивном оборудовании. В результате мы видим, что на ребят взваливают непосильную работу. Спрашиваешь ребят, как они работают. Оказывается: от 6 часов утра до 6 часов вечера. Это совершенно непосильный труд для ребенка. В результате

ребенок часто уходит из семьи. Все это опять-таки подтверждает то обстоятельство, что влияние семьи в смысле трудового воспитания ослабляется.

Но это влияние ослабляется и в других смыслах. Перед нами открываются возможности ослабления влияния семьи нежелательного типа. Возьмем, например, кулака. Он раньше в своей семье старался пропитать ребенка «своим духом». У Толстого очень хорошо описано, как кулак не хотел отдавать своего ребенка в школу, потому что он хотел «пропитать его своим духом». Сейчас этого уже не выходит. Поэтому влияние кулака и его семьи на ребенка и на подрастающее поколение становится все меньше, по мере того как возрастает влияние школы, окружающей среды...

В программе Коммунистической партии, в том отделе, который говорит о просвещении, о школах, и оказано о необходимости существования трудовой школы, и не просто трудовой школы, а школы политехнической, т. е. такой, которая учит труду по-новому.

Как же она учит труду по-новому, как она должна учить? Я не говорю о практике, как она сложилась у нас, а лишь об установках. Как же должна учить труду эта школа? Она должна смотреть, какой труд требуется сейчас на заводе, в крупном зерновом хозяйстве, в крупном производстве, какие знания, умения требуются от рабочих этого производства.

Раньше положение было несколько иное. Конечно, требовалось длительное ремесленное воспитание для того, чтобы овладеть этим искусством, овладеть инструментом. Если мы посмотрим на работу колхозов, мы увидим, чего не хватает. Не хватает культуры труда, не хватает умения обращаться с орудиями труда, умения планировать свое время, распределять работу, брать тот темп, который нужен в работе.

Особенно поражает тех рабочих, которые из числа 25 тыс. поехали в колхозы, следующее явление. Вот стоит трактор. Зима, трактор стоит в снегу, и никто не думает о том, что его нужно поставить под навес. Не думают о том, поломается машина или не поломается, не думают, как целесообразным образом распределить труд. Сейчас выходит газета «Береги трактор». Почему эта газета издается? Потому, что нет еще у колхозника этой культуры труда, которая есть у рабочего. И сейчас наша трудовая школа продолжает работу над тем, чтобы привить общие навыки работы с разнообразными орудиями труда, над тем, чтобы дать понимание процессов труда: почему надо работать так, а не этак — и т. д.

В этом отношении рабочие могут сыграть колоссальную роль, потому что они получили соответствующую закалку на заводе, и мы должны стараться, чтобы наша школа, наши воспитательные учреждения были связаны с рабочей массой, с колхозной массой, чтобы свой трудовой опыт рабочий и колхозник вносили в школу. Тогда только можно будет по-настоящему поставить воспитание. Сейчас необходимо по заводам, по фабрикам, по крупным, наилучше устроенным колхозам и совхозам вовлекать рабочую массу в преподавание труда в школе, потому что если мы будем строить в школе детский труд на старый манер, то из этого мало что выйдет.

Вот в прежних детских домах, где есть оборудование, есть инструкторы труда, девочка-подросток, которая там учится, приходит и жалуется: «Я шесть лет работаю в детском доме в мастерской, и меня все учат одному и тому же — петли метать». В ремесленных школах так и было: учили какой-нибудь одной области труда и годами делали одно и то же. Годами мальчик учился малевать какую-нибудь картину и производить какой-нибудь отдельный процесс.

А здесь важно, чтобы ребенок умел приспособливаться к разным видам труда и чтобы та учеба, которая проводится в школе, помогала ребенку овладеть культурой труда. Важно, чтобы наши детские учреждения и школы не были школами старого типа, чтобы они были какими-то производственными единицами, но не по тому типу, какой был в семье, не по типу мелкого крестьянского хозяйства и не по типу мелкого ремесленного хозяйства, а по другому типу.

Школа должна примыкать к заводу или к большому колхозу или совхозу и должна производить известную часть работы силами учеников так, чтобы она сама была производственной единицей. Дальше я буду говорить, чем отличаются такие производственные единицы, но сейчас нужно перестроить самый тип школы.

Если мы думаем, что все дело заключается в том, чтобы по-старому обучать ремеслам в школе, то мы воспитательный труд не поставим на должную высоту. Если сидит переплетчик и сам клеит коробочку, а ребята сидят и смотрят — из этого никакого толка не выйдет, никакого трудового воспитания не выйдет. Нужно, чтобы труд был поставлен по-современному. Этого понимания часто нет.

Школа ФЗУ числится, что она примыкает к заводу, а у нее никакой организационной связи с заводом нет. Завод дает деньги и учит детей рабочих, и только. Завод — сам по себе, а школа — сама по себе. В школе заведена ремесленная столярная мастерская, а завод — крупный механизированный — производит совсем другие вещи.

Значит, наши воспитательные учреждения, школьные мастерские нужно связать с крупным производством, тогда они будут иметь крупное воспитывающее значение. Механизированный труд чрезвычайно воспитывает. По-

смотрите, какое громадное значение имеет правильный, по-новому поставленный труд. Вот школа ГПУ в Костине. Туда берут подростков, юношей, которые выброшены из трудовой семьи и скатились в сторону беспризорности, пошли по пути преступности, — тяжелые ребята.

Что же сделано? Сделано вот что. Устроили трудовую школу, механизированные мастерские, пригласили опытных рабочих, и в связи с этим у ребят получилась определенная закалка (ребятам показали, как нужно дело делать). На этой почве у них выросло стремление к учебе и умение определенным образом организовываться. И эта школа, по общему признанию тех, кто ее видел, является могучим воспитательным очагом.

Есть и другие такие школы. Вот в Ярославском округе был детдом. Во главе его стоял коммунист. Вначале он нам писал, что ничего с детьми сделать нельзя. Мы с ним стали переписываться. Он добился правильного обучения труду, созданы были хорошо организованные механизированные мастерские, и после этого он писал, что он не узнает своих ребят. «На все они стали согласны и сами охотно идут на все». Изменился труд, изменилась организация труда, изменилось и воспитательное значение школы. Это имеет громадное значение.

Но дело не только в этом. Коммунистическое воспитание заключается в определенном трудовом воспитании. Мелкий собственник смотрит на все со своей точки зрения: «Это для меня выгодно, это мое» и т. д. А как смотрит рабочий на заводе? Возьмем, например, коммунистические субботники или соцсоревнование. Как это все воспитывает рабочего? Да так, что теперь у нас, спустя двенадцать лет после Октябрьской революции, рабочие массы уже смотрят на завод как на свое детище, они чувствуют себя ответственными за то, как идет работа на заводе, т. е. это то, что товарищ Ленин называл со-

знательной дисциплиной, дисциплиной не из-под палки, не по принуждению, а той сознательной дисциплиной, без которой социализма не построишь. Это — настоящая коммунистическая дисциплина...

Коллективистически воспитанный человек с внутренней сознательной дисциплиной и в общественном отношении является дисциплинированным, он иначе подходит ко всем общественным вопросам. Это одна из важнейших воспитательных задач.

Кроме того, чем наше социалистическое хозяйство отличается от капиталистического.

Оно идет не так, что один капиталист соревнуется с другим и старается у другого кусок выхватить, чтобы получить большую выгоду.

Такой капиталистической конкуренции у нас нет. Это мы знаем. Мы сейчас подошли вплотную к постройке единого плана всего хозяйства. Нельзя недооценивать этого крупного шага вперед. Однако от нашего плана мы можем еще многого требовать. Дело, товарищи, не в том, чтобы мы где-нибудь в большом театре аплодировали нашим планам и говорили, что плановость — хорошая вещь. Нам надо все наше воспитание направить в этом отношении соответствующим образом. И вот сейчас наши педагоги планированию придают большое значение.

Возьмем I ступень. Надо сделать какую-нибудь небольшую работу, допустим, ее надо сделать в один день. Вот вам восьмилетний ребенок, он будет работать не один, а их будет работать группа, скажем, в пять человек. Как эта группа построит свою работу? Ребята не учитывают своих сил, и им всегда кажется, что они все могут. У них нет меры своих сил, они увлекаются. Однако если они один раз обожгутся, второй раз обожгутся, то они увидят, что они силы свои переоценили и что план

их не годится. Тут нужна помощь старшей группы. Для второй группы нужен и уже, может быть, не один день работы, а план на пять дней, и там уже будут работать группы не в пять человек, а в десять человек. Для II ступени могут быть уже гораздо более сложные задачи. Планирование предполагается ввести во всю школьную жизнь. Это имеет большое воспитательное значение, потому что тут одновременно воспитываются и работник и хозяин производства, т. е. когда он потом придет на производство, то придет не простым исполнителем, который будет только ручку вертеть, а он сумеет в то же время хорошо работать в фабзавкоме, не допустит вредительства и т. д. Также и в колхозе. Он не только сумеет работать лопатой, а он сумеет обращаться с трактором, трактор не будет стоять в снегу, и колхозник будет хорошим хозяином, который обо всем будет думать и будет знать сам меру своих сил, будет знать сам, какое значение имеет организованный коллективный труд.

Нужно сказать, что трудовое воспитание должно быть посильным ребятам. Нельзя подходить к ребятам всех возрастов с одной меркой. Очень хорошо отражает способность ребят к труду процесс рисования. Вот как рисуют в детском саду и в первой группе школы ребята. Начнут рисовать одно, а выйдет совсем другое. И работают точно так же. Начнет ребенок лепить, задумает лепить человека, а потом в процессе работы думает: «Нет, я лучше вылеплю дом». И вылепит дом. И вот нет ни меры своих сил, ни настойчивой целевой установки.

Труд для ребенка 8—9 лет не то же самое, что труд для взрослого человека. У взрослого человека и даже у подростка труд имеет определенное целевое назначение, а у ребенка цель труда — это познание окружающего. Поэтому труд у него очень изменчив. Детский труд — характерный труд. Ребенок часто не замечает всех сто-

рон труда. Начнет что-нибудь делать, увлечется чем-нибудь, заметит что-нибудь, и он забудет о труде. Вот попадет в руки бабочка, он начнет рассматривать крылышки, а что хотел сделать — он уж забыл, его поглотило это наблюдение.

Вот особенности детского возраста. Эти особенности нужно учитывать и давать ребятам 8—9 лет такой труд, на котором они могли бы учиться и расти. А этим ребятам часто дают чисто механический труд: смотри за курами, за бахчами и т. д.

Теперь посмотрим третью и четвертую группы. Они совершенно иначе рисуют. Они схватывают все целое.

Но их интересуют некоторые стороны, которые они желают охватить в целом. И вот это желание охватить в целом, которое начинает сказываться с 9 до 12 лет, показывает, что тут особенно важно наладить политехнический, разносторонний труд, чтобы показать, как труд между собой увязан во всех частях.

Возьмем рисунок подростка. Он рисует не так, как 10-летний ребенок, он рисует уже не так, что голова получается больше туловища. Его интересуют подробности и детали. Ему хочется, чтобы каждая частица была нарисована как следует. Это особенность переходного возраста — внимание к мелочам, желание внимательно на них сосредоточиться. Это характерно для этого возраста.

Для того чтобы правильно подойти к этому моменту, надо, чтобы предыдущий период дал правильный закал.

Говоря о труде, надо иметь в виду утомляемость ребят, которая гораздо больше, чем у взрослых. Поэтому надо бережно относиться и учитывать силы ребят разных возрастов. Если мы на ребят навалим непосильный труд, то мы будем воспитывать лодырей, людей, которые халатно будут относиться к труду. Надо сделать так, чтобы труд был и интересный и посильный и в то же время

чтобы это был творческий труд, а не только механический.

Я хочу еще остановиться на выборе труда... У каждого есть свои особенности, связанные с его организмом. Один может сразу охватить все, другой по-особому подходит к этому. Один легче учится со слуха, другой легче усваивает в процессе делания, третьему нужно видеть глазами, чтобы запомнить, и т. д. Все эти разные свойства организма очень важны. Труд только тогда может быть производительным, когда на каждой должности будут стоять соответствующие люди...

В своем докладе я хотела показать громадную воспитывающую роль политехнического труда...

Как поставить это трудовое воспитание? Это — колоссальная задача. Нам нужен целый ряд учреждений... Нам нужно поставить и мастерские, и технические станции, и детские артели, нам нужно до конца организовать детский труд. Это основное звено. Это то, что поможет нам всю воспитательную работу поднять на высшую ступень.

1930 г.

СЛЕДУЕТ ЛИ ОБУЧАТЬ МАЛЬЧИКОВ «БАБЬЕМУ ДЕЛУ»?

В «Отчете комиссии по народному образованию в С.-Петербурге за 1908 г.» один из экспертов, делая отзыв о преподавании рукоделия, говорит: «По рукоделиям я должен с величайшей радостью засвидетельствовать, что к занятию ими почти во всех уже училищах смешанного типа привлечены не одни девочки, а и мальчики, и последние столь охотно занимаются, что в иных школах превосходят в успешности девочек, например в шитье и плетении».

Эта выдержка из вышеуказанного отчета была помещена в декабрьской книжке «Вестника воспитания» за прошлый год в отделе хроники, причем составитель хроники выражает некоторое сомнение, так ли это уж полезно обучать мальчиков шитью.

Мне хочется сказать по этому поводу несколько слов.

Прежде всего поставлю вопрос в более общей форме: следует ли обучать мальчиков тем отраслям труда, которые до сих пор считались делом исключительно женским: шитью, стряпне, стирке, уходу за маленькими детьми и пр.?

В современном обществе семейная жизнь сопряжена — и это, вероятно, будет еще долго так — с рядом мелких забот, связанных с ведением обособленного домашнего хозяйства. В будущем преобразование производства и изменение условий общественной жизни внесет в эту сторону дела значительные перемены, но пока что семейная жизнь сопряжена со стиркой, приборкой комнат, шитьем и чинкой одежды, с выращиванием детей и пр. Вся эта работа всецело падает на женщину.

В семьях, пользующихся достатком, этот труд сваливается на наемную женскую прислугу — кухарку, горничную, няньку. Состоятельная женщина освобождает себя от него тем, что сваливает этот труд на другую женщину, не имеющую возможности освободить себя от него. Но так или иначе, а вся работа по хозяйству падает исключительно на женщину. В рабочей среде муж помогает иногда жене управляться с хозяйством. Там нужда заставляет. Вернувшись с работы, в праздник, в дни безработицы, рабочий и в лавочку другой раз сходит, и комнату подметет, и ребенка по нянчит. Не всегда и не всякий, конечно, делает это, да и многого он не умеет делать (шить, стирать), и жена, которой тоже целый день иногда приходится работать вне дома, вернувшись, хватается за стирку, мытье полов и до глубокой ночи сидит за шитьем в то время, как муж давно уж спит. Но если в рабочей среде бывает иногда, что муж помогает жене справлять домашнюю работу, то в так называемых интеллигентных семьях, как бы скудны ни были их средства, мужчина всегда стоит в стороне от хозяйства, предоставляя жене возиться с своим «бабьим делом», как она знает. «Интеллигент», моющий пол или штопающий белье, вызвал бы насмешки со стороны всех окружающих.

В буржуазной печати (особенно на Западе) очень много говорится на ту тему, что домашнее хозяйство — это та область, где женщина наиболее плодотворно может применить свои силы. Истинно великое создается человеком лишь в той области труда, которая наиболее соответствует его индивидуальности, а индивидуальность женщины такова, что ей больше всего соответствуют мелкие хозяйственные заботы. Женщина должна заботиться о том, чтобы быть образцовой хозяйкой, а не стремиться выйти из сферы семейной жизни и конкурировать с мужчиной в области умственного труда. Нечего с презрением относиться к стиранию пыли и штопке чулок — это занятие достойно всяческого уважения, а никоим образом не презрения.

Насколько лицемерны эти речи, видно из того, что мужчины, разглагольствующие о великом уважении, которое заслуживает работа по домашнему хозяйству, никогда не нисходят до того, чтобы принять в нем деятельное участие. Почему? Да потому, что в глубине души они этот труд презирают, считая его делом, достойным лишь существа менее развитого, с более низкими потребностями.

Все эти разговоры о том, что женщина «самой природой предназначена» к ведению домашнего хозяйства, такие же пустяки, как те речи, которые в свое время велись рабовладельцами о том, что рабы «самой природой предназначены» к тому, чтобы быть рабами.

По существу, в занятии домашним хозяйством нет ничего такого, что бы делало это занятие более соответствующим индивидуальности женщины, чем индивидуальности мужчины. Женщине не под силу выполнение некоторых работ, требующих большой физической силы, но почему мужчина не может сообща с женщиной выполнять работы по хозяйству? Дело тут не в том, что до-

машнее хозяйство — прирожденная сфера женщины, а в том, что мужу приходится работать большую часть вне дома для заработка. Поскольку это имеет место, постольку ведение домашнего хозяйства исключительно силами женщины имеет известные основания. Но поскольку женщина все более и более вынуждена тоже посвящать свое время заработку, постольку домашнее хозяйство ложится на нее добавочным бременем, и несправедливо, что мужчина не приходит ей тут на помощь. Точно так же, если мужская профессия такова, что оставляет мужчине много свободного времени, несправедливо, что мужчина считает ниже своего достоинства наравне с женой выполнять домашние работы.

Свободная школа борется со всеми предрассудками, портящими жизнь людей. Предрассудок, что занятие домашним хозяйством есть занятие, достойное лишь существа с низшими потребностями, портит отношения между мужчиной и женщиной, внося в них начало неравенства. Не одну женскую жизнь заел этот предрассудок, не в одну семью внес он отчуждение, взаимное непонимание. Свободная школа является горячей поборницей совместного воспитания, так как считает, что совместная работа, одинаковые условия развития помогут взаимному пониманию и духовному сближению молодежи обоих полов и тем послужат залогом нормальных отношений между мужчиной и женщиной. Стоя на такой точке зрения, свободная школа должна и при обучении ручному труду не делать разницы между детьми различных полов. Надо, чтобы и мальчики и девочки одинаково учились делать все необходимое по хозяйству и не считали бы выполнение этого дела чем-то недостойным себя.

Кто наблюдал детей, тот знает, что в раннем детстве мальчики так же охотно, как и девочки, готовы помогать матери и стряпать, и мыть посуду, и делать любое дело

по хозяйству. Все это кажется таким интересным! Но обыкновенно в семье с самых ранних лет начинают проводить разницу между мальчиками и девочками. Девочкам дают поручение вымыть чашки, накрыть на стол, мальчику говорят: «Что ты все в кухне толчешься, разве это мужское дело?» Девочкам дарят куклы, посуду, мальчикам — паровозы, солдатиков. К школьному возрасту в мальчике в достаточной мере воспитано уже презрение «к девчонкам» и их занятиям. Правда, это презрение еще очень поверхностного свойства, и стоит в школе повести другую линию, и это презрение к «бабьему делу» быстро исчезает.

В этих целях надо обучать и мальчиков наравне с девочками шитью, вязанью, чинке белья — всему тому, без чего нельзя обойтись в жизни и незнание чего делает человека беспомощным, ставит в зависимость от других. Если поставить это обучение как следует, есть основание думать, что мальчики возьмутся за него охотно, чему мы видим пример в петербургских школах (характерно, что этот опыт сделан в школах смешанного типа). А затем следует возложить на самих детей (без разделения труда между мальчиками и девочками) и приготовление поочередно школьных завтраков, мытье посуды, приборку комнат, наблюдение за чистотой и пр. Желание быть полезным, хорошо выполнить возложенное на него дело, увлечение работой заставят мальчика очень скоро позабыть о своем презрении к «бабьему делу».

Конечно, было бы смешно ожидать от обучения мальчиков «бабьему делу» великих последствий, но это одна из тех мелочей, которые создают общий дух школы и на которые следует обращать внимание.

О КОЛЛЕКТИВНОМ ТРУДЕ ДЕТЕЙ

Мы часто упрекаем детей в лени, в лодырничестве, забываем, что дети есть дети, и то, что для нас кажется игрой, для них — доподлинный труд.

Ребенок долбит из коры дерева лодку. Цель — сделать модель лодки — для взрослого кажется пустячной, детской, ненужной, но он с интересом рассматривает модели новых машин; а между тем, изготавливая модель лодки, ребенок учится: он узнает на практике, на опыте ряд законов природы, он узнает свойства материала, из которого делают лодку, он научается применять тот инструмент, которым он работает, и преступна мать, которая выбрасывает в печку лодку сынишки, она мешает сынишке расти квалифицированным рабочим.

Иногда ребята затевают что-либо вместе, вместе мастерят что-либо. Иногда строят во дворе печку, иногда мастерят модель аэроплана, устраивают какой-нибудь уголок, для него готовят рамки, картинки и пр., иногда устраивают сообща грядки и т. п.

Взрослый лучше всего сделает, если не будет вмешиваться в эту игру-труд, ибо его авторитет, умелые руки настолько превышают детские умения, что игра перестанет интересовать ребят, интерес к ней пропадет; но

когда ребята обращаются к взрослому за советом, он должен помочь им советом, показом, отнестись к ним по-серьезному.

Совместную работу детей надо особенно ценить — это зачатки коллективного труда. В этом коллективном труде разворачиваются лучше всего силы ребенка. Помню, как в детстве мы — трое девчат десяти-одиннадцати лет — решили устроить «зоологический сад» для малышей; надо было раздобыть денег: собрали по квартирам старые пузырьки и коробочки, продали их в аптеку за пятьдесят копеек — первоначальный капитал. Затем сговорились с одной тетушкой о том, что она будет нам платить какие-то гроши за вышивку каких-то тесемок для белья — очень усердно вышивали, заработали, должно быть, больше рублики. В библиотеке перерыли все каталоги, отыскивали книжки о жизни животных. Избегали все магазины, отыскивали листы со снимками животных, разрезали пару книжек с картинками — кленли, мудрили, пока не устроили «зоологического сада». Для взрослого наш «сад» выглядел игрушкой, а как многому мы попутно научились и как сдружил нас этот «зоопарк», как теперь называют зоологические сады.

Практические американцы понимают все значение детского творческого коллективного труда; там ребята привыкли устраивать детские объединения для труда. Пятеро ребят возраста семи-восьми лет объединяются на неделю в «союз индейцев», устраивают себе луки и стрелы и головные уборы из перьев; четверо ребят — любители рисования — организуют кружок «молодых портретистов» — рисуют две недели портреты товарищей по классу; десяток девочек постарше организовал «кружок шитья», который работает целый месяц...

Трудовые целевые объединения ребят, возникающие по ребячьей инициативе, надо всячески поддерживать,

помогать им. Привычка к совместной деловой работе, хотя бы и краткосрочной, хотя бы и преследующей чисто ребячьи цели, имеет громадное значение. Такие кружки вырабатывают привычку к коллективной работе.

Мы говорим о коллективизации сельского хозяйства, о столовых, починочных мастерских, домах-коммунах, об организации всей жизни на коллективных началах, понимаем, что такая организация — лучшая гарантия от нищеты и других тяжелых сторон разъединенной, неорганизованной жизни, где человек человеку — волк, но смешно было бы думать, что это может организовать просто-напросто какое-то ведомство, надо самим браться за организацию коллективного труда во всех областях жизни.

Ну и ребят с юных лет надо воспитывать так, чтобы они умели сообща жить и работать. С этой точки зрения трудовые объединения ребят надо всячески развивать, всячески помогать им. Этого требует наша общая установка на строительство социализма.

Мы пока еще очень бедны, чтобы покрыть всю страну детскими садами и детскими клубами и мастерскими, но мы можем — и это целиком зависит от нашей сознательности — покрыть всю страну деловыми мелкими временными детскими объединениями. Такие детские объединения — хорошее лекарство против хулиганства.

Позже школа, пионерорганизация смогут влить коллективную деятельность ребят в общее организованное русло. Привычка к трудовым объединениям делает много плодотворнее и легче и работу школы, и работу детей. Нам надо учиться уважать детский труд, помогать ему.

НЕОБХОДИМЫЕ НАВЫКИ

(ПРИМЕРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ НАВЫКАМ
ПО ДОМОВОДСТВУ В ШКОЛЕ I СТУПЕНИ)

1. Порядок.

«Каждой вещи свое место». Это чрезвычайно важный навык, к которому всячески надо приучать ребят: вешать одежду на вешалку, ставить посуду в шкаф, каждое орудие труда ставить на свое место, чтобы не суетиться, не метаться, чтобы все было под рукой.

Порядок в школе, дома, в саду, в огороде и т. д.

2. Приборка.

Уборка помоев. Куда лить помои. Как вынести, не расплескавши, не обливши ничего. Упражнения в том, чтобы не проливать.

Уборка остатков пищи. Не бросать на пол. Утилизация отбросов. Чтобы ни одна корка не пропала.

Вытирание стола. Чистые тряпки. Подметание веником, шваброй, щеткой, выгирание пыли, сметание паутины. Протирание окон.

Вытряхивание одежды. Чистка одежды. Проветривание.

Наблюдение, чтобы при входе был веник для вытирания ног, циновка, скобка. Смазывание сапог, чистка их.

Мытье рук, лица, уход за волосами, ногтями. Уход за умывальником.

Мытье посуды, бутылок. Чистка посуды разных видов.

Уход за чистотой воздуха — открывание форток. Топка печей.

3. Улучшение обихода.

Связать веник, сделать циновку, побелить печь, стены и потолок, заделать щели, замазать окна, сделать фортку и вентилятор, обить двери, починить мебель, запаять самовар, поточить нож, набить подушку, сеник.

Химическая чистка одежды.

4. Приготовление пищи.

Вскипятить воду, молоко, заварить чай, сварить кофе, сварить яйца всмятку, вкрутую, сделать яичницу, испечь картошку, брюкву, сварить картошку в шелухе, умение очистить овощи (быстро и хорошо их вычистить), сварить их, сварить кашу, сварить суп из овощей, очистить рыбу, сварить уху, зажарить рыбу, очистить селедку, сварить мясной суп, испечь яблоко, сварить грибы, зажарить мясо.

Уметь сохранить сырое и вареное от порчи.

Консервирование.

5. Приготовление одежды.

Шитье (различные ручные швы). Кройка по выкройке. Выкройки. Шитье на машине. Уход за машиной.

6. Приготовление обуви — сандалий, из меха и т. д.

7. Вязание.

Завязывание, упаковка. Вязание сумок. Вязание сеток. Вязание частей одежды.

8. Поделки из бумаги и картона.

9. Столярные поделки.
10. Жестяные поделки.
11. Садоводство и огородничество.
12. Птицеводство.
13. Кролиководство.
14. Разные другие поделки, имеющие значение в обиходе.

1928 г.

ЗНАЧЕНИЕ ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Впечатления раннего детства имеют громадное значение. Один из предшественников французской буржуазной революции Жан-Жак Руссо, много занимавшийся вопросами воспитания, писал, что каждый последующий воспитатель имеет меньшее влияние на воспитание ребенка, чем предшествующий. Он был до известной степени прав. Тот, кто помнит свое раннее детство, знает, как сильны впечатления детства и какой неизгладимый след они оставляют на всю жизнь. Возьмем такой пример, как бывшее раньше в ходу запугивания маленьких детей: пугали трубочистами, медведями, чертями... Я помню, как я в детстве боялась медведя, который якобы заглядывает в окно, и как боязнь медведя довела меня, шестилетнего ребенка, до галлюцинации. Мне стоило громадных усилий воли, чтобы лет двенадцати отучить себя от боязни вечером глядеть в окна. Конечно, я знала, что в Питере на третьем этаже никакой медведь заглянуть в окно не может, а все же глядеть в окно стоило мне такой нервной затраты, о которой никто не мог даже предположить. Но не меньшее впечатление произвел на меня, четырехлетнюю девочку, разговор с няней — подростком лет четырнадцати, Людой, которая укоряла меня за то,

что я бросила на пол подаренную мне кем-то нарядную куклу, в то время как ее сестренка никогда не видела куклы. Не видела куклы! Взрослые не обращали внимания, что я спрашивала всех ребят, с которыми встречалась в первый раз: «Ты видела когда-нибудь куклу?» Зато взрослых удивляло мое отношение к Люде.

Как-то позднее мать рассказывала, как, войдя в детскую комнату, она застала такую картину: Люда лежит на ковре и сладко спит. Я сижу около нее тихо-тихо, и, когда мать вошла, я погрозила ей пальцем: «Тише, тише! Люда спит!» Мать рассмеялась: нянька спит, а четырехлетняя девчурка ее сторожит.

Но как же могло быть иначе: ведь сестра Люды никогда не видела куклы!

Когда мне было лет шесть, мы зимой с отцом и матерью ехали в помещицкой кибитке где-то по Новгородской губернии. Ямщик опрокинул сани с пустым гробом, который вез напившийся с горя крестьянин, не захотевший свернуть с дороги. Собралась вся деревня. Ямщика избили, кровь текла у него по лицу. Нас приняли за помещиков, и вся деревня ругала проклятых бар и обсуждала, утопить нас в проруби или нет. Я как-то не очень испугалась тогда, очевидно, не понимала до конца, что значит утопить в проруби, не помню, почему нас не утопили, но на всю жизнь запомнились слова отца: «Вот она, вековая ненависть крестьян к помещикам! Так бы и утопили, ни один человек не двинулся бы на защиту». Эти слова отца я поняла потому, что слышала много рассказов матери, слышала о жестоком обращении помещиков с крестьянами, с крепостными.

Мать служила гувернанткой года два в семье одной помещицы, и на нее, восемнадцатилетнюю девушку, воспитанную в институте вдалеке от жизни, произвело неизгладимое впечатление жестокое обращение с кре-

ствиями. Конечно, слова отца я поняла тогда, вероятно, весьма первобытно; вернее, совсем не поняла, но они запечатлелись у меня в памяти, и много раз потом я их вспоминала, и до сих пор вся картина эта стоит у меня перед глазами.

Таких впечатлений много; когда вспоминаешь их, понимаешь, какое влияние они имели на мое последующее развитие.

Католическая церковь прекрасно знала силу впечатлений раннего детства и потому всячески старалась как можно сильнее влиять на ребят. Мне запомнилась одна сцена.

Жили мы в Париже. Как-то встала я на рассвете и подошла к окну. Что же я увидела? По улице в глубоком молчании шествовала похоронная процессия. Хоронили воспитанницу католического приюта.

Все девочки, в том числе и девочки дошкольного возраста, были одеты в саваны, держали в руках зажженные свечи. Вся эта инсценировка была жуткая. Можно представить себе, какое впечатление на всю жизнь оставила эта процессия у малышей!

Католическая церковь не жалеет денег на детские приюты, устраивает их бесплатно, уговаривает родителей отдавать им детей на воспитание. Некоторые родители думают, что они «потом» перевоспитают по-своему своих ребят, они забывают, какое разлагающее значение имеют подобные впечатления раннего детства.

По пути католической церкви идет большинство детских садов буржуазных стран, воспитывая с раннего детства детей рабочих в духе послушания, терпения, умения угождать начальству.

Наши детские сады идут по другому пути, но часто у воспитательниц не хватает умения, они часто, как и

большинство родителей, меряют ребят на свой аршин, не учитывая возрастных особенностей. Необходимо знать тот материал, над которым работаешь. Необходимо знать возрастные особенности ребят. Без знания возрастных особенностей ребят можно оказаться в положении грибоедовского героя: «Шел в комнату, попал в другую».

1939 г.

ХVII ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ И ЗАДАЧИ ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

(ИЗ ДОКЛАДА ОТ 7 МАЯ 1932 г.)

Как воспитывать по-коммунистически ребят дошкольного возраста? Тут есть очень большая опасность неправильно подойти к вопросу. Часто под коммунистическим воспитанием понимается заучивание ребятами определенных коммунистических фраз и слов. Некоторые думают, что если мы вывесим плакат и вслед за ним скажем ребятам, что они стоят за Коминтерн, то мы сделали все, что нужно. Мы ребят учим большим словам, но часто не учитываем того, что ребята значения этих слов не понимают и не могут понять.

Вот приходится наблюдать дошколят. Приходит, например, шестилетняя девчурка и говорит: «Мама, ведь Ивановы коммунисты? А знаешь, что они делают? Ленин ведь был красный». Мать говорит: «Да, красный». — «А у Ивановых стоит Ленин белый». Оказывается, она видела бюст Ленина из гипса. Или такой, например, разговор — семья большая, отец, братья, все они жили вместе, а потом разъехались по другим городам, мать остается с сынишкой. Сынишка и говорит: «Мама, кто мы раньше были — кулаки?» Та говорит: «Почему?» —

«Да нас было много, а теперь мы бедняки: с тобой вдвоем остались. Было много, стало мало». Вот, понимаете, головенка как-то работает, все понимает по-своему. Круг наблюдений, круг жизненного опыта чрезвычайно узок. Взрослые часто не умеют стать на точку зрения ребенка и с его точки зрения посмотреть. Вот увлекается мальчонка ледоколом «Красиным» и т. д. Мать ему рассказывает, что попали летчики в пустыню и с голоду пропадают, а он говорит: «Как это странно, они, значит, советских порядков не знают». Ему говорят: «Почему?» — «Да как же, что же они не знают, что везде должен быть кооператив!» Он возмущается, как это в пустыне нет кооператива. Кто имел дело с дошколятами, тот знает, что ребята вкладывают часто совершенно другое содержание в те слова, которые для взрослых имеют определенное значение. С другой стороны, ребята чрезвычайно подражательны. Они запоминают слова. И часто бывает, что мальчонка или девчурка вдруг изрекает неожиданно для всех такие вещи, точно он настоящий коммунист. Родители радуются — как он хорошо все понимает. А если поскрести, то оказывается, что он просто слышанные случайно слова повторяет, не понимая, что говорит. Нужно смотреть, что бы нам из ребят фразеров не воспитывать. У ребят очень беден запас знаний об окружающих, часто самых простых предметах и явлениях. Надо постоянно расширять круг их знаний и в области познания природы, и в области познания общественной жизни. Это не значит, что надо ребятам говорить только то, что они заведомо понимают, спускаться до уровня их понимания; например, раз ребята не понимают, что такое коммунист, то было бы неверно думать, что в их присутствии нельзя употреблять этого слова. Это было бы неверно потому, что часто какая-нибудь фраза, сказанная взрослым, на всю жизнь запоминается, и, когда

ребенок будет постарше, он будет ее вспоминать, и она может повлиять на все его развитие. Вот у меня есть такое детское воспоминание: когда мне было лет 6, пришлось мне с отцом и матерью ехать в помещицкой кибитке (тогда еще ездили не по железным дорогам, а в кибитках). Мы ехали через село, навстречу едет крестьянин с дровнями и везет пустой гроб. Мы ехали на тройке. И вот тройка не могла свернуть, и ямщик задел боком этот гроб. Я помню, как крестьянин избивал в кровь ямщика и говорил: «Ты барский кучер, барский холоп. Надо и тебя и бар, которых ты везешь, в проруби надо утопить». В чем дело, я не понимала, но запомнились мне слова отца, который сказал: «Вот она вековая ненависть крестьян к помещикам». Вот эти слова вместе с этой картиной избиения ямщика остались в памяти на всю жизнь. Это определенным образом потом влияло и на все мое дальнейшее развитие. Глубоко заинтересовал меня вопрос, за что крестьяне ненавидят помещиков. С особым интересом слушала я о том, как помещики эксплуатировали крестьян, выматывали из них все силы.

Я считаю очень важным, чтобы при случае дошкольницы детям говорили и такие слова, которые они в данную минуту понять не могут. Но это не значит, что мы должны себя обманывать и думать, что ребята, которые запомнили какой-нибудь стишок или лозунг, уже получили комвоспитание. Это еще не есть комвоспитание. Мы должны ребят вооружить знаниями, давать им больше методов изучения окружающего, и нам нужно наблюдать ребят, нужно наблюдать, как они сами изучают это окружающее. Мы, например, не обращаем внимания на роль подражания. Ведь не по глупости ребята подражают. Ребенок подражает, он моторно воспроизводит действие другого — он при этом лучше понимает то, что тот делает.

Надо наблюдать, как ребята осваивают окружающее. Нужна большая бдительность. В прошлом году мне пришлось наблюдать двух ребят — 6 и 8 лет. Шестилетняя девчурка смотрит на небо, скачет и говорит: «Бога нет, ангелов нет, все эти глупости попы рассказывают», — а другая тоже, на нее глядя, подскакивает и то же самое повторяет. Можно подумать на первый взгляд, что ребята самые настоящие антирелигиозники. А потом старшая девочка, которая в школу ходит, и говорит: «А знаешь, мне знакомый мальчик говорил, что деревья живые». А другая девчурка и говорит: «Да, да, видела — они шевелятся». Это чистая мистика. Как вы застрахуете ребят от этой мистики? Они знают, что нет ни бога, ни ангелов, а в то же время верят всякой чепухе. Приглядываться, всматриваться, изучать представления ребят чрезвычайно важно. Очень много дают рисунки ребят. Дошкольники и школьники младших классов рисуют обычно не отдельные предметы, а целые картины. По этим картинам можно судить о представлениях ребят, о том, что они понимают и чего не понимают. Мне бросился в глаза рисунок одного парнишки нулевой группы, который сначала людей изображал со сложенными, недееспособными руками. Он не представлял себе, что руки действуют.

И очень часто я смотрю на рисунки ребят и вижу, что либо висят руки, либо лежат беспомощно на груди. А потом, когда этот ребенок попал в детский сад и стал уже работать руками, он уже стал иначе рисовать — он стал рисовать руки отдельно. Его стало занимать, что руки делают, и он стал рисовать каждую руку особо: в одной руке ведро, в другой — веник. И вот на протяжении нескольких месяцев в одной тетради была видна вся эволюция в представлении ребенка о человеке. Сначала человек — это просто какое-то бездействующее су-

щество, а потом уже это целая картинка: стоит человек около трактора, одной рукой держится за руль, а в другой держит топор. Его уже интересует и орудие труда — топор, его интересуют машины, и человек совершенно иначе представляется ему. Если мы смотрим иногда на рисунки ребят, мы по этим рисункам можем представить, как они себе представляют вещи.

Нужно всячески изучать ребят, чтобы научиться правильно подходить к ним. Мы должны отдать себе отчет в том, как часто один простой резкий окрик или какая-нибудь угроза действует на ребенка так, что может сделать его на всю жизнь боязливым. Например, такие вещи приходилось наблюдать. Мне в Ленинграде в 90-е годы приходилось ездить на конке в Володарский район. Там была какая-то икона божьей матери, к которой съезжались всякие хромые, слепые и т. д. Я обратила внимание на женщину, которая везла мальчонку лет четырех. Мальчонка страшно боялся, когда с ним кто-нибудь заговаривал, у него слезы появлялись на глазах. Бабушка рассказала, что у мальчика отец пьяница, раз его ударил, и с тех пор мальчик всех людей боится. Бабушка надеялась, что его исцелит божья мать.

Недавно я наблюдала одну девчурку, которая была в нашем детском саду, и эта девчурка тоже боится людей. Когда кто входит, она кричит: «Не надо, не надо». Если какой-нибудь новый предмет, она начинает кричать со слезами на глазах: «Не надо, не надо». Очевидно, чего-то она очень испугалась. Была она в яслях в прошлом году, и это у нее появилось после пребывания в яслях. Девчурке 3 года с небольшим. Очевидно, было какое-то переживание, кто-то чем-то ее напугал. Для взрослого это может быть не страшно, а для ребенка — страшно. И сейчас придется много употребить усилий, чтобы стереть это впечатление, которое делает ее такой боязливой.

Или один мальчонка. Как-то он проходил мимо строящегося дома и взял доску. А рабочий решил пошутить и говорит: «Ты что доски таскаешь, сейчас тебя заберем». Это произвело на мальчонку такое впечатление, что те, кто наблюдал его за этот год, замечали, что он превратился в трусливого мальчонку. Очень осторожный, особенно в дошкольном возрасте, требуется подход к ребятам. В общем в этом отношении в нашем дошкольном деле у нас очень хорошие подходы к детям. Нужно сказать, что дошкольное дело в Советской республике пришлось создавать заново, поэтому вредных обычаев, которые перешли бы в наследство от капитализма, в дошкольном деле нет.

Нам необходимо обратить внимание на всестороннее изучение ребят потому, что если мы не знаем того сырого материала, с которым нам нужно работать, то мы не сможем правильно подойти к нашему делу. Я уже говорила, что нужно вглядываться в особенности возраста. Мы замечаем в ребятах потребность очень большую в конкретизации — все им надо ощупать, осмотреть со всех сторон, даже облизать в другой раз. Анна Ильинична рассказывала, когда Владимир Ильич был маленький, ему подарили раз тройку лошадей. Он с этой тройкой куда-то исчез. Искали, искали, ждали, ждали, а потом оказалось, что он сидит за дверью, всем этим лошадям отламывает ноги и кладет рядышком. В чем же тут было дело? Ему, видите ли, нужно сосчитать, сколько у лошадей ног, и вот он стал ноги отламывать и рядышком класть.

Если вы будете наблюдать ребят, вы увидите, какая у них потребность к конкретному — попробовать, посмотреть, потрогать. Это чрезвычайно сильно у ребят. Не учитывать этого — значит не знать ребенка. Затем это подражание, которое у ребят есть, — ведь оно имеет

ся и у молодых животных. Это один из способов овладения знаниями — ребенок непременно хочет сам все проделать. Скажем, старший подскочил, а за ним и маленький обязательно подскочит.

Нам нельзя подавлять активность ребят. А подражательность — это определенная активность. Игра — это тоже проверка на опыте. Мы часто совершенно недоучитываем роли игры, недоучитываем того, что ребята во время игры осваивают очень многое. То, что ребята-дошкольники делают, — это еще не труд, потому что труд имеет целевую установку, а у ребят так: начнет лепить какую-нибудь полезную вещь, а в процессе лепки вдруг придет в голову что-то другое. Вот он лепил печку, а в ходе лепки вдруг ему придет в голову: а может быть, лучше человека вылепить — он начинает лепить человека. Это особенность детского возраста. Вот эту творческую мысль, которую он вперед не предугадывает, мы должны учитывать. Мы должны влиять на ребенка, приучая его к организации труда, но мы должны обращать внимание на то, чтобы мы не подавляли самостоятельности ребят. Нам же нужно, влияя на ребят, стараться не подавлять их инициативы, а, напротив, помогать всячески развивать эту инициативу и укреплять те методы изучения, которые стихийно ребята усваивают. Вот, например, одна из особенностей детского восприятия: ребята имеют терпение выслушивать иногда одно стихотворение раз 15. Он давно его знает наизусть, но все снова и снова заставляет повторять. Очевидно, ему нужно овладеть как-то словами, их сочетанием. Было бы совершенно неправильным, если бы мы говорили, что наше изучение ребят и методов, которыми овладевают ребята знаниями, — это отступление от наших принципов, это поворот к эмпиризму. Врач разве может научиться лечить, если он не знает болезни? Разве мы

можем воспитывать ребят, если мы не знаем особенностей возраста и особенности той среды, в которой растут ребята?

Я хотела остановиться еще на паре вопросов. Один вопрос — это вопрос о коммунистическом воспитании. Когда мы говорим о комвоспитании ребят, мы обыкновенно говорим об интернациональном воспитании и о воспитании антирелигиозном, а между тем комвоспитание не исчерпывается этими вопросами. Необходимо обратить серьезное внимание на вопрос товарищества, умения совместно действовать. В этом отношении мы должны обратить внимание на игры ребят. Они учат коллективному действию. В этом отношении характерно, что ребенок в определенные моменты как-то координирует свою работу и свои действия с работой и действиями других. В этом отношении игра имеет огромное значение, и мы этого значения игры не учитываем иногда. Мы часто выбираем неправильно такие игры, которые не надо показывать детям. Например, мы проводим такую игру — «битва белых с красными». У ребят нет представления, что такое белые и что такое красные. Я уже приводила пример, как девчурка говорила, что Ленин не белый, а красный. Они упрощенно понимают. У них социального понятия, которое взрослые вкладывают в слова белый и красный, еще нет.

Поэтому игра в белых и красных превращается просто в драку — кто кого лучше побьет. Так что в этом отношении игра не достигает той цели, которая ей ставится воспитателем. А между тем есть целый ряд игр, которые сложились уже давно, и нужно только иначе озаглавить их, другие названия придумать. Вот была игра: «Здравствуй, король!» — «Здравствуйте, мои милые дети! Где вы были?» — «В лесу!» — «Что вы там делали?» и т. д. И все ребята начинают показывать, что они

делали. Теперь нужны другие слова для этой игры. Вместо короля — председатель колхоза, вместо детей короля — колхозники. Колхозники будут рассказывать, что они делали. Это чрезвычайно увлекает ребят, и в то же время это учит их многому. Мы должны, изучая окружающую жизнь, найти те формы, которые перебросили бы мост между этой жизнью и игрой. Тут мы мало делаем. Мы мало изучаем, например, игрушки. Сейчас в Москве есть выставка игрушек. Большинство из вас, вероятно, были на этой выставке, но оценок этой выставке я не знаю. Боюсь, что там совершенно не учтена цель нашего воспитания. Например, ребятам очень часто даются игрушки заводные. Дошкольник совершенно равнодушно относится к этому. Сделанным из бумаги пухом какая-нибудь девчонка часто больше дорожит, чем заводной птичкой. К игрушке нужно подойти с точки зрения того, насколько эта игрушка помогает изучать окружающее, насколько она помогает активности и самостоятельности ребят. Если игрушки имеют большое значение для изучения окружающего, то игры имеют громадное значение в организационном отношении. В этом отношении нам нужно особенно присматриваться к ребячьим играм, ибо это путь к тому, чтобы воспитывать в ребятах определенную организованность, выдержку.

Чрезвычайно важно также давать ребятам коллективные переживания. Хорошо рассказанный детский рассказ, какая-нибудь картинка, показанная в группе, какая-нибудь прогулка под музыку — все это организует определенным образом и научает жить коллективно, коллективно работать и коллективно чувствовать. Как-то стихийно выходит, что ребенок перестает себя отделять от коллектива, противопоставлять себя коллективу, начинает мыслить себя постоянным членом коллектива.

Нам особенно важно развить вот это умение чувствовать коллективно, умение действовать коллективно, умение работать коллективно. Конечно, работа детская — это не то, что работа взрослого. Тут граница между игрой и работой у ребят стирается гораздо больше, чем у взрослого человека. Важно, чтобы был труд организован, и очень важно, чтобы цель труда была понятна и близка ребятам. Очень часто у нас педагоги думают, что они хорошую цель поставят ребятам и этого достаточно. Но обыкновенно наиболее организующей в смысле коллективизма является та цель, которая близка и понятна самим ребятам. Между тем очень часто преподавателями даются такие цели, которые не организуют ребят, и вот преподаватель удивляется: хорошая такая цель, а ребята не проникаются. Тут самое важное, чтобы эта цель была близка и понятна ребятам. Тогда это поможет организовать коллективный труд. Тут нужно дать много приемов ребятам, которые бы их научили коллективно действовать. Нужно показать, как работать вдвоем, чтобы не получилось, что один делает, другой смотрит, показать, как работать небольшой группке. Затем чрезвычайно важно, для того чтобы из ребят росли сознательные коллективисты, обсуждать вопросы игры, труда в детском разрезе. Чрезвычайно важно, чтобы для каждого года, для каждой группы ребят была своя определенная простенькая программа, но это не значит, что ее нужно точка в точку проводить. Тут мы должны на определенные группы ребят ориентироваться. Деревенская группа будет совершенно отлична от группы ребят городских. Группа ребят кустарей будет иная, чем группа ребят заводских рабочих. Нужно учитывать среду, учитывать разницу в обстановке, которая у дошколят чрезвычайно велика. Иногда есть такие искривления — всех ребят на одну мерку мерить, и тогда может

получиться, что у нас дети рабочих будут выглядеть менее развитыми и менее знающими. Как раз реакционная часть учительства толкует: вот посмотрите, дети интеллигенции гораздо более развиты. В чем же тут дело? Тут просто неумение подойти, неумение выявить особенности ребят определенной группы населения, их положительные стороны. Педагоги часто не умеют найти такого подхода, который мог бы помочь выявить себя этим ребятам. А если найти умелый подход, ребята окажутся очень развитыми. Прикладывается одна и та же мерка к ребятам, растущим в очень разных условиях. Формы игр, формы детского труда — их нужно тщательно изучить.

Нужно, чтобы труд вошел в быт. Старая семья — она давала некоторые навыки трудовые. Теперь, когда бывший домашний труд переносится на завод, фабрику, в столовку и т. д., ребенок меньше получает трудовых навыков, чем он получал раньше, поэтому детские дома, детские сады должны создавать такую обстановку, где бы ребята могли получить всякие трудовые навыки.

Вот, товарищи, этим я и хотела закончить. Хочу еще только на одном вопросе остановиться. Особое внимание надо обращать на работу среди нацменов.

Те отдельные заводы, фабрики, которые в разных нацобластях и нацреспубликах возникают, а также коллективизация сельского хозяйства — все это в корне подрывает старый быт. Но нужно вести большую работу с населением, чтобы вырвать с корнями пережитки старого в быту нацменов. Это еще трудно. С этой стороны дошкольное воспитание получает большое значение. Например, в школах мы воспитываем одновременно и мальчиков и девочек, между тем во многих еще нацменах коренятся старые предрассудки докапиталистического строя, родовые предрассудки, которые мешают этому. Вот эти родители гораздо терпимее будут смотреть в

этом отношении на дошкольные учреждения, где ребята воспитываются вместе. Там важно подойти к совместному воспитанию с дошкольного воспитания. Если мы возьмем нацменов, которые при старом правительстве у нас были затоптаны всячески, мы увидим у них в быту очень глубокие пережитки и старых религиозных верований, и наследие полурабских взглядов. Это, конечно, сейчас быстрым темпом изживается, но, чтобы изжить пережитки старого в быту, нужно особое внимание обратить на дошкольное воспитание.

Когда мы посмотрим на резолюцию XVII конференции под углом зрения детских садов, учреждений для детей, мы увидим, что это серьезнейший участок социальности, и тут сознательное участие родителей в этом деле, сознание ими важности этой задачи может помочь продвинуть это дело очень быстрыми темпами.

1932 г.

«КОЛЛЕКТИВНАЯ МАТЬ»

В день 8 Марта несколько лет тому назад я была на одной фабрике. В президиуме рядом со мной сидела пионерка с каким-то свертком. Спрашиваю ее:

— Что это у тебя?

— Это — вышитый плакат, мы подносим его сегодня коллективной матери.

— Кому?

— Коллективной матери.

— Что это значит?

— А это мать, для которой все дети как свои.

В буржуазном обществе естественное материнское чувство принимает ярко выраженный буржуазный, собственнический характер. Американские капиталисты для своих детей иногда строят своеобразные школы. Школа — прекраснейшее здание с лабораториями, музеями, ванной, душем, с различными приборами, с богатой библиотекой, со штатом квалифицированных учителей — имеет одного ученика, сына капиталиста, построившего эту школу. Более нелепую вещь трудно придумать. Но собственнические чувства родителей по отношению к детям типичны для буржуазии и крупной и мелкой. «Мой» ребенок, должен «меня» слушаться; «моему» ребенку

лучшие куски; я «своего» ребенка воспитываю, как я нахожу лучшим; я имею право его бить, имею право баловать его сверх меры, «мой», «мой», «мой».

«Ты, сынок, с товарищами посоветуйся, как вам это дело получше наладить»,— советует работница сыну. Родительские чувства не обязательно должны вырождаться в собственнические чувства; родительские чувства могут проявляться в особенно внимательном, заботливом отношении ко всем детям, не только к своему ребенку.

Капиталист, устраивающий для своего сына и только для него богатейшую школу, мало чем отличается от собаки, облизывающей своего щенка. Отец, растящий из своего сына человека, беззаветно преданного делу рабочего класса,—родитель уже совсем другого типа, гораздо более высокого.

«Коллективная мать»—это женщина, которая по-матерински, тепло, внимательно умеет отнестись к каждому ребенку, заслужить его доверие, себя не пожалеть ради детей.

Это материнское чувство дает и женщине очень многое.

Заботы, вечная занятость часто заглушают, притупляют материнское чувство. От этого жизнь женщины становится менее содержательной, менее глубокой.

По мере того как укрепляется социализм в нашей стране, жизнь становится налаженнее, и тем меньше подавляет человек в себе естественные чувства. Недаром Маркс писал о «всесторонне развитых людях», которые будут при социализме.

О БЫТЕ РАБОТНИЦ

Рабочий день теперь сокращается; многие фабрики переходят уже на семичасовой рабочий день. Больше станет времени у рабочего и работницы. И невольно встает вопрос о быте. Многое в быту еще идет по-старому, и, если мы этого старого не изживем, мало толку будет от того, что прибавится свободного времени.

Работница загружена домашней работой. Эта домашняя работа мешает ей читать, учиться. Ей недосуг. Эта работа мешает ей интересоваться общественной работой — некогда. Надо бы о многом потслюковать с мужем, поделиться с ним своими мыслями — все некогда. Работа на фабрике размерена по часам. Загудел гудок — работа конец. А домашней работе конца нет.

Как изменить дело? Надо, чтобы для малышей были ясли, детские сады. Надо, чтобы были общественные столовые, чтобы были почилочные мастерские. Надо, чтобы платье, одежду можно было покупать готовыми, чтобы были общественные прачечные.

Если мы посмотрим на более передовые в промышленном отношении страны, мы увидим, что там много такого, что раскрепощает женщину. В Лондоне никому

не придет в голову дома стирать белье. За бельем придут, дешево, быстро выстирают и через несколько дней вернут обратно.

В Париже самая бедная работница ничего не шьет себе дома — ни платье, ни белье для себя, для детей, для мужа. Все можно купить в магазине за дешевку, по мерке и по вкусу. В любом городе Швейцарии в столовках кормятся целые семьи; обед в столовке обходится не дороже, чем домашний. Но, если хозяйка даже стряпает дома, ей много меньше хлопот, чем у нас: и молоко, и мясо, и овощи ей принесут на дом; в любой лавке она найдет дешевые, вкусно и здорово приготовленные консервы, часто можно купить уже сваренные овощи; масса всяких приспособлений, которые экономят время. Дома у хозяйки — готовая плита, всякие машинки для очистки овощей, для уборки.

У нас еще плоховато с рационализацией быта. Тут надо налегать на Нарпит, на Советы, на тресты. Уж если в буржуазных странах можно достигнуть многого, тем более можно у нас. Но старое еще властно над нами, и сами рабочие и работницы не налегают тут должным образом на соответствующие органы. А надо всерьез добиваться раскрепощения работницы.

Пока что нужно, чтобы в быту не все сваливали на работницу, чтобы все члены семьи — и муж, и сыновья — все несли равную долю забот. Кое-что делается. В некоторых школах мальчишки наряду с девочками и заplatку положат, и суп сварят, и пол вымоют. Но это редко где. Надо, чтобы пионеры вносили тут новое в быт, надо, чтобы комсомолец считал за стыд, что мать или сестренка на него работают, а он до холодной воды не дотронется. Надо, чтобы каждый сознательный рабочий смотрел на семью как на дружную коммуны.

Новое уже начинает пробиваться в быт; теперь уже

видишь, как взрослый рабочий ведет гулять малышей, как муж помогает жене по хозяйству; но все это только в начале, тут только первые шаги делаются.

Другой вопрос быта—это вовлечение работницы в общественную работу. Тут тоже много старого. Мужья очень часто не очень-то доброжелательно смотрят на общественную работу своих жен. Тут много чего рассказывали работницы на недавнем съезде работниц и крестьянок.

— Мне муж сказал,— рассказывает одна,— поедешь на съезд — так там и оставайся, я тебя в дом не пушу. Не знаю уж, что и будет.

Но в этой области лед уже тронулся: не только работница становится общественницей, но и крестьянка. Самый уклад заводской работы толкает работницу на путь общественной работы. Общественная работа вносит новое в семейные отношения. Жена смотрит на мужа не только как на любимого человека, но как на товарища; и муж начинает на жену смотреть по-другому, уже не как на свою рабу, на предмет своего удовольствия, а тоже как на товарища. Это вносит новое в их отношения, вносит взаимное уважение, помогает легче разрешать целый ряд недоразумений. Дети тоже начинают смотреть на мать не только как на мать, но как на члена организации. Мне писала одна комсомолка-вожатая из далекой Сибири, со ст. Барабинск:

«Когда был окружной съезд работниц и крестьянок и были выборы на всесоюзный съезд, то и выбрали мою мамашу. Она поехала туда и была на этом съезде в Москве. По приезде обратно она рассказала нам обо всем дома, т. е. в своей семье. Мы все заинтересовались этим рассказом, а в особенности — мои братишки младшего возраста, 10—14 лет. Я тогда и думаю: «Наверное, и мои

пионеры будут очень довольны и рады, если им рассказать все это». И стала спрашивать об этом некоторых своих пионеров; они даже стали просить меня, чтобы я пригласила эту делегатку, т. е. мою мамашу. Пошла я в женотдел и поговорила с заведующей женотделом. Там мне сказали, что пошлют ее побеседовать с пионерами, поделиться впечатлениями о московском съезде. И вот на одно из пионерских занятий мы пригласили ее, и она рассказала нам о Москве и о съезде. Ребята очень заинтересовались».

Это письмо наглядно показывает, как растет новый быт. Для этой комсомолки мать уже не просто мать, а делегатка, член организации, и она не прямо сговаривается с матерью, а идет в женотдел и просит заведующую послать мать на собрание. Между матерью и дочерью складываются совсем новые отношения, которые ограждают их от свары, мелких дразг, неуважения друг к другу. Тут — новое, светлое — то, что вырастает в нашей Республике Советов.

Работница-общественница перестает быть такой одинокой, какой она была раньше. Она чувствует, что делает нужное дело, что заботится об общем деле, и это накладывает опять-таки особую печать на ее мысли и поступки. Она уже не ищет защиты у бога, не плачется на обиды. Сама жизнь уже показывает, что это так.

Это завет Ильича — сделать жизнь светлой. Ильич всем нам дорог. Дорог и работнице.

Чем дальше, тем полнее будет проводиться в жизнь новый быт. Через общественность старое будет изжито, а развитие крупной промышленности и кооперации поможет до конца раскрепостить работницу, снять с нее бремя домашних забот.

О ДЕТСКИХ ЯСЛЯХ И ПЛОЩАДКАХ

Нужны ли детские ясли и площадки?

Работница уходит на 8 часов из дому; как же живет-ся в это время ее ребенку? Жаль, что дети до трех лет не могут рассказать матерям, что значит жить ребенку этого возраста без нужного ухода: когда живот болит от неподходящей пищи, когда нежное тельце преев в мокром белье, когда душно, нет воздуха достаточно, света, кричишь-кричишь — и хоть бы что. Если бы малышей спросить да если бы они могли рассказать, не нужно было бы матерей уговаривать, что ясли нужны. Впрочем, за малышей цифры говорят. У нас в России до войны из всех детей до пятилетнего возраста умирало больше половины. От чего умирало? От недостатка ухода, от неумелого ухода. У работниц и крестьянок детей больше всего умирало. Так было до войны. А как сейчас? Много ли лучше дело обстоит? Чтобы дело лучше обстояло, надо матерям учиться разумному уходу за детьми. Лучше всего им это расскажут на консультации, покажут в яслях, на детских площадках. Другие считают: лучше я бабушку либо девчонку найму, заодно и в хозяйстве помогать будет. В хозяйстве, может, и действи-

тельно помогать будет, ну а ребенок от неумелого ухода и помереть может, и больным на всю жизнь остаться.

Вот почему Советская власть зовет крестьянок и работниц объединиться для того, чтобы сообща организовать разумный уход за детьми, устраивая ясли и площадки.

Нужны, конечно, хорошие ясли и площадки, которые были бы открыты в часы, какие удобны работнице, там, где это удобнее работнице. Нужно, чтобы работницы принимали участие в обсуждении порядков в яслях, на площадках, чтобы получали все нужные объяснения и указания и т. д.

Нужны ли ясли и детские площадки для жен рабочих, для тех матерей, которые на фабрику не ходят? Нужны, через ясли и детские площадки мать учится разумному уходу за малышами. Благодаря яслям и детским площадкам жена рабочего освобождается на несколько часов в день от работы — получает возможность и в доме больше порядка навести, и свою безграмотность ликвидировать, и газетку и книжку полезную почитать, и общественной работой заняться.

Будет ли мать меньше любить своего ребенка из-за того, что он станет здоровее, веселее, развитее, что ей меньше придется проводить бессонных ночей над неизвестно из-за чего кричащим малышом, меньше чувствовать свое бессилие помочь ему? Станет ли мать меньше любить своего ребенка из-за того, что он полдня будет в другом помещении играть с ребятами, спать там и есть не из ее рук? Мало даст ребенку та мать, которая из-за этого меньше будет любить свою дочурку или сынишку.

Когда рабочий приходит домой, ему охота отдохнуть, посидеть в тиши, перекинуться словом с близким чело-

веком — женой. Распадется ли семья от того, что ребенок будет здоровее, веселее, развитее, что жена будет меньше замучена заботами, что будет им возможно чаще и больше поговорить о том, что лежит на душе.

Работницы и рабочие, беритесь за устройство яслей и детских площадок! Комсомольцы, пионеры, помогите матерям в этом деле, вы можете помочь тут не мало!

1926 г.

ВАЖНЫЙ БЫТОВОЙ ВОПРОС

Вышла очень интересная книжка Л. М. Сабсовича «Города будущего и организация социалистического быта». Я не буду сейчас касаться целого ряда проблем, затрагиваемых в книжке, коснусь лишь одной — воспитания детей. Автор разрешает эту проблему совершенно неправильно. Он говорит: «Воспитание детей с самого раннего возраста может быть рационально организовано и поставлено только как общественное воспитание».

С этим можно согласиться. Но далее идет весьма своеобразное толкование того, что такое общественное воспитание. Указывая на то, что дети считаются «собственностью» родителей, автор говорит:

«В социалистических условиях, при обобществлении воспитания, дети уже не будут являться «собственностью» родителей: они будут «собственностью» государства, которое возьмет на себя все задачи и заботы о воспитании детей. Поэтому первым следствием обобществления воспитания должно явиться то, что дети не будут жить вместе с родителями. С самого же рождения они должны быть помещены в специальные «дома ребенка»,

оставленные по последнему слову социалистической педагогики, в наилучших условиях для их физического воспитания и развития в них наилучших, наиболее здоровых задатков».

И далее автор говорит о том, что влияние родителей и семьи в большинстве лишь вредно, и потому «дома ребенка» должны быть устроены подальше от семьи.

Л. Сабсович проектирует особые поселения ребят — «детские городки». В детских городках живут дети и подростки до 16—17 лет (см. стр. 36—42).

Подобные проекты могут лишь скомпрометировать дело общественного воспитания, и они показывают лишь, как плохо еще многие представляют себе социализм.

Дети будут «собственностью» не родителей, а государства. Они не будут ничьей собственностью, да и государство-то будет все больше и больше вытесняться организованной общественностью, все больше отмирать. Мы не мыслим человека будущего как какую-то бесчувственную машину, подавившую в себе все естественные чувства.

Л. Сабсович вот думает, что «от родительского чувства» лишь вред один и его просто-напросто надо вычеркнуть из обихода. Несомненно, что в буржуазной и мелкобуржуазной среде родительское чувство принимает часто весьма уродливые формы, вырождается в безмерное баловство «своего» ребенка, в воспитание в нем всяческих антиобщественных чувств. Но меняется обстановка, отмирает частная собственность, отмирает и собственническое отношение к жене, к ребенку. Родительское чувство будет не подавляться, оно волеется в другое русло, будет доставлять гораздо больше радости и детям и родителям. Поэтому будут правы те рабочие и работницы, которые не захотят отдавать ребят в «детские городки» Л. Сабсовича.

Общественное воспитание значит нечто совершенно другое. Оно должно быть не делом каких-то «классных барышень», как выражался Ильич, каких-то стоящих в стороне от кипучей борьбы и жизни педагогов, оно должно быть делом самих трудящихся масс. Когда Владимир Ильич говорил о советской школе, он недаром сказал, что она должна идти по пути к социализму «вместе со своим освобожденным от цепей рабства народом». Все время, 12 лет, толковали мы о том, что школы, детдома и все детучреждения не должны быть чем-то замкнутым, оторванным от жизни. Мы старались составить программы школьные так, чтобы как можно теснее связать их с жизнью. В программе партии говорится о советах народного образования. Через школьные советы, через секции народного образования мы хотим втянуть рабочих и работниц, основную крестьянскую и особенно колхозную массу в работу над воспитанием ребят, а нам предлагают отсылать детей в «детские городки».

Так понимали некоторые общественное воспитание в начале революции. Мы имеем горький опыт с детдомами, которые часто соскальзывали на путь закрытых учебных заведений. Мы знаем, к чему это приводило.

Мы должны стремиться создать такие формы общественного воспитания детей, которые не вырывали бы детей из-под влияния рабочей и колхозной среды, не отрывали бы детей от родителей, но в то же время устраняли бы зло теперешнего воспитания.

Мы заводим при жактах детские комнаты. Это частичка того, что надо делать. Во вновь строящихся домах надо строить не детские комнаты, а детские этажи или детские секторы. Самую лучшую часть дома, самую светлую, выходящую на солнечную сторону, с верандой надо отводить для ребят; надо детский сектор, детскую часть

дома строить особенно обдуманно: ясли, детский сад, комнаты для школьников, где бы они могли заниматься, читать, рисовать, петь, бегать, играть, мастерить, что им надо, где бы они могли организоваться, где бы они получали нужное руководство. Необходимо дежурство отцов и матерей. Надо, чтобы можно было в свободное время побыть с ребенком, поговорить с ним и пр. Детский сектор должен постепенно превращаться в детское общежитие. А родители, на глазах которых будет происходить воспитание их ребят, будут учиться делу воспитания.

Детские секторы, детские общежития, где дети будут и питаться, и получать нужный уход, будут раскрепощать женщину. Дети перестанут быть для нее обузой. Будут складываться новые отношения между отцами и детьми.

Конечно, нужны детские общежития и вне больших домов. Много есть ребят, приезжающих учиться из деревни в город, много есть ребят, родители которых на время уезжают, есть ребята, у которых в живых только отец или мать-вдова выходит замуж, — для таких детей нужно общежитие. Не детдом, не приют, а именно общежитие. Сейчас приезжающие из деревни ребята с трудом находят квартиру, нанимают кухарку, живут кое-как. Надо помогать им устраиваться как следует.

Все это надо предвидеть при стройке новых городов.

Наряду с детскими общежитиями надо строить школы. Как? Вполне выработанных, мотивированных планов больших школ у нас еще нет. Их надо немедленно создать. Всесторонне обсудить. Надо приблизить школы к производству, к предприятиям, надо иметь и в самих школах мастерские. Все это должно быть продумано хорошенько. Сейчас, когда индустриализация страны, перестройка

сельского хозяйства на коллективистических началах создают предпосылки для создания политехнической школы, необходимо особенно тщательно продумать план стройки новых школ. Нельзя строить школы, рассчитанные только на книжную учебу.

Надо строить во вновь строящихся домах детские секторы, надо строить новые школы. Надо шить новую одежду новому быту и новой школе, из старой одежды они уже выросли.

1929 г.

ОПЯТЬ О ДЕТВОРЕ

Приближается лето. Часть ребят поедет в деревню, пионеры поедут в лагерь, но много, очень много ребят останется на лето в душных городах; особенно это тяжело будет малышам. Надо о ребятах подумать. Надо дать им возможность проводить время на воздухе, иначе они захиреют.

Даже в центре больших городов имеются сады при некоторых домах. Раньше эти сады были для господ. Их у господ в свое время реквизировали вместе с особняками, с домами. Но для детворы они еще не приспособлены. А между тем сколько радости, сколько здоровья дали бы они детям. Думается, нужно бы немедленно в каждом районе города взять на учет имеющиеся сады и приспособить их для ребят. Взрослые могут сидеть в саду и по вечерам, когда детвора разойдется по домам, а днем сады должны принадлежать детворе.

Помню, с какой завистью смотрела я в детстве из окна полутемной питерской квартиры на прилегающий сад соседнего дома. Там гуляла изредка какая-то девушка в белом платье. Детвора, населявшая дом, где мы жили, играла на черных лестницах да в узком дворике около помойной ямы. Потом, когда я выросла и стала учительницей, я читала и мне рассказывали, что посту-

пающие в школу ребята иногда не знают, сколько у курицы ног, не видели бабочки, некоторые не видали коровы... Прачкам, уборщицам, женам рабочих некогда водить их гулять, нянюшек у ребят городской бедноты нет — вот и пропадают детишки.

Кроме садов при частных домах и учреждениях, есть еще общественные сады и бульвары: надо бы, чтобы там были устроены детские уголки, где дети были бы хозяевами.

А затем в Москве, например, немало пустырей, которые можно расчистить под детские площадки. Тут могут помочь красноармейцы, жилтоварищества и пр.

Малышам-дошкольникам самое важное, чтобы сад, площадка были совсем близко.

Отвести место для ребят — одно дело. Другое — организовать присмотр за малышами и организовать ребят школьного возраста. Тут много могут помочь жилтоварищества, советы содействия при школах, школьники, пионеры, комсомольцы, женотделы. Надо только разработать указания, как работать с детьми, как, около чего их организовать, каким играм научить.

Говорят, спешно заготавливается для каждого пионерского отряда своя форма с лампасами. Вместо этой благоглупости не лучше ли помочь устройству площадок для городской детворы, октябрят и пионеров в том числе. Пионеры не «потешные» какие-нибудь — они ведь называют себя юными ленинцами, — и им надо учиться помогать организации нужного дела, нужно помочь организовывать детвору на площадках, в садах.

Вообще площадки могут удалиться лишь при условии развития около этого дела широкой общественности.

Но и городские Советы должны прийти на помощь, они могут сделать очень много.

КАК ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ

Самое важное — это не смотреть на ребенка как на свою живую собственность, с которой что хочешь, то и можешь делать, не смотреть на ребенка как на раба, как на обузу или игрушку.

Надо научиться смотреть на ребенка как на человека, пусть еще слабого, нуждающегося в помощи, защите, пусть не могущего еще быть борцом и строителем, но все же человека, притом человека будущего. Надо научиться видеть в нем будущего товарища по борьбе. Так смотрел на ребят Ленин. Он заботился о ребятах — об улучшении их питания, снабжения, о стройке школ, о детских библиотеках и пр., он умел с ними играть, поднимая иногда отчаянную возню, умел влезать в их детскую шкурку, но в то же время и о серьезных вещах он говорил с ними, говорил по-серьезному, особенно с подростками; терпеть не мог баловства, распушенности, которые царят иногда в интеллигентских семьях, — так борца за дело пролетариата не воспитаешь. «Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше и *они победят...* — писал он. — Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его»¹.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 206.

Вот почему призывал Ленин рабочих учить своих детей беспощадной борьбе с буржуазией. Рабочие, писал он, должны будут говорить своим сыновьям: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран... а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам...»¹ Ленин стоял за то, чтобы растить молодое поколение способным к борьбе и на трудовом фронте, — вот почему он стоял за политехническое образование, за коллективный труд молодежи. Так и надо делать. Так и надо воспитывать нам наших ребят, воспитывать к борьбе, к победам на трудовом фронте, воспитывать из ребят сознательных коллективистов. Делаем ли мы это и так ли, как надо?

1930 г.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 71.

ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ РЕБЯТ

Мы должны растить здоровых ребят. Одна из важнейших задач детского сада — привить ребятам навыки, укрепляющие их здоровье. С раннего детства надо учить ребят мыть руки перед едой, есть из отдельной тарелки, ходить чистыми, стричь волосы, вытряхивать одежду, вытирать ноги, не пить сырой воды, вовремя есть, вовремя спать, быть больше на свежем воздухе и т. д. Наши детские сады много делают в этом отношении, но надо делать еще больше. Надо, чтобы в учреждениях, готовящих дошкольниц, обращалось особое внимание на изучение санитарии и гигиены. Надо, чтобы каждый детский сад, каждое дошкольное учреждение превратилось в очаг пропаганды среди родителей основ гигиены и санитарии.

Мне рассказывала одна студентка, что, работая летом в детском саду в Астрахани, она была удивлена, как матери-калмычки, когда им объяснили, как мыть ребят, как чисто их держать, стали особо заботливо проводить это в жизнь. Русские матери даже обиделись сначала, а потом стали подтягиваться. Детский сад может вести санитарную пропаганду показом. Дошкольницы

знают, сколько приходилось воевать с родителями первое время, например, за стрижку волос, за чистый воздух: не хотели форток открывать, чрезмерно кутали ребят и т. д.

При широком размахе колхозного движения колхозы устраивают колхозные детские сады, но часто бывает, что они берут в воспитательницы девушек или старых женщин, которые получают за работу плату неполными трудовыми, с детьми обращаются хорошо, но им и в голову другой раз не приходит, что ребят надо держать не в душной избе, а на воздухе, не знают, чем ребят кормить, и т. д. Тут надо бы организовать с ними работу, научить их, как беречь здоровье ребят. Наркомздраву надо выпустить большим тиражом самым простым языком написанные книжки: «Как беречь здоровье наших детей».

Нужно организовать общественный контроль за тем, как бережется в детских садах и на детских площадках здоровье ребят.

Нужно сказать, что в лучших детских садах уже имеются большие достижения. Ребята привыкли мыть руки перед едой, ходить в чистом платье, спать после обеда, не входить в помещение в одежде.

Однажды в Орехово-Зуеве я вошла в детский сад в пальто. Ребята стояли в очереди — шли мыть ручки. Одна девчурка лет пяти взглянула на меня и говорит: «Тетя, ты порядков не знаешь: нельзя входить в комнату в пальто...»

Санитарные привычки прививаются детворе.

Надо наладить, кроме того, правильное питание ребят и в детских садах и дома.

Мы знаем, как заботился Ленин о питании ребят, как в самые голодные годы издавал декреты о бесплатном питании ребят.

В области охраны здоровья дошкольников, их физического развития сделано уже много, особенно в городах. Деревня отстает. Особенно важно вооружить необходимыми знаниями в этой области воспитательниц детских садов и детских площадок на селе, а также в национальных областях. Тут особенно важно изучение особенностей быта данной национальности, что лучше поможет найти правильные подходы.

Надо изучить уже имеющийся опыт и поглубже продумать его.

1936 г.

О БИТЬЕ ДЕТЕЙ

У нас много еще пережитков от старого, рабского строя. С молоком матери всосали мы рабские привычки, одну из самых гнуснейших рабских привычек — это битье детей. Они сдачи не дадут, у них силенки нет, они беззащитны. Старая рабская мораль была: «С сильным не борись», «Слушайся начальства, слушайся господ, слушайся старших», «Послушание — высшая добродетель». «Ваш сынишка такой послушный мальчик» — это высшая похвала. «Я тебе покажу, неслух такой», — неслух — это верх порицания. «Не слушается ребенок — бей». «За битого двух небитых дают». Небитый — плохой раб. Мы не замечаем даже, как рабские привычки, понятия пропитывают нашу речь, наш быт. Мы не замечаем, как на все, и на наших детей в том числе, мы смотрим другой раз по старинке. Капитализм есть рабство, рабство наемное. В какой-нибудь Швейцарии — прекрасные здания, чистота, красота, вежливость. Какая культурная страна, скажете вы. Но зайдите в школу, и вы увидите, как учительница хлещет по щекам тех детей, чьи родители победнее. Какая рабская страна, воскликнете вы. Какие рабские привычки прививает детям школа в капиталистических странах!

У нас, в стране победившего социализма, в момент, когда до основ взрывается старый строй, когда растет сознательная дисциплина рабочих, когда в деревне победил колхозный строй, — ломается старое мировоззрение,

массы отходят от религии, церкви переделывают на культурные учреждения. Вместе с церквями рушатся и старые рабские взгляды. Униженно просили верующие бога помиловать их, грешных рабов. Сами себя рабами называли, рабами считали. Из детей рабов растили. Надо из нашей жизни вытравлять пережитки рабства.

Надо добиваться, чтобы учитель, воспитатель, поднявший руку на ребенка, немедленно удалялся из детского сада, чтобы милиционер, ударивший ребенка, снимался с поста. Надо, чтобы ударившие ребенка отец или мать штрафовались, чтобы им выносилось общественное порицание. Наши советские законы ограждают интересы ребенка, но самое главное — необходимо, чтобы в рабочей среде, среди колхозников создалось определенное общественное мнение. Раньше бывало так: порет ремнем отец своего сынишку, никто ничего не говорит: «его» сын. Таскает мать за косу дочку-подростка. Смотрят, молчат: «ее» дочь. Наша хата с краю. Дети были «живой собственностью» родителей. Если такие пережитки еще кое-где иногда встречаются, их надо решительно изжить. Надо осознать, что каждый бьющий ребенка — сторонник рабской традиции, сторонник старых рабских взглядов, сторонник власти помещиков и капиталистов, хотя он, может быть, и не сознает этого. Мы хотим дружными усилиями выкорчевать корни старого рабства. Надо бороться с самим собой, со своими привычками, пережитками старого. Иногда слабовольным людям это трудно. Надо помочь им, создать вокруг них твердое общественное мнение. Пусть наши ребята с молоком матери всасывают слова стиха, которые так любил Ильич:

Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами.

1930 г.

10 Н. К. Крупская

145

О СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

(ПИСЬМО ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ)

Дорогие ребята!

Вы знаете, как теперь волнует всех поведение ребят во внешкольное время. Иные ребята себя ведут, точно они самые отчаянные головы: цепляются за трамвай, дерутся, ругаются — одним словом, хулиганят. Волнуются учителя, волнуются родители. Целый ряд собраний родительских был по этому поводу. Собирались, толковали об этом учителя, комсомольцы. В больших городах это особенно наблюдается. Приедут ребята на экскурсию из деревни и удивляются, говорят: «Какие у вас ребята недисциплинированные в Москве. Мы идем, а они в нас камнями швыряют...»

Пришли ко мне как-то милиционеры, рассказывали, сколько ребят становится калеками, гибнут из-за того, что цепляются за трамвай, автомобили. Мальчиков особенно много гибнет и калечится. И, слушая их, я вспомнила, как в 1918 г. под трамвай на моих глазах попал такой «висун», мальчонка лет 10—12. Ему отрезало ноги, а он лежал под трамваем и не переставая кричал: «Ма-ма! ма-ма!» Но никакой мамы не было, да и чем бы она помогла?!

Такие вещи теперь можно нередко видеть, и понятно, что матери боятся за своих ребят — «висунов». На школьных собраниях, на пионерских собраниях ребята дают обещания на трамваях не виснуть, драк не заводить, держать себя как следует, но очень быстро забывают свои обещания.

Надо вам, ребята, самим всерьез взяться за это дело, положить этому делу конец. А то очень уж обидно на все это смотреть. Почему обидно? Потому, что ребята у нас ведь в общем хорошие растут. Другую дивчину или парнишку послушаешь, видишь, как они в жизнь вдумываются по-серьезному. Я вот недавно писала вам письмо о том, что надо заботиться о младших братьях и сестрах. В ответ получила много сотен писем, много из них очень интересных писем.

Больше всего мне понравилось письмо одного мальчика из г. Кирова, ученика IV класса. Он пишет о том, что вот он все думает, как бы устроить так, чтобы все ребята росли крепкой, закаленной сменой революционным борцам. Пишет он и о себе, ему трудно живется, и вот он пишет про себя: «Приходили мне иногда в голову плохие мысли, хотел начать воровать у народа. Но поборол себя. Потому что, если я заворюю, на весь СССР ляжет стыд и позор». Вот это настоящий коммунист растет, с крепкой волей, прежде всего об общем деле думает, честь СССР бережет. И вот, когда с такими ребятами говоришь, так обидно на драчунов и «висунов» глядеть. Взять себя в руки не умеют. Думают храбрость показать. А какая это храбрость? Глупость просто. Отчаянные головы бывали и среди буржуев, и среди кулачья, да одно дело отчаянной головой быть, а другое дело мужество, готовность отдать все силы, а если надо, то и жизнь за дело трудящихся. Для мужества сила воли нужна, выдержка, умение свою слабость побороть, а вы-

кинуть штуку какую-нибудь — для этого ума немного надо. Высмеивать драчунов да «висунов» надо, а не подддоривать их, не подражать им.

И вместе с тем надо вырабатывать в себе характер, вырабатывать у себя волю. Надо уметь побороть в себе страх, нерешительность, усталость, раздражительность. Зачем? Ясно зачем. Человек без воли — игрушка в руках всякого проходимца. Какой из него может выйти борец за дело Ленина, за дело социализма?

Есть такая пословица: «Один в поле не воин». Верно это. Нужно действовать сообща. Это хорошо знают рабочие и работницы. Сообща боролись они против помещиков и капиталистов — и победили. Сообща перестраивают они старую жизнь — и дело подвигается вперед.

Но что значит сообща бороться? Это значит, что каждый делает не так, как ему вздумается, а так, как сообща обдумали, сообща решили. Для общей борьбы, для общей работы нужна большая организованность. Нужна сознательная дисциплина. Ее нужно с детства в себе воспитывать. Она нужна не только в школе. Надо и свободное время проводить организованно. И веселее, и толку от этого больше.

Свободное от занятий время — не значит на спине лежать да в потолок плевать. Так от скуки пропасть можно. Свободное от занятий время не только на то употреблять надо, чтобы без конца развлекаться, в кино да в театр ходить. Надоест скоро, приестся. Надо уметь вести широкую, интересную общественную работу — много ее: и по озеленению улиц, и по благоустройству; и исследовательскую работу, какую ведут юные натуралисты, и шефскую работу надо вести, книгоношескую и т. д. и т. п. Надо только, чтобы это была не заседательская работа, не «нагрузка», а такая общая,

коллективная работа, которая увлекает, которая организует.

Укрепляйте, ребята, пионерскую организацию, детские добровольные общества, организуйтесь, втягивайте в организацию всех ребят — это путь для изживания недисциплинированности, распушенности, глупых выходов.

В организации — сила. К борьбе за дело Ленина будьте готовы!

1935 г.

О ДРУЖБЕ РЕБЯТ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ (ПИСЬМО ПИОНЕРАМ)

Дорогие ребята, вы знаете, как при царе помещики и капиталисты эксплуатировали, угнетали национальности, населявшие Россию. Таких национальностей очень много. Они были лишены всех прав. Царское правительство старалось всячески мешать сближению национальностей, натравливало одну национальность на другую: татар — на армян (в 1905 г. дело дошло до резни между татарами и армянами), русских — на евреев и т. д. Вы читали, вероятно, о диких еврейских погромах, которые устраивались черносотенцами. Черносотенцы врываются в еврейские дома и квартиры, все в них ломали, грабили имущество, избивали и убивали стариков, женщин, детей, увечили их. Все это проходило безнаказанно. Взгляд на нерусские народности как на какую-то низшую породу людей был широко распространен среди обывателей. Владимир Ильич рассказывал о том, как он в детстве и ранней юности постоянно слышал такие разговоры среди симбирских обывателей: заговорят о еврее — непременно скажут «жид», о поляке — «полячишка», об армянине — «армяшка». Но это было не только в Симбир-

ске — было повсюду. Я жила в детстве в Петербурге, в Псковской губернии, в Киеве — везде было одно и то же.

Населявшие Россию народности царское правительство держало в темноте, чтобы легче было их эксплуатировать. У целого ряда народностей не было даже своей письменности, другим запрещали писать и выпускать книги и газеты на их родном языке.

Советская власть сразу же положила этому конец, дала всем национальностям одинаковые права с русскими, все время проявляет особую заботу об отсталых национальностях. Дружба народностей, населяющих наш Союз Советских Социалистических Республик, растет и крепнет.

Само собой разумеется, что пионеры разных национальностей должны дружить между собой, помогать во всем друг другу. Как правило, это так и бывает. Но бывает и так, что русские пионеры считают, что дети других национальностей более отсталые в культурном отношении. Пионеры одного детского дома — русские — писали мне как-то из Таджикистана: «Кругом нас живут таджики. Мы знаем, что царское правительство угнетало их. Когда мы вырастем, мы поможем им стать культурными». В ответ на это я написала им, что граждане из угнетаемых при царизме национальностей теперь усиленно учатся, многие из них стали крупными работниками. Я писала ребятам, что им надо поближе сойтись с ребятами-таджиками, сдружиться, что среди ребят других национальностей многие очень дисциплинированы, умеют хорошо работать, петь, рисовать, метко стрелять. Многому можно у этих ребят поучиться, но надо и им помогать, делиться с ними знаниями. Нужна дружба между ребятами всех национальностей. Этого хотел Ленин.

Дорогие ребята, пионеры и пионерки всех народностей СССР!

От своих отцов и матерей, от стариков многие из вас слышали, как русские помещики и капиталисты эксплуатировали ваш народ, держали его в темноте и бесправии, и может случиться, что у кого-нибудь из вас нет-нет и вспыхнет чувство недоверия к русским ребятам. Ленин заботился, партия заботится, чтобы все народности СССР были полноправны, чтобы они могли расти и крепнуть, чтобы ребятам всех национальностей — и мальчикам, и девочкам — хорошо жилось. У вас нет причин обособляться; дружите с русскими ребятами, помогайте друг другу в учебе, в общественной работе, сообща боритесь за социализм, за жизнь сытую, здоровую, просвещенную, светлую, за дело Ленина.

Теперь во всех школах вводится преподавание русского языка. Знание, кроме родного, одного общего языка — русского — еще больше сблизит все народы СССР. На русском языке очень много книг, которые рассказывают о революции, о врагах, с которыми надо бороться, о том, как надо по-новому перестраивать жизнь. На русском языке много учебников, много научных трудов. Надо открыть доступ к этой богатой литературе всем национальностям, помочь им поскорее овладеть наукой.

Язык разных национальностей часто очень отличается от русского. Есть такие языки, где, например, нет разницы между мужским и женским родом, и ребята, когда начинают учиться русскому языку, долго путают мужской и женский род, говорят: «Ваня пошла спать» или «Маша пошел домой». Есть языки, в которых никогда не бывает рядом двух согласных букв, и ребята этой национальности, когда начинают учиться русскому языку, никак не могут сказать «три», говорят «ри». Есть такие языки, где не ясна разница между буквами «к» и «х»,

между «б» и «д» и т. д. И вот, когда ребята пишут диктовку, делают много ошибок; как ни стараются — все выходит «плохо».

Чтобы научиться хорошо писать и читать, им надо прежде всего научиться говорить по-русски. Это зависит от практики.

Дружба ребят разных национальностей с русскими, совместные игры, прогулки, рассказы на русском языке, русские стихи, которые будут легко запоминаться, русские песни помогут им быстро овладеть русской речью.

Мой отец был революционер. Он хотел, чтобы я дружила с ребятами других национальностей. Когда мне было лет пять, мы жили в Варшаве. И вот я играла во дворе с ребятами — польскими, еврейскими, татарскими. Мы очень дружно играли, нам было очень весело. Мы угощали друг друга чем могли. Татарские ребята водили меня в палатку во дворе, где жили их родители — они работали на стройке, — и угощали меня кониной, которая казалась мне очень вкусной. Еврейский мальчик был постарше меня года на три, он очень хорошо обращался со мной, я его очень любила, он угощал меня хлебом со смальцем. Польские ребята угощали меня «тястечками» — пирожными. Я не помню, чем я их угощала, но жили мы очень дружно и весело. И потом, когда я стала постарше и слышала, как обижают детей евреев, не пускают их в общественные сады, не пускают учиться, как притесняют поляков, я очень возмущалась. Потом я жила в Полтавской губернии в деревне, играла там с деревенскими ребятами-украинцами, научилась говорить по-украински; мне очень нравились украинские песни, украинские цветущие деревья. Я и сейчас бываю рада, когда получаю от украинских пионеров письма.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был директором народных училищ в Симбирске. Он всегда

очень заботливо относился к детям других национальностей — мордвинов, чувашей и др. Владимир Ильич видел это, это ему нравилось, и в старшем классе гимназии целый год занимался он с товарищем чувашем Огородниковым, помогал ему подготовиться в высшую школу и помог — тот сдал очень хорошо экзамен.

Я крепко надеюсь, ребята, что вы, какой бы национальности ни были, будете дружить друг с другом, помогать друг другу в учебе, в выработке характера, в умении работать и станете и на этом фронте настоящими ленинцами.

1938 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕТСКАЯ НЕДЕЛЯ

Исполнительный комитет Коминтерна молодежи постановил объявить III Международную детскую неделю с 24 по 30 июля. Детское движение у нас в России только еще организуется, и Детская неделя у нас проводится под знаком пропаганды детского движения.

«Зачем нужно какое-то детское движение, какая-то детская организация? Вырастут, станут немного разбираться — ну, тогда примкнут к комсомольскому движению; а пока — дети, — что они понимают? Пускай играют да учатся...» — так могут сказать иные товарищи.

«Юные пионеры» — так назвала себя детская коммунистическая организация — включают ребят, мальчиков и девочек, начиная с 11 лет.

Юные пионеры стремятся воспитать в своих членах коллективистические инстинкты, потребность разделять и радость и горе с коллективом, привычку не отделять своих интересов от коллектива, мыслить себя как члена коллектива, воспитать в своих членах коллективистические навыки, т. е. умение работать и действовать коллективно, организовано, подчиняя свою волю коллективу, проводя свою инициативу через коллектив, завоевывая мнение коллектива, и, наконец, воспитать коммунисти-

ческое сознание ребят, помогая им осознать себя членами рабочего класса, борющегося за счастье человечества, членами великой армии международного пролетариата.

Одна уже формулировка этих задач показывает, что чем раньше будут втягиваться ребята в детское движение, тем лучше. Очень часто приходится слышать от детей рабочих: «Отца мы не видим никогда: днем на работе, вечером на собрании». Мать или тоже на работу ходит, или завалена хозяйством и возней с ребятами. И растут дети рабочих как придется: или сидят в своем углу и ничего не видят, со скуки балуются, или подпадают под влияние улицы. Им даст детская организация много радостных переживаний, даст простор развитию их сил, их самостоятельности, даст пищу их уму.

Конечно, организация юных пионеров не может быть похожа на организацию взрослых. Было бы очень плохо, если бы она была копией организации взрослых. Но духом коммунизма она должна быть пропитана.

Прежде всего она должна дать детям много радостных переживаний. Хоровое пение, игры, купание, экскурсии в природу, поэзия рассказов у костра, посещение фабрик, участие в пролетарских праздниках — все это оставит неизгладимое впечатление на всю жизнь, свяжет эти переживания с представлением об организации, о коллективе. Участие в пролетарских праздниках, посещение рабочего клуба, фабрики, рабочего собрания протягивает крепкие нити между ребятами и рабочим классом, и нити эти надо всячески укреплять. Женотделы (отделы партийных комитетов по работе среди женщин. — *Ред.*), партячейки, профсоюзы должны брать шефство над юными пионерами и делать что могут для укрепления в ребятах духа классовой солидарности.

В Неделю детского движения пусть рабочие организации принимают шефство над юными пионерами, пусть

Н. К. Крупская среди пионеров (1936 г.)

устроят для них экскурсии, покажут им свою работу, расскажут им о ней, пусть расскажут детям выбранные от рабочих организаций рабочие и работницы о своем детстве, о своей борьбе, пусть рабочий класс усыновит в Детскую неделю юных пионеров.

Ребята есть ребята. Поэтому юные пионеры отводят игре широкое место. Игра есть потребность растущего детского организма. В игре развиваются физические силы ребенка, тверже делается рука, гибче тело, вернее глаз, развиваются сообразительность, находчивость, инициатива. В игре вырабатываются у ребят организационные навыки, развиваются выдержка, умение взвешивать обстоятельства и пр. Но есть игра и игра. Есть игры, вырабатывающие жестокость, грубость, разжигающие национальную ненависть, плохо действующие на нервную систему, вызывающие азарт, тщеславие. И есть игры, имеющие громадное воспитывающее значение, укрепляющие волю, воспитывающие чувство справедливости, умение помогать в беде и т. д. и т. п. Путем игры можно воспитать зверя, путем игры можно воспитать и коммуниста. Юные пионеры берут на себя эту последнюю задачу. Комсомольцы приходят им в этом деле на помощь.

Но не одной игрой занимаются юные пионеры. Современные дети слишком много видели и слышали, и у них есть уже желание принимать участие в борьбе за счастье человечества, в строительстве новой жизни. Пусть работа их невелика: собрать лекарственные растения, расчистить палисадник перед заводом и посеять там цветы, сшить рубашонки для детских яслей, разнести приглашения на собрание, украсить рабочий клуб и т. п., — но каждая такая коллективная работа заставляет каждого из них осознать себя полезным членом общества, заставляет стремиться творчески работать и дальше. Надо,

чтобы все советские учреждения внимательно относились к юным пионерам и открывали бы им возможности работать в новых отраслях.

Для школы детское движение является крайне ценным. Оно дает навыки, которые чрезвычайно важны для школы, которые могут помочь правильно поставить детское самоуправление в школе, создавать возможность осуществления новых методов преподавания, — оно повышает у учеников интерес к занятиям, жажду знания. Передовое учительство может только приветствовать юных пионеров. В Международную неделю детского движения школа должна открыть двери перед юными пионерами. Юные пионеры должны стать горячими помощниками учителя в деле организации новой школы, должны стать закваской для этой школы.

В неделю между 24 и 30 июля надо заложить прочные камни детского движения в РСФСР.

1923 г.

ОБ АНТИРЕЛИГИОЗНОМ ВОСПИТАНИИ

Начну с личных воспоминаний.

Я росла под двумя влияниями — отца и матери. Отец был типичным шестидесятником: глубоко верил в науку, читал «Колокол» Герцена, принимал некоторое участие в революционном движении, насмешливо относился ко всякой религии. Он воспитывался в корпусе, где требовалось строгое соблюдение постов, говений, где было обязательно посещение церковных служб и где процветало в то же самое время полное безверие, а церковные службы превращались в своеобразные диалоги.

— Где юность моего лица?— с пафосом восклицал священник, читая псалом царя Давида.

— Поросла козлиной бородой!— хором отвечали кадеты.

— Молчать, ослы!— выходил из себя священник.

— Сам осел!— сладостным голосом отвечали кадеты.

Так протестовали кадеты против навязываемой им официальной религии.

Влияние отца на меня было неограниченно. Он умер, когда мне было 14 лет. Я говорила с ним обо всем интересовавшем и волновавшем меня.

Мать также воспитывалась в закрытом учебном за-

ведении — в институте. Священник у них был прекрасным педагогом. Для матери церковные службы связаны были с целым рядом радостных переживаний, она была одной из лучших певчих. Мать также не говела, не постилась, не соблюдала обрядов, в церковь ходила лишь изредка, когда бывало «настроение», дома никогда не молилась, но в квартире у нас висели образа, у моей кровати красовался семейный образок, и иногда мать брала меня с собой ко всенощной...

Только семидесятилетней старухой она сказала мне: «В молодости я была религиозна, теперь повидала жизнь, вижу — все это пустяки», — и просила непременно после смерти сжечь ее тело. Так и сделали.

Если отец был для меня непререкаемым авторитетом, то по отношению к матери в детстве я держалась «независимо». Только в раннем детстве, в возрасте лет пяти, на меня влияла, вероятно, религиозная нянька. Впрочем, это мое предположение; я помню только, что она носила меня раз в костел. Позднее никаких религиозных влияний на себе не испытывала. А вышло так, что я была внутренне религиозна, потихоньку, чтобы не посмеялись, усердно читала евангелие и отделалась окончательно от религиозных настроений лет в двадцать с лишним, лишь став марксисткой. Как это вышло? Лет пяти-шести я по вечерам усердно молилась богу. Отец раз посмеялся надо мной: «Будет тебе грехи замаливать-то, ложись уж спать!» И странное дело, эта мягкая насмешка над ребенком дошкольного возраста повлияла на меня самым неожиданным образом. В области религиозных верований отец перестал быть для меня авторитетом. Я говорила с ним обо всем, только не о религии. Тут у меня было свое «особое мнение».

К тому же времени относится и другое воспоминание. У меня был приятель — мальчик, годом меня старше,

Боря, сын нигилистки, княжны Долгорукой. Княжна порвала с родительским домом, говорила громко и грубо, махала руками, презирала все обычаи и условности. Боря был для меня громадным авторитетом. Стоим мы с ним в пустой комнате, где стояла только моя кровать с образком на голубой ленточке. Боря говорит: «Плюнь на образ, мама говорит — бога нету». Я пришла в полное недоумение: столь решительных предложений я никогда не слыхала еще: «Ну, мало ли что мамы говорят».

Я часто думала, где, в чем лежали корни моей религиозности. Ко всякой мистике я чувствовала всегда глубокую, инстинктивную ненависть. Помню, как я негодовала на рассказ: «Жили два друга неразлучно, душа в душу, наконец одному пришлось поехать в соседний город; дня через два оставшийся друг почувствовал невероятную тоску и беспокойство, снялся с места, помчался в город, куда уехал друг; у заставы встретил воз с соломой, неведомая сила приковала его к месту; он, сам не зная зачем, потребовал, чтобы солома была разрыта, — на дне оказался убитый друг». Тогда я не знала, что такое мистика, но разозлилась и разревелась, уверяя, что никто не имеет права рассказывать такой вздор. А сказки о чертях, ведьмах, леших я слушала в то же время с большим интересом.

Не мистические настроения были причиной моей религиозности. Насчет Ильи-пророка и пр. у меня дело обстояло благополучно: закономерность естественноисторических явлений не подлежала для меня сомнению.

Зачем мне нужна была религия? Я думаю, что одной из причин было одиночество. Я росла одиноко. Я очень много читала, много видела. Я не умела оформить своих переживаний и мыслей так, чтобы они стали понятны другим. Особенно мучительно это было в переходный период. У меня всегда было много подруг. Но мы обща-

лись как-то на другой почве. И вот тут мне очень нужен был бог. Он, по тогдашним моим понятиям, по должности должен понимать, что происходит в душе у каждого человека. Я любила сидеть часами, смотреть на лампадку и думать о том, чего словами не скажешь, и знать, что кто-то тут близко и тебя понимает.

Позже изжитию остатков религиозности мешало отсутствие понимания закономерности явлений общественного характера. Вот почему марксизм так радикально излечил меня от всякой религиозности.

Какие же выводы я делаю на основании пережитого о том, как надо ставить антирелигиозную пропаганду среди ребят и подростков?

Во-первых, я считаю, что антирелигиозная пропаганда должна начинаться очень рано, еще в дошкольном возрасте, потому что эти вопросы очень рано начинают интересовать теперь детей.

Во-вторых, надо изгнать из этого дела всякую официальщину и принуждение, иначе можно riskовать добиться прямо противоположных результатов: как раньше принудительное религиозное воспитание убивало всякую религиозность, так принудительная в отношении ребят антирелигиозность может породить стремление к религиозности, по крайней мере в известном возрасте.

В-третьих, с орудием насмешки надо обращаться весьма осторожно.

В-четвертых, громадное значение имеет метод преподавания естествознания и обществоведения. В области явлений природы и общественных явлений не столько имеет значение усвоение большого числа фактов, сколько исследование явлений, их последовательности, взаимозависимости, причин и следствий.

Программы ГУСа имеют целью именно таким образом поставить изучение явлений. Мы констатируем такое-то

явление. Что его вызвало, что из него вытекает? Чтобы понять это, надо рассмотреть целую цепь явлений, взять явление не изолированно, а во всех его опосредствованиях, в связи с другими явлениями. Тот, кто придумывает искусственные связи, искусственные взаимоотношения, совершенно не понимает смысла понятия «комплекс». Только изучая явления в их развитии, в их динамике, можно понять закономерность явлений. А там, где есть это понимание, там нет места религии. И другое — полное понимание закономерности явлений природы и общественности возможно только тогда, когда познанные законы проверяются практикой. Вот почему труд и общественная работа так же органически должны быть связаны с советской школой, как и изучение закономерности явлений природы и общественности.

И, наконец, в-пятых, надо углублять коллективность жизни ребят. Надо делать жизнь ребят как можно богаче переживаниями. Это не значит водить их почаще в театр или возить в дальние экскурсии. Это значит — учить их читать окружающую жизнь, понимать и творить ее. Тогда не будет детского одиночества, не будет у подростка и потребности к религии.

КАК ВЕСТИ СРЕДИ РЕБЯТ АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ ПРОПАГАНДУ

Когда имеешь дело с ребятами, надо относиться к ним всерьез. Также и в вопросах антирелигиозной пропаганды. Надо ребят убеждать, а не заставлять их, как попугаев, повторять чужие слова.

Мы часто совершенно недооцениваем, какое сильное впечатление, часто на всю жизнь, оставляет какое-нибудь чувство, пережитое в возрасте 5—7 лет. И надо уметь понять, что может захватить, взволновать ребенка в этом возрасте. Если ему будут говорить: не надо устраивать елки, потому что зря рубят лес,— это его не убедит. Но если ему рассказать, как богатый человек для своего ребенка — избалованного мальчишки — устраивал роскошную елку, а бедного мальчонку, сына рабочего, прогнали в три шен от окна, чтобы он издали даже не мог смотреть на светящуюся огнями елку,— это ребенка убедит. Или если ему рассказать, как заставляли учить молитвы. Я помню, какое впечатление произвело на ребят, когда я им рассказала то, что мне приходилось наблюдать. Нанимала я как-то комнату у одной фельдшерицы, у которой было двое детей — девочка лет шести и мальчонка лет четырех. И вот часов

в 5—6 раза три в неделю приходили к фельдшерице братья — вольноопределяющиеся — и принимались учить Олю молитвам: «Ну, говори, «богородица». Дрожащим голосом девчурка повторяет: «Богородица...» — «Дальше!» Девочка начинает «дева», а потом начинает плакать. Ее начинают лупить ремнем. И девочка и мальчик были страшно запуганы этим битьем. Такой рассказ будет понятен ребятам — даже малышам.

У ребят 5—6 лет уже своя логика. «Как ты смеешь на бабушку замахиваться, тебя бог накажет: рука у тебя отсохнет!» Мальчонка поражен: «Отсохнет?!» И потом весь вечер пристает к бабке: «Скоро отсохнет?» — «Скоро». — «Бабушка, почему же не сохнет? Как она сохнуть будет? Тоненькая станет?» Рука не сохнет, и мальчонка убеждается, что бабка врет и что бог бессилён вмешаться в это дело.

Раз мне пришлось слышать разговор пятилетнего мальчонки с отцом.

Мальчик. Ты говоришь, что врать нельзя?

Отец. Нельзя врать. Никогда не ври!

Мальчик. А сам врешь!

Отец. Я?!

Мальчик. Да, ты говоришь: бог меня видит, как я шалю.

Отец. Видит.

Мальчик. Вот и врешь. Он на небе. Как же он через потолок-то видит?

Отец. Ну, ты не рассуждай очень-то!

Надо наталкивать ребят на такого рода размышления — и ребята будут расти убежденными безбожниками.

Но нельзя навязывать ребятам логики взрослых.

Я начала помнить себя очень рано. Я не помню никаких религиозных переживаний, но помню ряд антирели-

гиозных воздействий на меня в возрасте 5—6 лет. Вспоминая, какое они производили на меня впечатление, я прихожу к заключению, что даже к малышам с антирелигиозной пропагандой надо подходить умело. Помню, у меня был приятель Боря, годом меня старше, бывший для меня большим авторитетом, сын нигилистки 70-х годов. Когда она к нам приходила, я глаз с нее не спускала. Она казалась мне очень занятой, была непохожа на других. Говорила громким голосом, махала руками, ходила хотя в шиньоне, как тогда это было в моде, но раз во время какого-то разговора вдруг при всех сняла этот шиньон и положила перед собой, и вдруг изменился весь ее вид. Я не раз слышала дома разговоры о ней. И вот помню, что Боря раз мне сказал: «Плюнь на образ, мама сказала, бога нет». Если бы Боря сказал: «Плюнь на образ, бога нет!» — может быть, я бы ему поверила, но Боря сказал: «Мама сказала», — и я совсем иначе отнеслась к его призыву: «Ну, мало ли что мамы говорят!» Это воспоминание навело меня позже на мысль о том, что надо очень умеючи подходить к детям. Дети очень наблюдательны. Помню, мать прочитала мне как-то очень распространенное в те времена детское стихотворение «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал, шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...» Стихи мне очень понравились, и я заставляла мать вновь и вновь читать их мне. Стихи кончались словами:

Бог и птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок,
Бесприютного сиротку
Также не оставит бог.

Читая мне стихи, мать упорно стала пропускать конец. То ли она думала, что мне сия философия непонятна, то ли не хотела внушать мысли, что бог в людские

дела вмешивается,— не знаю, но эти заключительные слова пропускала. Но было уже поздно. В эти годы у детей обычно очень большая фотографическая память. Я сразу же запомнила эти стихи. И когда мать пропускала конец, добавляла его я. Он получил благодаря этому для меня какое-то особое значение.

Четырех-пятiletние ребята уже не чистая доска, на которой пиши, что хочешь. Тут нужен умелый подход.

Школа, детский сад — обычно в глазах ребенка очень авторитетны. И потому, конечно, уже детский сад должен вести антирелигиозную пропаганду, но она должна быть продумана, не слишком упрощена.

Очень важно, когда у ребят антирелигиозные представления связываются с каким-либо коллективным действием — пением, жестами, декламацией. Еще важнее, когда ребенок сам превращается, по своей инициативе, в антирелигиозника. Семилетний мальчуган видит, как на улице молится на церковь старуха. «Бабушка, не молись: бога нет!» Удивленная старуха вступает в разговор с мальчуганом и забывает о молитве. Бояться таких разговоров нечего. Не беда, если после разговора со старухой у него явятся какие-нибудь вопросы, надо только уметь на них ответить, а не отмахнуться: «Не говори глупостей!»

«МОЕ» и «НАШЕ»
НАДО БЕРЕЧЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

(ПИСЬМО ПИОНЕРАМ)

Дорогие ребята!

Сегодня мне хочется поговорить с вами об одном большом и важном вопросе.

У одного знакомого мальчика висит на стене портрет Ленина. Он вырвал его из книжки.

— Ведь ты книжку испортил, — говорю я.

— Я не из своей.

Оказалось, что книжка была библиотечная.

Посмотрите, какое дело получается. Мальчик много слышал о Ленине, считает себя ленинцем, его портрет на стенку вешает, а что делает? «Свое» имущество бережет, а общее — то, которым пользуются многие, библиотечное, — портит. Откуда это?

При помещиках и капиталистах порядки были такие. Помещик имел много земли. «Земля моя, — говорил он. — Что хочу, то и делаю с ней. Захочу — не буду ее совсем обрабатывать, пускай стоит порожняком. Захочу — сдам ее в аренду соседним крестьянам, у них своей земли мало, подороже с них за аренду сдеру. Захочу — куплю сельскохозяйственных машин, найму агронома,

батраков найму, пусть на меня работают. Дорого не дам, все равно им деваться некуда».

Богатый крестьянин — кулак, у которого земли было много, — рассуждал так же: «Моя земля, мой скот, как хочу, так ими и распоряжаюсь».

А как рассуждал бедняк-батрак? «Земля не моя; скот не мой, машина не моя, мне до них дела нет». И поэтому помещичью землю пахал кое-как, о скотине заботы не было, машины не берет никто.

Теперь у нас колхозы. Про колхоз не говорят уже «мой», а говорят «наш» колхоз. И кони, и коровы — скот — общие, «наши». Машины в колхозе тоже «наши».

Но старые привычки долго держатся. Войдут крестьяне в колхоз, а настоящей заботы об имуществе часто еще нет. Получат трактор, подивятся на него, полюбуются на его работу, а потом заботы о нем нет.

Бывают и по сию пору такие случаи. Стоит трактор, забытый в поле, — все ходят мимо, и ни у кого заботы о нем нет. Никто не думает, что надо его в сарай перетащить. Идет дождь, снег, а трактор продолжает стоять в поле — «не мой» трактор, «не моя» забота о нем. Бригадир, который должен заботиться о конях, ложится спать, решив, что не подохнут кони, если ночь простоят некормлены. Кабы свой конь был — другое дело.

Много надо времени, чтобы пожилые люди, привыкшие к капиталистическому порядку, привыкли смотреть на общее добро как на свое собственное. Фабрики принадлежали капиталистам. Они рассуждали так: «Моя фабрика. Захочу — заведу на ней самые совершенные машины, захочу — оставлю старые, захочу — могу в любое время фабрику закрыть, выброшу рабочих на улицу. Рабочие — мои. Захочу — часовню для них выстрою, захочу — школу построю. Мой, все мое».

Теперь фабрики стали общим добром, общим имуществом. Рабочие говорят уже о фабрике как о «нашей», заботятся о ней, берегут ее. Только не всегда и не все еще.

В быту пережитков старого сколько хочешь: у себя в квартире огонь на ночь тушат, а в учреждениях сплошь и рядом забывают на ночь электричество потушить; книжки в библиотеку не возвращают; в общежитиях грязь, часто мебель поломана.

Зачем я это все пишу?

Юные пионеры, которые хотят быть ленинцами, должны научиться заботиться об общественном имуществе.

Есть ли эта забота? Не всегда. Входишь в школу, видишь изрезанные столы, на только что выкрашенных стенах глупейшие надписи, нет-нет кто-либо втихомолку лампочку вывинтит, проводку перережет, окошко выбьет. Ребята в шутку называют это «бузологией», и в голову им не приходит, сколько рабского, глупого в этой «бузологии». Сегодня я лампочку вывинчу, школьный учебник изувечу — что за беда! Завтра вместе со всеми я буду петь: «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян», — завтра я пойду с отрядом на фабрику, в красном галстуке, и буду отвечать, что к борьбе за дело Ленина мы «всегда готовы».

Разве не бывает так, ребята? Вглядитесь в жизнь своей школы, разве мало у вас «бузологии», разве у всех вас заботливое отношение к общественному имуществу?

Мне рассказывали ребята, что последнее время в школе часты стали случаи, когда школьники утаскивают к себе из мастерских инструменты, утаскивают школьные тетради и школьные книги. Они расхищают общественное имущество, превращают его в свое собственное, личное. Не могут сделать этого открыто — делают это тайком.

Бывают случаи и такие: работая на фабрике, ребята и там присваивают себе разные вещи: например, работая на кондитерской фабрике, набивают себе карманы конфетами. «Много ли убытку фабрике, которая ворочает миллионами, от съеденных ребятами конфет?» — рассуждают они.

Это показывает, как мало сознательны еще некоторые ребята. Ни школа, ни отряд не научили их, не объяснили им, как надо относиться к общественному имуществу.

Поглядите, ребята, вокруг себя. Вы увидите, как много еще старых, собственнических пережитков. Хорошо будет, если вы будете их обсуждать и записывать.

Не менее внимательно надо смотреть, что делается у вас в школе, в отряде. Какое отношение к общественному школьному имуществу? Есть ли достаточно заботливое отношение к школьному имуществу? Стараетесь ли держать ваш класс, вашу школу, вашу библиотеку, ваш пришкольный участок в чистоте, в порядке, стараетесь ли сделать их красивее, удобнее для общей работы, занятий, игры?

Что вы сделали для того, чтобы лучше обслужить школу? Собрали библиотеку? Устроили в пользу школы вечер? Или срывали плакаты, били стекла, портили пособия?

Вы за старые порядки, когда говорили «каждый за себя, а бог за всех», или за ленинское бережное отношение к общественному имуществу, за заботу о нем? Напишите об этом в свою газету. К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

БУРЖУЙСКИЕ ЗАМАШКИ ВОН ИЗ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

(ПИСЬМО ПИОНЕРАМ)

Дорогие ребята!

Вы все, конечно, знаете, что 8 Марта — Международный женский день, об этом дне знают даже дошколята.

Пионеры принимают участие в праздновании этого дня. Я была на нескольких больших собраниях, где ребята очень хорошо выступали. Да и в повседневной жизни они заботятся, чтобы мать могла ходить в ликбез или на собрание, чтобы сестры учились и т. д. Но надо обратить внимание еще на одну сторону дела — на отношения между мальчиками и девочками.

В старое время — при крепостном праве, а потом при капитализме — муж был главой семьи. В церкви попы призывали: «Жена да убойтца мужа!» Жена была рабой, слугой своего мужа, без него шагу не смела ступить. В особо грубой форме эта власть проявлялась в деревне, где была очень большая темнота и несправие. Там сплошь и рядом бывало, что муж колотил свою жену, топтал ногами, выгонял из дому, заставлял на себя работать. Придет пьяный и кричит:

— Марья, сапоги снимай!

— Сейчас, Иван Петрович,—покорно отвечает жена-раба, начинает тащить с пьяного сапога, а тот старается салогом ее в лицо ударить.

Помещики, местные власти пороли мужиков, а те срывали сердце на бабах. Если жена хотела уйти в город, поступить на работу, она не могла это сделать без разрешения мужа. По закону муж был хозяином жены, она — его вещь. У целого ряда народностей и по сию пору муж смотрит на свою жену как на вещь, прячет от чужого глаза под чадру, запирает дома, а хочет — продаст ее знакомому, продаст богатому покупателю.

Но не только в темной деревне происходили такие дела. Такие нравы заражали. Даже среди людей, кончивших среднюю школу, в ходу бывало битье жен.

Помню, в 1905 г. мы с т. Лениным нанимали комнату в одном большом доме. А рядом жил — тоже нанимал комнату — какой-то офицер; так он свою жену каждый вечер таскал за волосы по коридору.

У буржуазии, у людей зажиточных, женское рабство принимало другие формы. Муж жену не бил, не заставлял на себя работать — на то в доме были кухарки и горничные, — но смотрел на жену как на свою игрушку: дарил ей красивые платья, погремушки разные, брошки, колечки, гребешки, ласкал, как котенка или комнатную собачонку. Взгляд на женщину как на предмет развлечения широко распространен в буржуазных странах. В большинстве буржуазных стран женщина либо вовсе лишена избирательных прав, либо эти права ограничены.

В нашей стране, стране Советов, женщины уравниены во всем в правах с мужчиной.

Потому, что на женщину смотрели как на рабу или как на игрушку, считалось, что ей не надо так много

знать, как мужчине. В большинстве буржуазных стран существуют отдельные школы для мальчиков и девочек. В женских школах программы меньше, там больше налегают на религию, музыку, рукоделие. У нас до революции 1917 года тоже было так: были отдельные гимназии для мальчиков и отдельные для девочек. После Октябрьской революции у нас все школы стали школами совместного воспитания: девочки учатся наравне с мальчиками.

Коммунисты смотрят на женщину как на товарища, борются со старым, подлым, буржуазным отношением к женщине. Плох тот коммунист, который относится к женщине по-старому, по-капиталистически.

По закону женщина у нас уравнена с мужчиной, а в жизни, в быту еще много старых привычек.

Посмотрите вокруг себя, взгляните в жизнь — вы увидите много старых взглядов. Если заметите такие случаи, обсудите их с товарищами, подумайте, как с этим можно бороться.

Иногда буржуазия заводит для своих ребят школы совместного воспитания. Но эти школы не воспитывают настоящих товарищеских отношений между мальчиками и девочками. Девочки и мальчики держатся отдельно. Девчата в перемены ходят особо, толкуют о том, какой из мальчат «интереснее», боятся мальчат, а в то же время стараются одеться, поднарядиться, губки покрасить, чтобы мальчаткам понравиться. Одним словом, держат себя как настоящие маленькие буржуйки. А мальчата от них не отстают: дразнят девчат, пишут им глупые записки, стараются девочек обругать позабористее, а в то же время начинают за ними ухаживать — одним словом, ведут себя как заправские маленькие буржуи. А учителя молчат. В капиталистических странах такие вещи считаются вполне естественными.

А у нас? К сожалению, и у нас не только в семье, не только на улице, но и в школе буржуйских замашек у ребят сколько хочешь. Разве нет у нас в школе того, что девочки сидят в классе отдельно от мальчиков, а мальчик считает для себя позором сесть вместе с девочкой? Как у вас в школе? А разве не бывает, что мальчата дразнят девочек, доводят девочек до слез, а потом презрительно говорят: «Ну, девочка сейчас ревка даст!»

Буржуй считал, что женщину можно всячески унижать, оскорблять, а она должна и виду не показывать, что ей обидно, тяжело. Вот и наши мальчата другой раз по-буржуйски оскорбляют девчат, а потом негодуют, что девчата обижаются. Бывают ли у вас в школе такие случаи? Или бывает так: выберет мальчонка себе «даму сердца», записочки ей пишет, угодить ей старается. Она разругается с другой дивчиной, а парнишка подговорит товарищей избить девочку, поссорившуюся с его «дамой сердца». Разве не избивают мальчата девчат? Разве мальчата и девчата не читают взасос пошлой переводной буржуазной литературы? А как смотрят на все это пионеры? Как борются со всем этим? Как терпят они это буржуйство?

Когда ребята вступают в пионеры, они дают торжественное обещание бороться за дело Ленина, за дело рабочего класса.

Ленин всю жизнь боролся с подлым буржуйским отношением к женщине, боролся за ее равноправие, за ее раскрепощение. Он с радостью отмечал участие женщины в революционной борьбе, общественной работе, в работе Советов. Требовал, чтобы женщин, даже самых темных, самых отсталых, вовлекали как можно шире в стройку социализма.

Юные ленинцы — пионеры — не только не могут са-

ми заводить в школах буржуйских нравов, они должны всячески с ними бороться, бороться со школьниками, которые это делают. Юные ленинки — пионерки — тоже должны отучаться от глупых замашек, приналечь на учебу, на общественную работу.

Пионеры и пионерки, к борьбе за рабочее дело, за дело Ленина будьте готовы!

1932 г.

О ЗАДАЧАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Одна из современных задач современного воспитания — это научить ребят работать и жить коллективно. В эпоху перехода от капитализма к социализму эта задача имеет совершенно исключительное значение.

Мы многому научились за последние восемь лет. Мы теперь гораздо яснее отдаем себе отчет в том, что переход от капитализма к социализму означает не только обобществление средств производства, но параллельно с этим и переработку всей психики людей, превращение людей из индивидуалистов, каковыми их воспитал капитализм, в коллективистов, умеющих свое «я» спаять с коллективом, находить совершенно новые радости, новое счастье в этом слиянии, умеющих к каждому вопросу подходить с точки зрения целого.

И надо отдать себе отчет в том, что одной из необходимейших предпосылок возможности осуществления коллективизма является тесная связь между людьми, близость их между собой, способность до конца понимать друг друга.

Средством общения между людьми является слово. И мы видим, как страшно повысилась наша революция умение говорить. Раньше массы были страшно беспо-

мощны в деле выражения своих мыслей словами, значит, не могли люди говорить, а теперь говорят. Как многих научила революция, научил послереволюционный период говорить... Этого уж ничем никакие белогвардейцы не могут изменить — люди научились говорить и тем самым лучше понимать друг друга.

Но слово не единственный способ общения между людьми — «холоден и жалок нищий наш язык».

Пока язык человека был не развит и мог выражать очень немногое (у диких первобытных народов), сильно были развиты другие способы выражения своих мыслей и чувств — мимика, жест, интонация; интонация, оформленная ритмом, вырастала в музыку, мимика, жест — в ритмическое движение, в танец. Я не знаю — я далеко стою от искусства, — но мне кажется, что изучение музыки, танцев, вообще искусства малокультурных народов проливало свет на то, что такое музыка, танец, пение. Вероятно, в истории искусства об этом рассказано.

И, когда мы хотим построить художественное воспитание ребят, мы должны ознакомиться с этой историей, она может раскрыть перед нами совершенно новые подходы к художественному воспитанию детей.

Ребенок лишь постепенно научается говорить, долгое время запас слов его скуден, конструкция бедна, а переживания сильны, есть у него известные уже мысли и чувства. И ребенок прибегает к интонации, к мимике, к жесту. У ребят они гораздо сильнее развиты, чем у взрослых.

Стремление к общению растет у ребенка все больше, по мере того как он научается выражать себя. Возраст 7—12 лет характеризуется развитием общественных инстинктов. Умение выразить свои мысли и чувства сближает.

Обычно семья и школа стремятся сдерживать у ребенка выявление им себя. И поэтому ребенок с возрастом становится менее «жив», менее экспансивен. Его учат часто музыке, танцам, говорению с выражением стихов, но это уж нечто другое, это уже не выражение собственных мыслей и чувств ребенка, это подражание, в большинстве случаев подражание выражению себя взрослым.

Правильно ли по мере обогащения речи подавлять мимику, жест, интонацию? Неправильно. И у взрослого человека эти формы выявления себя способствуют лучшему пониманию людьми друг друга. Какой оратор наиболее захватывает аудиторию? Тот ли оратор, который говорит деревянным голосом, без всякой интонации, с маскообразным лицом, не двигаясь, или оратор, речь которого полна выражения, глаза которого загораются, на лице и в жесте которого отражаются его мысли и чувства?... Конечно, дело не в искусственных повышениях и понижениях голоса, шаблонных, театральных жестах, беганье по трибуне — рабочая и крестьянская аудитория и в жестах и в интонации, как и в словах, требует соответствия выражаемым мыслям и чувствам. Но нет сомнения, что сила второго оратора во много раз выше. Музыка, танец, театр захватывают нас часто, если они созвучны нашим переживаниям, до крайности...

Недостаточность словесного переживания своих мыслей особенно остро почувствовалась в революционное время и вызвала у нас в искусстве искания — не очень, правда, удачные — новых форм выражения...

Надо ли гнаться за тем, чтобы дать подрастающему поколению возможность наиболее полно, наиболее разносторонне выражать свои мысли и чувства? Думается, что да. Ибо выражение оформляет мысли, углубляет чувства. Выражая себя, человек растет. Как в процес-

се речи, устной и письменной, человек лучше осознает свои мысли, так и выражая свои переживания в песне, в танце, в мимике, человек лучше осознает себя. Мне кажется изречение древних: «Познай самого себя» — имело в виду не копание в себе, а именно это познание себя в процессе выражения.

При художественном воспитании важно особенно внимательное отношение к тому, чтобы не подавлять естественный рост выражения себя в песне, ритме, музыке, танце, не навязывать ребенку сложных развитых форм этого выражения у взрослых...

Взрослые так часто не понимают ребенка, характера его восприятий, характера его выражения себя... Например, понимают ли взрослые неотделимость для ребенка содержания от формы? Посмотрите, как слушает ребенок сказку; он не позволит вам при повторении сказки изменить ни одного слова: если первый раз девочка была в голубом платье, то потом уже нельзя сказать никак, что она была в розовом... Ребенок воспринимает и форму и содержание целостно. У малокультурного человека наблюдается то же самое. Я наблюдала в воскресной школе малограмотных. Для них пересказ представляет невероятные трудности. Не потому, что взрослому неглупому человеку непонятно содержание прочитанного, но потому, что он стремится передать рассказ дословно: и для него форма неотделима от содержания. Когда дело идет о переложении басни или стиха, тут дело обстоит еще хуже: малограмотный старается передать не только как можно точнее, теми же именно словами содержание, но стремится воспроизвести и ритм. Бывали случаи, что на поверочных работах учащиеся пытались дать изложение в стихах...

Нужно наблюдать и наблюдать ребят в области их художественного выявления себя. Эта целостность, не-

разделимость образов у ребят выражается и в рисовании. Ребенок никогда не рисует отдельных частей — голову, руку: он старается изобразить ландшафт, хоровод, целую сцену так, как она запечатлелась у него.

Отсюда, по-моему, вытекает необходимость пропитанности всех занятий в школе I ступени элементами искусства, но не выделение различных форм искусства в отдельные предметы, отдельные отрасли искусства. Такое разделение уместно во II ступени, в период полового созревания, когда у ребят является потребность в анализе, в расчленении, в дифференциации, в самоуглублении. В этот период искусство имеет особое значение именно потому, что оно позволяет подростку лучше осознать себя.

Но умение выражать себя — это одна сторона дела, другая — умение понимать других. Для этого нужно созвучие в их переживаниях. Для того чтобы понять другого, надо самому пережить много. Человек, который сам не переживал сильных эмоций, сам не думал, не поймет и другого.

Но в одиночку человек может развиваться только до известного предела, очень незначительного, а там его опыт должен оплодотворяться опытом других. Опыт других, созвучный развивающемуся ребенку, близкий ему, дающий материал для сравнения, ведет ребенка вперед. Чем шире будет этот усваиваемый, впитываемый чужой опыт, тем больше вынесет из него ребенок, тем более коллективным человеком он будет расти.

Необходимо научить ребенка воспринимать опыт других. Тут искусство может дать опять-таки колоссально много. Не только надо научиться слушать речь другого, но надо научиться слушать и его интонацию, его песню, читать на его лице, читать его движения, жесты, рисунки...

Про Владимира Ильича часто говорят, что он умел слушать рабочих и крестьян. Но он не только слушал, он воспринимал каждую интонацию, каждый жест говорившего, улавливая по этому его настроение, степень искренности и пр.

Как научить ребят воспринимать переживания чужих? Мне кажется, что базой для этого должны быть сильные коллективные переживания — совместное пение близкой, понятной песни, совместные коллективные движения (игра), коллективная декламация и пр. Конечно, не только это, но и коллективный труд, сопровождаемый песней, коллективная радость, всякая, всеми ребятами ощущаемая эмоция.

Особенно важно крепить коллективные эмоции в возрасте от 7 до 12 лет, когда у ребенка так ярко выражается социальный инстинкт, стремление все делать сообща. Искусство тут может сыграть большую роль.

Школа I ступени должна дать прочную базу закрепленного социального инстинкта, на котором самоуглубление, свойственное переходному возрасту, развивалось бы уже на базе прочных социальных коллективистических навыков и благодаря этому протекало бы наиболее нормально.

Целый ряд серьезнейших проблем возникает в связи с художественным воспитанием. Тут нужны новые пути. Надо помочь ребенку через искусство глубже осознавать свои мысли и чувства, яснее мыслить и глубже чувствовать; надо помочь ребенку это познание самого себя сделать средством познания других, средством более тесного сближения с коллективом, средством через коллектив расти вместе с другими и идти сообща к совершенно новой, полной глубоким и значительным переживаний жизни.

К ВОПРОСУ О ДЕТСКОЙ КНИЖКЕ

1. ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКА

Что за существо дошкольник?

Прежде всего, это существо до крайности *малоопытное*. Он не знает еще, может ли девочка, нарисованная на картинке, убежать или нет; не знает, умеет ли кошка говорить человеческим голосом или нет; бывают ли коровы голубыми, а собаки зелеными. Мир для него еще что-то совершенно неведомое, которое он стремится познать.

Тот, кто пишет книжку для ребят-дошкольников, должен помогать познанию ими мира, а не дезориентировать их. Поэтому книжки для ребят-дошкольников должны быть реалистичны до крайности. Но вместе с тем они не должны быть узкими (это не должны быть только кошечки и собачки) — это должна быть жизнь, как она есть. На картинках должны быть изображены и труд, и жизнь взрослых, люди разного положения и звания, город и деревня и т. д. Все это раздвигает горизонт ребенка и не менее интересно для него, чем выдуманные феи, русалки и прочая дребедень.

Надо отдать себе отчет в том, что каждый не существующий в действительности образ задерживает развитие ребенка. Кроме того, впечатления детства глубоко вре-

зываются на всю жизнь в его память, и потому ребенка надо беречь от всяких безобразных образов, вроде волка, кидающегося на ребенка, или чертей, ибо все это снится ребенку, повторяется вновь и вновь перед его глазами. Семена мистики особенно легко сеются в дошкольном возрасте. Картинки должны наклеиваться на толстую бумагу, так как стремление поглубже познать изображенный предмет ведет к тому, что картинки рвутся детьми.

Надо иметь также в виду большую подражательность ребенка. Поэтому не надо рисовать драк, гримас и т. п. Дети все это будут механически повторять. Но хорошо рисовать ребенка постарше, возящегося с малышом, малыша, помогающего другому малышу, и т. д.

Что касается смешного, то надо не забывать, что то, что смешно для взрослого, вовсе не смешно для малыша, ибо смешное — это противоестественная комбинация явлений, а у малыша нет еще представления о том, что естественно и что противоестественно. Он ко всему относится всерьез. Для малыша смех — это только радость. Он спрашивает смеющегося взрослого: «Чему ты рад?»

И печаль ему так мало понятна. Он понимает, что мальчику холодно, что он хочет есть, когда бьют — это больно, но социальные отношения ему мало понятны.

По части запоминания слов и выражений этот возраст особенно благодатен. Ребята запоминают массу фраз, целые страницы стихов, очень сложные обороты, не очень заботясь о том, что эти слова значат. Писатель, пишущий для дошкольников, не должен сюсюкать, избретать какой-то особый детский язык, но форма выражения должна быть художественна, литературна. В этом возрасте надо стремиться обогатить язык ребенка новыми словами, понятия для этих слов ребенок приобретет позже. Пока ребенка интересует форма. Она нераз-

рывна для него с содержанием. Ребенок-дошкольник не позволяет переставить слов в стишке, не позволяет, чтобы одетая в голубой платок девочка на следующей картинке была в красном платке.

Дети любят повторяющиеся в стихе строфы, любят бесконечные рассказы об одной и той же собаке, об одной и той же девочке. Надо идти навстречу этой детской потребности. Дети-дошкольники по многу раз пересматривают одни и те же книги, они не гонятся за новизной.

Задача состоит в том, чтобы создать несколько хороших красочных книг для ребят дошкольного возраста, немного числом, но прекрасных по форме, близких ребятам по содержанию.

2. ДЕТСКАЯ КНИГА ДЛЯ РЕБЯТ 8—13 ЛЕТ

У ребят этого возраста есть уже жизненный опыт: они знают, что кошка и собака не говорят человеческим голосом, что умывальники и щетки не скачут по комнате. Ребята возраста 8—9 лет — большие реалисты, и разговор лошади и собаки не способен сбить их с панталыку. Они уже познали более или менее окружающее, доступное наблюдению, их тянет к себе уже далекое, то, чего они не знают, но стремятся узнать. Ребята 10—13 лет страшно любят книжки вроде Жюль Верна, Майна Рида, расширяющие их горизонт. Их пленяют всякие «Дети лесов», «Таинственные острова», путешествия всех видов и сортов. С другой стороны, их притягивает к себе более углубленное познание окружающего: наблюдение над жизнью животных, всякие опыты, труд. В этом возрасте книга для детей может превращаться в орудие труда. «Как сделать самому» — такие темы страшно привлекают ребят. Особенно важно давать ука-

зания ребятам, как что-нибудь сделать вдвоем, втроем, пятером, как распределять между собой труд и в труде помогать друг другу.

Чего ребенок этого возраста еще не знает — это людей, социальных отношений, а ими он особенно интересуется. Ребята постарше начинают не любить рассказов про животных, им интересны люди. Они внимательно изучают людей и их взаимоотношения. Детская книжка должна прийти тут на помощь ребятам. Для детей лет 8—10 она должна дать элементарные типы людей, достаточно выпуклые и рельефные, она должна вскрыть основные социальные отношения, и тут сказка и басня имеют крупное значение. Конечно, не сказка фантастическая, а бытовая, схематизирующая известные социальные отношения. Весь вопрос в выборе сказок. Но гораздо еще важнее сказок жизненные рассказы, рисующие реальную жизнь. Тут надо только приспособиться к потребностям ребенка, избегать длинных описаний и рассуждений, а давать яркие образы, давать их в действии. Ребята этого возраста не очень много обращают внимания на форму — их внимание приковывает содержание, действие. Важны типы, важна фабула. До психологических анализов, до тонкости нюансов в характерах ребенок еще не дорос, ему нужны выпуклость типов и их выявление себя в действии. Хороши для этого возраста были бы биографии, но они обычно пишутся не так, как нужно детям, не на те стороны обращается внимание, которые интересны детям. Наиболее захватывающе действуют на ребят такие биографии, как биография, например, Софьи Перовской. Детство в барской обстановке, ушла, порвала с семьей, пошла работать в деревню, в сыроварни, увидела, что царское правительство мирволит помещикам, угнетает народ, стала революционеркой, себя не пожалела, царя помогла убить, сама на смерть

пошла. Тут цельность характера, тут человек выявляет себя в действии, тут нет сюсюканья. Тема большая, но трактуется по-детски. Или: еврейский ребенок местечка какого-нибудь. Нищенская обстановка, ребенка травят. Жизнь изменилась: ребенок стал врачом, он встречается с мальчиком, который травил его, теперь это взрослый сознательный рабочий, вспоминают прошлое и резко критикуют старые порядки. Дети взапуск зачитываются такими рассказами.

Тут динамичность, тут ясность основной мысли. Это то, что требует ребенок возраста 8—13 лет.

Ребенок хочет знать, что хорошо, что плохо.

В этом возрасте он вырабатывает основы своей этики. Станным образом, его не отталкивают «поучительные» рассказы. Он рад, когда автор помогает делать ему вывод из тех или других фактов, не любит только рассуждений на тему о том, что хорошо, что плохо, если они являются просто рассуждениями, не опирающимися на факты. Но вы постоянно услышите от ребят этого возраста: «Не правда ли, она ведь была очень хорошая?» Ребята не любят, когда им рисуют людей, относительно которых не понять, что это за люди. В этом возрасте особо опасна мещанская, буржуазная мораль. У ребенка нет еще собственных критериев, они только-только еще вырабатываются. У него нет еще критического подхода к моральным оценкам.

Вот почему, если дошкольника надо защищать главным образом от ведьм и людоедов, от дезориентирующих образов, то ребят 8—13 лет надо защищать от буржуазной морали, от дезориентирующих оценок социальных отношений. Но застраховывать от буржуазной морали надо не путем критики словесной, а путем противопоставления ей морали коммунистической, облаченной в яркие, увлекательные живые образы. Тут в современной

детской литературе самое больное место. Это та область, где нужна усиленная работа.

Если ребятам дошкольного возраста почти недоступна карикатура, то ребята возраста 8—13 лет особо любят смешное. Так же, как им важно разобраться в том, что плохо и что хорошо, так же важно разобраться в том, какие комбинации величин, личностей, социальных отношений соответствуют действительности, какие нет. Они заливаются над Гоголем, они любят смешные рассказы Чехонте (Чехова), И. Ф. Горбунова, вглядываются в газетах в карикатуры. Они довольны, что понимают, что то, что описывается, смешно.

В возраст полового созревания, в возраст переходный, очень трудный во многих отношениях, подросток должен вступать вооруженным трезвым подходом к явлениям природы, с определенным подходом к оценке людей и человеческих отношений.

3. КНИГИ ДЛЯ ПЕРЕХОДНОГО ВОЗРАСТА

Это возраст, когда под влиянием процессов, происходящих внутри организма подростка, в нем развивается ряд чувств, переживаний, раньше ему чуждых. Он начинает более эмоционально относиться ко многим вопросам, более требователен к себе и к людям. Конечно, у разных подростков это выражается по-разному, но это самый мятущийся, самый критический, самый неуравновешенный возраст. В этом возрасте особенно боится подросток чужих влияний, особенно замкнут и предпочитает часто книгу, чем живого старшего человека, к которому он даже хорошо относится. Это возраст самоутверждения, возраст решающий. Громадное значение имеет тот багаж, который ребенок приобрел в предыдущий период, 7—12 лет, какие тогда этические представления у него

выработались, какие он в тот период составил себе представления о людских отношениях.

В этом возрасте подросток уже не удовлетворяется описанием элементарных людских типов и отношений, хотя любит читать и литературу, соответствующую предыдущему возрасту, — его интересуют более сложные явления. В области естествоведческой его интересуют проблемы размножения, наследственности, видоизменяемости, интересуется работа головного мозга; в обществоведческой области подростка интересует больше всего внутренняя борьба различных настроений, противоречивость импульсов и пути преодоления этих противоречий; в области общественной — социальная структура, справедливость, осуществляемая в социальной структуре. Подростка возмущает эксплуатация, всякая общественная несправедливость, с которой он готов бороться, он и тут ищет выхода. Это возраст, когда в антирелигиозной семье вдруг — неожиданно для всех — подросток начинает читать евангелие, стыдясь этого, делая потихоньку, демонстративно идет в церковь. С другой стороны, его страшно увлекают всякие социальные романы, и для общественного уклада он ищет выхода. Он восприимчив в этом возрасте к пропаганде социалистических идей. Конечно, эти интересы подростка переходного возраста не всегда им самим осознаются, очень многое определяется тут средою.

Ко всякому морализированию, навязыванию взглядов подросток переходного возраста относится резко отрицательно. В этом возрасте постоянно от него слышишь: «я сам знаю», «я не маленький», «не лезьте, без вас знаю».

В словах взрослых, в книжке подросток замечает малейшую фальшь — отсюда его требовательность к форме. Если ребенок в возрасте 8—13 лет формой мало инте-

ресуется, то подросток переходного возраста требует художественности.

Одновременно с этим и к серьезной книжке требования предъявляются другие. На слово подросток не верит. Ему нужны личные наблюдения, ему нужны первоисточники. Исследовательский метод наиболее подходит к его настроениям.

Все это определяет характер литературы для подростка. Правда, он стремится читать все, отрицательно относится к персональным рекомендациям, но тем важнее давать ему в руки рекомендательные, умело составленные каталоги.

1926 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДЕТСКОЙ КНИЖКИ

Комиссия по детской книге при научно-педагогической секции ГУСа, обсуждая состояние книжного рынка, выяснила, что на книжном рынке очень много хламу, что выходит масса бессодержательных, нелепых, уродливых книг, что нет никаких мерок для оценки детских книг, никаких установившихся критериев. Между тем спрос на детскую книжку громаден. Книжка дополняет работу школы, продолжает ее, обслуживает ребят, не посещающих школу. Она имеет громадное влияние на ребят. Комиссия по детской книге при научно-педагогической секции ГУСа выработала основные требования к детской книжке, которые и были утверждены на заседании коллегии от 23 декабря 1926 г. (см. ниже).

В дальнейшем решено организовать при научно-педагогической секции ГУСа специальную комиссию по предварительному просмотру детской книжки и издавать совместно с ГИЗом специальный бюллетень по оценке детской книжки.

Параллельно с этим ведется в Соцвосе большая сводная работа по составлению сжатого рекомендательного каталога по детской книжке на основе имеющихся уже

рекомендательных каталогов Главполитпросвета, Института детского чтения, Педагогической студии и пр.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ДЕТСКОЙ КНИЖКЕ

1. От прошлого мы унаследовали большое количество литературы для детей. Однако огромная часть этого наследства для нас совершенно неприемлема, в корне противоречит нашим задачам воспитания.

Используя художественную литературу прошлого, беря из нее все самое ценное, мы, однако, отбрасываем целиком произведения, проникнутые мистикой, верой в бога и чудеса, проповедующие монархизм, национальную вражду, шовинизм, право сильных народностей угнетать народности слабые.

Для нас неприемлема литература, проповедующая пассивность, примирение со злом, долготерпение, преклонение перед богатством, внешностью, силой. Неприемлема книга, пропитанная рабской или господской моралью.

2. В художественном отношении детская книга должна стоять на высоте требований, предъявляемых к литературе общей.

Она не должна быть суха, грубо тенденциозна, должна быть интересна для детей, увлекать их, будить их мысль, содействовать развитию у них общественных инстинктов, стремления к жизни в коллективе. Детская книга должна давать яркие образы, быть для ребенка источником радости, помогать ему осмысливать окружающую жизнь, явления природы и отношения между людьми.

Надо работать над созданием детской литературы, связывая эту работу с наблюдением над интересами со-

временного ребенка различных общественных слоев, над его требованиями к книжке.

Наряду с этим важно изучать особенности народной сказки, художественные приемы, делающие эту сказку близкой ребенку (например, простота и схематичность сюжета и характеров героев, коммулятивность, ритмичность и пр.). Необходимо использовать эти приемы при создании новой детской книжки, реалистической по содержанию.

3. Волшебные сказки мы считаем вредными. Они мешают ребенку разобраться в окружающем, развивают суеверия, действуют на его нервы, вызывая чувство страха, питают нездоровую фантастику, притупляя чувство реальности. Животный эпос допустим как художественный прием в книжке, предназначенной для того детского возраста, когда у детей есть уже ясные реальные представления о животных.

4. В связи с возрастными особенностями детей требования к детской литературе могут быть разбиты на следующие группы:

а) Книга для дошкольников 3—4 лет.

По содержанию она должна быть очень проста, должна помогать ребенку ориентироваться в непосредственно окружающей его жизни (нужны поэтому разные книжки для городских и деревенских малышей, для малышей различных местностей).

Что касается формы, то книжки этого возраста должны быть книжками-картинками.

Рисунки должны быть реалистичны, просты, четки, без сложных нагромождений. Картинки должны быть красочны. Желательно, чтобы они давали изображения людей, животных и прочее не только в состоянии неподвижности, но и в движении.

Если книжки-картинки снабжены текстом для чтения

этого текста ребенку, он должен быть короток и прост, непосредственно связан с содержанием картинки.

б) Книга для дошкольников 5—7 лет.

По содержанию книжка должна исходить из жизненного опыта ребенка этого возраста, но в то же время помогать ему при помощи книжки расширять этот его жизненный опыт.

В этом возрасте ребят начинают уже интересоваться не только вещи, но и их взаимная связь. Эту связь надо показывать ребятам такой, какая она есть на самом деле.

Очень важно использовать пробуждающийся в этом возрасте интерес ребят к жизни и переживаниям других детей, заинтересовывая их жизнью небольших ребятчих коллективов, стимулируя интерес к коллективной игре.

В этом возрасте главную роль в книжке все еще играет картинка. Текст, которым она снабжена — если она снабжена этим текстом, — предназначается для чтения ребенку вслух. Надо учесть, что в этом возрасте язык текста, читаемого детям, играет большую роль. Это возраст, когда ребенок особо легко запоминает слова и выражения и вводит их в свой лексикон. Он не всегда осознает до конца их смысл, но именно в этом возрасте он накапливает основную запас слов и оборотов. Поэтому именно в книжках для этого возраста язык должен быть особенно безупречен. Недопустимо подделывание под детский язык, коверканье языка. Язык должен быть обычным языком взрослого человека, возможно более простым, но ярким и сильным, чуждым вычурных оборотов. Преобладать должна обычная форма, — та, которой говорят между собой люди. Не следует злоупотреблять стихотворной формой. Когда даются стихи, они должны быть хороши по форме.

в) Книга для ребят 8—12 лет.

В этом возрасте книжка играет для ребят особо важную роль. Конечно, интересы ребят 8 и 12 лет весьма различны, но общее для всего этого возраста — это интерес к взаимоотношениям между людьми, к социальным отношениям. В центре внимания ребят этого возраста по преимуществу стоят «люди». У ребят этого возраста нет еще никаких общественных критериев, они беззащитны в этом отношении. Вот почему особо нужна в книжках этого возраста идеологическая выдержанность. Конечно, важны не общие рассуждения на социальные темы, а конкретные, живые картины, насыщенные социальным содержанием. Нужны интересная фабула, развертывающееся действие.

В возрасте 10—12 лет ребят интересуют социальные романы, интересуют борьба. Само собой, для ребенка близко и ясно должно быть, из-за чего идет борьба. Например, близка и понятна ему борьба против рабства, против крепостного права и т. д.

Надо учитывать, что идеи и фабула должны быть по возможности более просты и доступны ребенку этого возраста.

г) Книга для подростка.

Кроме вышеотмеченных моментов, особо важно дать этому возрасту материал, который позволил бы ему осмыслить то, что он бессознательно воспринимал в возрасте 10—12 лет.

Особое значение для подростка получает критика, оценка общественных явлений.

Особенности переходного возраста вызывают у подростка стремление к самоуглублению. Подростка начинают все больше и больше интересовать вопросы морали, личности, отношения личности к коллективу и т. п. Для этого возраста имеют особо важное значение

ние биографии различных деятелей, они дают стимул к работе над собой, к выработке в себе выдержки, умения вести общественную работу. Однако надо остерегаться культа личности и давать биографии на фоне общественного движения.

Уже ребят в возрасте 10—12 лет, но еще больше подростков начинает интересовать борьба человека с природой, овладение им силами природы. Надо дать подросткам романтику техники, показать им достижения науки в различных областях, показать перспективы.

Наряду с этим надо давать и производственную книгу, указания, «как сделать самому».

Не менее важны и природоведческие книжки. Книжки естествоведческие также должны быть, с одной стороны, перспективные, ширящие горизонт, с другой стороны, рабочие, втягивающие ребят в наблюдение над природой, в работу над использованием ее сил и богатств.

ЧТО Я ПОМНЮ ИЗ ПРОЧИТАННЫХ В ДЕТСТВЕ КНИГ

Первая книжка, которая попала мне в руки, — года три мне тогда было — была «Степка-Растрепка». Осталось в памяти, как мать мне читала про Катюшу. Она читала очень выразительно. Когда мать воскликнула: «Горит Катюша наша!», я подняла неистовый вой. Но мне было жалко не Катюшу, а мать, которая чем-то тревожится.

Как влиял на меня «Степка-Растрепка»? Мне снилось: отворяется заслонка в большой комнате, и из нее выходит процессия чернушек, как в «Степке-Растрепке», только были они почему-то при шпагах и в треуголках.

Я была так удивлена этим сном, что запомнила его на всю жизнь.

Я помню все картинки «Степки-Растрепки» и много стихов.

Несомненно, под влиянием «Степки-Растрепки» я стала бояться портных и трубочистов.

Когда мне было 5 лет, мы жили в Варшаве и очень бедствовали, жили в чужих квартирах. Я помню сценку. Какая-то черная лестница, по которой мы поднимаемся с мамой, чтобы посмотреть новую квартиру, куда

мы должны перебраться в тот же день. Но когда мать открыла дверь, оказалось, что старые жильцы еще не выехали. Это были портные; в большой комнате они сидели на столах, поджавши ноги, что-то шили, и рядом с одним из них лежали большие ножницы. Помню, как я удивилась, что портные люди как люди, непохожи на портного из «Степки-Растрепки», где «вбежал портной с большими ножницами, злой».

Помню еще одно. Мать, чтобы отучить меня от боязни трубочистов, применила следующий педагогический прием: когда пришел трубочист к нам в квартиру чистить трубу, а я ладила забраться не то в шкаф, не то под кровать, мать мне сказала, что чистить трубу очень трудно, трубочист устал, надо его попоить чаем, и предложила мне отнести ему чашку чая. После этого я просила, чтобы к нам чаще приходил трубочист, — страх пропал.

Когда мне было лет шесть, у нас жила девочка лет 14, Маша, которая присматривала за мной. Она рассказывала мне разные страшные сказки, после которых я стала бояться темных комнат, того, что вдруг откроется дверь, войдет разбойник, и пр.

Помню также сказку о медведе, которую мне читала мать. Медведь подглядывал в окно и видел, что баба за прялкой «на его шкуре сидит, его шерстку прядет». Глядевший в окно медведь представлялся мне ужасно страшным.

На святках Маша, чтобы освободиться от меня, а самой сбегать к соседке-подружке, сказала мне, что надо остаться одной в комнате, пристально смотреть в большое зеркало и тогда увидишь своего будущего жениха и что это очень интересно. Она поставила меня перед зеркалом, а сама ушла. Долго-долго глядела я в зеркало и довела себя до того, что вдруг увидела в зеркале

громадного медведя. Я дико закричала и упала почти без памяти. Рассказать, в чем дело, я не умела, так что ни мать, ни отец так и не узнали, что со мной случилось.

И все же меня больше всего привлекали книжки о медведях. Когда я прочла «Историю одного медведя» о медвежонке, о том, как он жил сначала в одной семье и там проказил, а потом его обучили всяким фокусам и водили по деревням, я перестала бояться медведей, — медведь стал близким, перестал быть страшным.

В возрасте 7—8 лет мы жили в Киеве. Тут уже я читала всякую всячину: мало понятного мне «полного» Робинзона, стихи Пушкина и Некрасова. Из Пушкина мне больше всего нравилось в 8 лет стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный, молчаливый и простой, с виду сумрачный и бледный, духом смелый и прямой». Были у меня подружки-однолетки, дочери зубного врача. Они часто дразнили меня: «Надя, скажи стихи про рыцаря». Я воодушевлялась, начинала декламировать, но, когда доходила до места «духом смелый и прямой», подружки вскакивали и начинали кричать: «Ухом? ухом?» Я злюсь, бросаюся драться, а они хохочут. На завтра та же история, вновь попадаюсь в ловушку.

Ходила я в школу на Крещатике. Школа была скучная, учили французские стихи, что-то списывали с книги. Но был один интересный урок, урок закона божия. Когда приходил батюшка, два класса соединялись вместе и батюшка начинал рассказывать истории из Ветхого завета, причем показывал картины. Это было похоже на сказки. Врезался в память один рассказ. Бог будит ночью пророка Самуила. Самуил сначала не понял, кто говорит, потом догадался, что это бог, и сказал: «Говори, господи, слушает раб твой». На меня, восьмилетнюю девчонку, это произвело колоссальное впечатление. С богом можно, оказывается, поговорить по душам. Он все

поймет, выслушает и не будет смеяться. Этот вопрос очень меня занимал. Я хотела с кем-нибудь посоветоваться, как лучше начать разговоры с богом. С отцом я об этом не хотела говорить. Он не раз говорил, что бога нет вовсе, посмеялся раз надо мной, когда я молилась богу. С мамой тоже нельзя было поговорить. Я знала, она скажет: не говори глупостей. Тогда я решила посоветоваться с женой зубного врача, матерью моих подружек, подвитой и затянутой в корсет немкой. Я слышала, что взрослые говорили, что муж ее обижает, и я подумала, что она говорит с богом о своем горе, — она знает, как с богом разговаривать. Я думала, она умрет со смеху, когда ее спрошу, станет ли со мной говорить бог, если я ему скажу: «Говори, господи, слушает «рака» твоя». Дело в том, что я не знала, что значит слово «рак», никогда этого слова не слыхала. В классе я сидела на задней скамейке и плохо расслышала: мне показалось, батюшка сказал «рак». Это было неможно странно, но, очевидно, думала я, богу нравится, когда человек называет себя «рак»! Про девочку надо было сказать, очевидно, не «рак», а «рака». Хотя я ничего от немки не узнала, но, когда по вечерам тихонько от взрослых молилась, я всегда начинала молиться словами: «Говори, господи, слышит «рака» твоя».

Увлекалась я очень журналом «Детское чтение». Это было в 1877 г. — турецкая война. Помню рассказ «Горе и труд», кажется, Цебриковой, где рассказывалось, как труд дает силы справиться с горем, рассказ о докторе-еврее, лечившем русских ребят, о том, как черногорка Роксана спасла брата, стихи о «щенке» — «прикурнувши на припеке, мой арапка спит, а над ним оса большая вьется и жужжит», указания, как сделать самому ряд вещей. Помню, никак не могла собраться прочитать о том, как люди научились писать.

В 9 лет взасос, дрожа, читала «Таинственный остров» Жюль Верна, «80 тысяч верст под водой». Читала сказки, рассказы о детях.

В 10 лет я поступила в гимназию. Детям обычно запрещают читать глупые романы и пр. Отец считал, что запреты только разжигают нездоровое любопытство, что надо действовать не запретами, а давать детям интересные для них, увлекательные, хорошие книжки. Потому мне разрешалось читать все, что я захочу. Мать эту зиму тяжело хворала, отец что-то нервничал — заработка не было, он не спал ночи, и по ночам и мать и отец много читали иностранной переводной литературы, какие-то «Ожерелье испанской королевы», уголовные романы и т. п. Мне было любопытно, что это за книжки, но, несмотря на то, что мне разрешалось читать все, что я хочу, я стеснялась их читать, ибо как мать, так и отец называли их «дурацкими». Все же, выбрав время, когда никого не было дома, я развернула какие-то «Тайны мадридского двора» и диву далась, как взрослые могут читать такую скучищу. Больше я в них не заглядывала.

В 12 лет я стала читать Л. Толстого, Тургенева, классиков, которые были в моде в гимназии, стала пробовать читать книжки посерьезнее, но все это читала потому, что «надо». Прочитав то, что себе наметила, я обычно вытаскивала из дальнего угла каких-нибудь «Детей лесов», «Маленьких женщин», впивалась в них и забывала все на свете...

1928 г.

ОБ ИГРУШКАХ ДЛЯ ДОШКОЛЯТ

Мы не можем подходить к вопросу о детской игрушке с точки зрения того, какая игрушка нравится взрослому человеку. Мы должны подойти к вопросу об игрушке с точки зрения того, что нравится ребенку и что ему нужно.

Важно определить, для какого возраста какая игрушка нужна.

Больше всего игрушка нужна для дошкольного возраста. Нужна игрушка массовая, дешевая, общедоступная.

Какая игрушка нужна для младших дошколят?

Дошкольник младшего возраста еще не освоил окружающей среды. Он изучает ее путем наблюдения, подражания, повторения без конца одних и тех же движений, слов, игр. Надо наблюдать, на что направлена его самостоятельность, и давать те игрушки, которые его самостоятельность стимулируют, организуют ее, направляют в определенное русло.

Ребенок не умеет еще как следует различать цвета. Надо дать ему игрушки, которые научат его различать цвета (тут очень хороши разноцветные лоскутки, в которые ребята могут заворачивать свою куклу, разноцветные кружочки, коробочки и т. п.).

Ребенок не различает еще величин: ему надо давать игрушки, которые помогли бы ему осваивать величины.

Тут хороши игрушки наподобие вкладных яиц, разные вкладные коробочки, разной величины деревянные зверушки, знакомые детям, или фигурки людей. Дети могли бы расставлять фигуры по росту, по величине: пара взрослых, пара девочек, пара мальчиков; пара взрослых, три девочки, пять мальчиков и т. п. Фигуры должны быть простые и ни формой, ни раскраской не отвлекать ребят от основного.

Ребята не знают еще расстояния. Им надо дать аспидную доску и мелообразный карандаш, чтобы ребята могли проводить линии разной величины, в разные стороны, стирать их и проводить другие.

Нужны мягкие мячики, которые можно бросать вверх, вниз, катать, подбрасывать, не боясь что-нибудь разбить, кого-нибудь ушибить, и т. д.

Ребята еще развивают в себе чувство осязания, им надо все потрогать. Им надо давать предметы жесткие, мягкие, гладкие, шершавые; учить их различать предметы на ощупь, отличать форму на ощупь, вытаскивая из мешочка ту или иную вещь.

Хорошо давать ребятам дошкольного возраста разные звуковые инструменты — звоночки, барабаны (конечно, это не комнатные игры).

Важно, чтобы ребенок имел простую, небьющуюся, неуродливую куклу, которую он бы мог купать, умывать, одевать и раздевать, в процессе этом учась завязывать тесемки, застегивать пуговицы. Кукла должна быть самая простая, дешевая, но красивая, такая, которую трудно испортить, изуродовать.

Важно дать ребенку небьющуюся посуду, которую он мог бы расставлять, наполнять песком, зернами, и т. п. Не надо в младшем дошкольном возрасте давать

непрерывно слонов, тигров, медведей, которых ребенок еще не видел живыми. Если ему нравится мишка, то только потому, что он мягкий, что лапы у него двигаются. Лучше давать ему мягкую кошку, собаку, лошадь, так как этих животных он видит живыми, может их наблюдать.

Надо давать кубики (большие, но легкие) и другие деревянные материалы, из которых можно строить различные сооружения.

Летом важно давать деревянные лопатки, тачки, повозки, сумочки, корзиночки, куда можно собирать всякую всячину. Зимой нужно давать саночки.

Какие игрушки интересуют дошколят более старшего возраста?

Если малыши охотнее играют в одиночку, то дошколята постарше любят играть уже вместе.

Если малышей интересует отдельная кошка, собака, корова, лошадь, девочка, мальчик, отдельный дядя или тетя, то ребят постарше интересуют все эти предметы в действии, в определенной обстановке. И тут картинки, их характер особенно важны.

Старшего дошкольника интересуют окружающие люди. Вот мать. Что она делает? Вот отец. Что он делает? Что делает его старший брат? и т. д. Интересует его прежде всего то, что ему близко, понятно, — не экзотика: не то, что за пределами его кругозора, а та жизнь, те люди, которых он наблюдает.

Тут важны разрезные картинки такого типа. В старину было на картоне нарисовано: сидит турок и курит трубочку. Нарисован старик, сидящий на пне. Рядом с ним на картоне сделано место, куда можно вдвигать другие картинки. «И вот приходит маленькая девочка» — вдвигается картинка с девочкой в розовом платьице и т. д. Теперь содержание должно быть другое, но тип

игрушки может быть сохранен. Он может быть очень интересен, если материал будет близок и понятен ребятам.

Если вы посмотрите на рисунки ребят 4—5 лет, то увидите, что они рисуют вещи, людей всегда в определенной обстановке. Детали их еще не интересуют. Это—возраст, когда ребята начинают рисовать. Им надо давать уже бумагу и мягкие цветные карандаши.

Дошкольный старший возраст — самый трудный возраст для обслуживания игрушкой, так как обстановка, в которой живут ребята, очень разнообразна. А ребятам этого возраста нужна сугубая конкретность.

И игрушки для этого возраста должны быть такие, которые могли бы помогать им изучить окружающую конкретную действительность. Для этого возраста очень хорошо уже пользоваться детским театром. Петрушка, например, очень любим дошколятами, но содержание того, что там изображается, должно быть конкретно, как можно менее надуманно. Иногда взрослый не понимает, чему ребенок смеется, чего он пугается. Взрослый должен тщательно изучать особенности детского возраста. Должен это делать и изготовитель игрушки, ибо без этого игрушка не будет радовать по-настоящему ребенка, не будет помогать его росту, развитию.

В данной статье высказаны лишь некоторые соображения об игрушке для дошколят. Надо не мудрить особенно с оформлением игрушек, важны простота и дешевизна. Сейчас широкое развертывание яслей и детских садов ставит во весь рост и вопрос об игрушке для малышей. Его надо как следует продумать.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	3
Моя жизнь	7
Леля и я	26
Детство и ранняя юность Ильича	31
Ленин и дети	49
Ленин о детях и о воспитании у подрастающего поколения коммунистической морали	53
Воспитание	58
Воспитание подрастающего поколения в коммунистическом духе — важнейшая задача	75
Предисловие к книге «Коммунистическое воспитание смены»	81
Коммунистическое воспитание детей и подростков	83
Следует ли обучать мальчиков «бабьему делу»?	96
О коллективном труде детей	101
Необходимые навыки	104
Значение дошкольного воспитания	107
XVII партконференция и задачи дошкольного воспитания	111
«Коллективная мать»	123
О быте работниц	125
О детских яслях и площадках	129
Важный бытовой вопрос	132
Опять о детворе	137
Как воспитывать детей	139
Забота о здоровье ребят	141
О бытe детей	144
О сознательной дисциплине (письмо пионерам и школьникам)	146
О дружбе ребят всех национальностей (письмо пионерам)	150

Международная детская неделя	155
Об антирелигиозном воспитании	160
Как вести среди ребят антирелигиозную пропаганду	165
«Мое» и «Наше». Надо беречь общественное имущество (письмо пионерам)	169
Буржуйские замашки вон из советской школы! (письмо пио- нерам)	173
О задачах художественного воспитания	178
К вопросу о детской книжке	184
К вопросу об оценке детской книжки	192
Что я помню из прочитанных в детстве книг	198
Об игрушках для дошколят	203

Надежда Константиновна Крупская

О ВОСПИТАНИИ В СЕМЬЕ

Редактор **С. Ф. Егоров**

Обложка **М. А. Силкиной**

Худож. редактор **Л. В. Голубева** Техн. редактор **В. В. Новоселова**

Корректоры **Л. С. Квиць** и **М. К. Пестова**

Сдано в набор 13/IX 1961 г.

Подписано к печати 26/X 1962 г.

Формат 70×108^{1/32}

Бум. л. 3,25+вкл. 0,03.

Печ. л. 13,0+вкл. 0,13

(Условных 8,97 + вкл. 0,09).

Уч.-изд. л. 7,88.

А 02464.

Тираж 79 000 экз. (1-й завод 30 000)

Цена 34 коп.

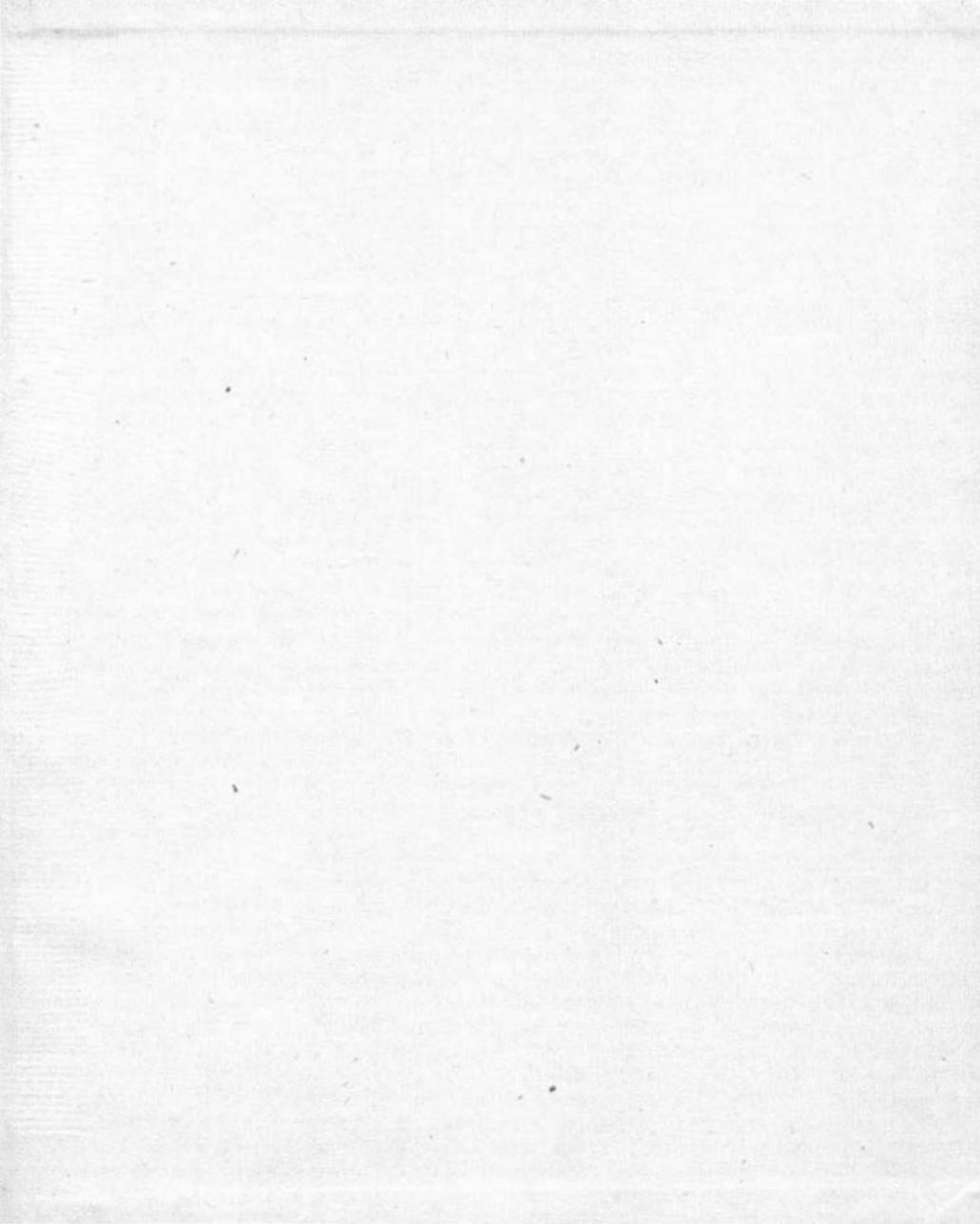
Зак. 455

Изд-во АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 8.

Типография Изд-ва АПН РСФСР, Москва, ул. Макаренко, д. 5/16.

34 коп.

83906

23

2011122040